100 ЗНАМЕНИТЫХ ЖЕНЩИН

100 знаменитых

Татьяна Иовлева

100 знаменитых женщин

«Фолио»
2008

Иовлева Т. В.

100 знаменитых женщин / Т. В. Иовлева — «Фолио», 2008 — (100 знаменитых)

Героини этой книги совсем разные – и по профессии, и по характеру, и по образу жизни. «Личный оператор» Гитлера Лени Рифеншталь, отвергнутая обществом за сотрудничество с нацистами и тем не менее признанная этим же обществом гениальным кинематографистом; Валентина Терешкова – первая женщина космонавт, воспринимаемая современниками как символ эпохи, но на самом деле обычная женщина, со своими невзгодами и проблемами; Надежда Дурова – женщина-гусар, оставившая мужа и сына ради восторга боя; Ванга – всемирно признанная ясновидящая, использовавшая свой дар только во благо…Рассказы о каждой из 100 героинь этой книги основаны на фактических материалах, однако не все они широко известны. Так что читатели смогут найти здесь для себя много нового и неожиданного.

© Иовлева Т. В., 2008
© Фолио, 2008

Содержание

От авторов 5
Стоявшие у руля государства 6
ОЛЬГА 6
РОКСОЛАНА 10
ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ 14
КРИСТИНА АВГУСТА 18
ЕКАТЕРИНА II ВЕЛИКАЯ 23
ВИКТОРИЯ 30
МЕИР ГОЛДА 35
ЦЫСИ (ЦЫ СИ) 39
ГАНДИ ИНДИРА 43
ТЭТЧЕР МАРГАРЕТ 47
ЕЛИЗАВЕТА II 51
ОЛБРАЙТ МАДЛЕН 55
МАРГРЕТЕ II 59
Бунтарки и подвижницы 62
МОРОЗОВА ФЕОДОСИЯ ПРОКОПЬЕВНА 62
КОРДЕ ШАРЛОТТА 66
ВОЛКОНСКАЯ МАРИЯ НИКОЛАЕВНА 69
ПЕРОВСКАЯ СОФЬЯ ЛЬВОВНА 74
СПИРИДОНОВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА 78
Носительницы добра и милосердия 83
НАЙТИНГЕЙЛ ФЛОРЕНС 83
ВРЕВСКАЯ ЮЛИЯ ПЕТРОВНА 87
РОМАНОВА ЕЛИЗАВЕТА ФЕОДОРОВНА 91
РЕРИХ ЕЛЕНА ИВАНОВНА 95
КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА (СКОБЦОВА) ЕЛИЗАВЕТА ЮРЬЕВНА 100
Конец ознакомительного фрагмента. 104

Татьяна Иовлева, Валентина Скляренко, Валентина Мац 100 знаменитых женщин

От авторов

Памяти Валентины Дмитриевны Кравченко посвящается

«Совершенная женщина есть более высокий тип человека, чем совершенный мужчина, но и нечто гораздо более редкое». Так утверждал не кто другой, как приверженец культа сильной личности немецкий философ Фридрих Ницше. Такое признание особенно ценно, если учесть, что сделано оно человеком, отнюдь не питавшим особого пиетета к представительницам прекрасного пола и считавшим их жизненным уделом кухню, церковь и рождение детей.

Отзвуки такого отношения к предназначению женщины в обществе, идущие с древнейших времен и характерные вплоть до XIX века, мы ощущаем нередко и в начале века XXI. Этому есть немало различного рода причин – исторических, физиологических, психологических, этических. Характеризуя их в своей книге «Смена власти», американец Элвин Тоффлер писал: «Благодаря природной физической или мускульной силе мужчины доминировали со времен племенных культур, где сильный всегда правил слабым. Мужчины стали управлять и индустриальной базой, а поэтому продолжали править, когда власть мускулов сменилась властью финансов. Мужчины начинали как охотники, женщины – как няньки; затем мужчины стали рабочими, а женщины превратились в домохозяек». В этих условиях приходится только удивляться, как наперекор общественным традициям отдельным женщинам все же удавалось стать личностями и занять достойное место в обществе. При этом их достижения распространялись не только на такие сферы деятельности, как культура, литература и искусство, считавшиеся более соответствующими женской природе. Не менее талантливо проявляли себя женщины и в политике, управлении государством, науке, технике, спорте, бизнесе. Нашлось немало и таких, которые достигли значительных высот в профессиях, исконно считавшихся мужскими.

Отбирая героинь для этой книги, авторы старались показать все многообразие видов деятельности, в которых знаменитые женщины сумели реализовать свои лучшие духовные и физические качества – талант, энергию, характер, силу воли, изобретательность, находчивость, выносливость, умение сострадать, жертвовать собой во имя идеи, дела, своих близких. Такой подход обусловил тематическое построение книги. Для удобства поиска интересующих читателя персон в конце издания помещен алфавитный указатель.

Рассказать обо всех знаменитых женщинах, кумирах разных времен и народов, в рамках одной книги, конечно же, невозможно. И поэтому, к сожалению, в ней не нашли отражения судьбы многих других, не менее достойных героинь. Особенно это касается наших современниц, достижения которых со всей полнотой сможет оценить лишь грядущее поколение. Но какими бы из почетных титулов не наградило оно впоследствии своих избранниц, все они в равной степени заслуживают той оценки, которая прозвучала из уст американского писателя Кристиана Боуви: «После Бога мы в первую очередь в долгу перед женщиной: сперва она дарует нам жизнь, а потом придает этой жизни смысл».

Стоявшие у руля государства

ОЛЬГА

(род.? – ум. в 969 г.)

Святая равноапостольная княгиня киевская. Правила в малолетство сына Святослава.

«Праматерь всех царей русских», святая равноапостольная княгиня киевская – вот кем была Ольга (в разноязычных интерпретациях Хельга, Хальга, Алогия), в крещении Елена. В историю она вошла как великая устроительница государственной и культурной жизни Киевской Руси.

Вариаций на тему происхождения будущей княгини множество, и каждая подкреплена летописным или церковным источником. По летописным сведениям, она родом из Пскова и приходилась родственницей правившему тогда Олегу. Историк В. Н. Татищев утверждал, что она – внучка новгородского посадника Гостомысла, предшественника Рюрика, и в доме звали ее Прекрасой.

В 903 г. девочку предположительно в десятилетнем возрасте привезли в Киев, чтобы обручить с 25-летним Игорем, сыном Рюрика, который позднее принял великокняжение. Согласно древнерусской традиции, официальное имя она получила по принадлежности к роду, по отцу. Вопреки красивой легенде о женитьбе княжича на малолетней простолюдинке, существуют научные версии того, что Ольга была все-таки знатного рода. В Древней Руси родовая принадлежность имела большое значение, и никто из князей никогда не женился на простых девушках. Олег, будучи регентом при Игоре и полновластным хозяином на Руси, пока тот не возмужал, не допустил бы такого неразумного поступка. А вот невеста из рода Гостомысла была вполне подходящей партией, обеспечивающей связь двух родов. Норманнскому конунгу Олегу, пришлому на Русь, легче было удержать власть при поддержке местной знати. Он имел огромное влияние и на Игоря, тот даже в довольно зрелом возрасте «ходил по Олеге и слушал его». Достаточно вспомнить, что легендарный поход Олега на Царьград (так в летописях называют Константинополь) и заключенный с греками договор были делами того же Олега – «великого князя русского», а новый договор 911 г. имел место, когда Игорю перевалило за тридцать. Полновластно править он начал с 912 г., то есть после смерти Олега. Но не будем гадать о достоинствах и недостатках молодого князя, согласимся с тем, что его брак был делом большой политики.

О годах правления Игоря известно мало. Ему довелось покорять древлян, оглядываться на печенегов, что появились в степях Причерноморья, и безуспешно воевать с Византией под давлением хазар. Приходилось князю совершать далекие и долгие походы, поэтому внутренними делами все более активно начинала заниматься Ольга.

Осенью 945 г. Игорь погиб от рук древлян, с которых хотел получить дополнительную дань. И княгиня осталась одна с сыном.

Широко известна легенда о троекратной мести Ольги жителям древлянской земли. Несмотря на то что они имели мирный вариант разрешения конфликта и даже предложили ей в мужья своего князя Мала, вдова сурово покарала их. Воспитанная в традициях викингов, она легко шла на обман и коварство, бесстрастно относилась к кровопролитию и смерти, чтобы утвердить свою власть. Первой местью было погребение заживо древлянских старейшин вместе с ладьями, в которых они прибыли в Киев. Второе посольство по ее приказу сожгли в бане, а третье уничтожили во время тризны по Игорю под стенами города Искоростеня, где он погиб. Самым жестоким было последнее наказание: хитроумная княгиня пообещала, что отступит от города, взяв небольшую дань – по голубю от двора, а потом приказала привязать к лапкам птиц тлеющие лучины и отпустить. Голуби разлетелись по домам и сожгли город. После этой «науки» не только древляне, а никто из данников против Ольги не восставал. В этой истории столкнулись два различных мировоззрения, две психологии: с одной стороны, славянская открытость и прямодушие, вера в нерушимость данного слова, а с другой – выработанное вековой практикой варягов пренебрежение к понятиям нравственности, которые мешали в достижении цели. У последних коварство и ложь были предметом гордости, если приносили успех. А у славян нормы чести и совести были непререкаемым законом.

Вместе с тем Ольга обладала не только твердым характером, но и гибким умом, поэтому сделала правильные выводы. Она установила фиксированный объем дани с каждой земли. А потом начала «хождения» по своим владениям, чтобы самолично определить места и виды промыслов, размеры доходов с них и порядок распределения. Известно, что две трети она отдавала в распоряжение городского вече, а треть оставляла за собой и тратила в основном на строительство и благотворительность. Это была первая попытка государственного регулирования природопользования. Ольга установила систему «погостов» (от слова «гость», т. е. купец), которые стали центрами торговли и культуры, опорой княжеской власти, местами средоточия интересов иноземных купцов. Со временем они обрастали укреплениями, превраща-

лись в города, а с распространением христианства здесь строились храмы как обязательные приметы культурного роста.

При княгине Ольге в Киеве началось каменное строительство. На Старокиевской горе (это место называли Вышгородом) рядом с каменным теремом вырос еще и дворец, где появился богато украшенный фресками, мрамором и розовым шифером тронный зал для торжественного приема иностранных послов и гостей. А над торгово-административным центром высилась круглая башня. Уже в наши дни археологи раскопали здесь фундаменты древних зданий.

Ослабив влияние местных правителей, княгиня всячески стремилась укреплять централизованную форму власти. Но не менее важным, чем укрепление политической, экономической и военной мощи государства, она считала духовное обновление народа. И сумела понять, что путь к будущему величию и возможности на равных общаться с такими господствующими империями, как Византия и саксонская Германия, лежит через принятие христианства. Но задача эта была не из легких.

История борьбы язычества с христианством на Руси уже тогда насчитывала почти двести лет, от похода и крещения князя Бравлина в Суроже в 795 г. И носила она переменный характер не только в народной среде, но и среди властителей: Аскольд был христианином, Вещий Олег – воинствующим язычником, Ольга вслед за Игорем поддерживала христианские веяния, внимательно присматривалась к сторонникам церкви, понимала прогрессивность их устремлений и решила идти одним путем с ними.

С этой целью и отправилась она в столицу Византии город Константинополь к императору Константину VII Багрянородному, снарядив флот и посольство численностью около двухсот человек (с обслугой – более тысячи). Константин яростно ненавидел и опасался русичей, памятуя разгромные для ромеев походы Аскольда, а затем и Олега, который в 907 г. прибил свой щит «на врата Царьграда». Но появление русского флота на Босфоре сделало свое дело.

Точная дата исторического визита не сохранилась, ученые относят его к периоду между 946 и 957 гг. До нас дошли не только богатые фольклорные свидетельства и хроники, но и оригинальные записи самого императора – он был историком и писателем. В произведении «О церемониях византийского двора» им описан официальный прием Эльги – архонтессы (т. е. правительницы) Руси в императорском дворце. Однако встречей остались недовольны обе стороны. Ольгу возмутило томительное (не один месяц) ожидание приема в порту, явная демонстрация пренебрежительного отношения к себе, весь церемониал, который предусматривал переодевание в византийские одежды, умащивание и опять ожидание, затем процедуру поклонов и падения ниц. От унизительных церемоний она отказалась и приветствовала Константина легким поклоном. Ей были оказаны необходимые почести, с ней подписали и торговые соглашения, однако главных задач княгине решить не удалось. Она планировала договориться об открытии митрополии в Киеве, как это было при Аскольде, и сосватать своему сыну императорскую дочь. Константин счел это дерзостью, подчеркнув своим отказом превосходство империи над Русью.

Существует легенда, будто бы он предложил Ольге руку и сердце, но получил отказ. На самом деле Константин был женат, а Ольге, хоть она и славилась красотой, было уже за шестьдесят. Гораздо более правдоподобна первая цель визита. Ради нее Эльга Русинка встречалась с патриархом и якобы приняла крещение, а крестным отцом являлся сам Константин. Но факт крещения остается спорным. Во-первых, император нигде о нем не упоминает. А во-вторых, известно, что в этой поездке княгиню сопровождал духовник, что означает одно – Ольга уже была крещенной. Хотя возможно, что для придания особой важности визиту она решила вторично совершить обряд в самом Константинополе, давая тем самым понять: и она и ее страна готовы воспринять достижения византийской культуры. Она всегда держалась гордо, с достоинством. В былинном произведении «О взятии Царьграда княгиней Ольгой» запечатлена ее

бескровная победа над надменным Константином. (А за моменты унижения она расквиталась, когда тому впоследствии пришлось просить войско, и ответила послам: дескать, пускай приедет и подождет так, как я ждала у него в порту, тогда и дам.) Отбывая домой, Ольга, нареченная в вере Еленой, получила благословение патриарха Феофилакта: «Благословенна ты в жонах руських, яко возлюби свет, а тьму остави»…

Как бы то ни было, крещение свидетельствовало об уме и дальновидности русской правительницы, определило ее внешнюю политику, направленную на укрепление независимости Руси. Этой линии придерживались в течение двухсот лет и ее наследники. Очень важно, что в насаждении христианства Ольга прибегала к ненасильственным методам. Она понимала, что в стране, где языческие верования имели глубокие корни, невозможно ввести новую официальную религию путем указа. Ведь даже собственного сына Святослава она не смогла переубедить и обратить в свою веру, он оставался язычником до конца дней. Княгиня мирилась с тем, что одни ее подданные молятся в храме (на днепровском берегу красовался соборный храм Ильи Пророка), а другие перед походом клялись на оружии в святилище Перуна. Прошли годы, прежде чем внук Ольги – Владимир покончил с этим и крестил киевлян в Днепре, уничтожая остатки капищ. Более того, воспользовавшись ослаблением Византии, он силой оружия заставил императорский двор выдать ему в качестве жертвы царевну и женился на ней, выполнив и это желание своей бабки – породниться, а значит, и уравняться в величии с могучей державой. Христианизация государства и союз с Византией, начатые Ольгой и завершенные Владимиром, по мнению академика Д. С. Лихачева, «ввели Русь в семью европейских народов на совершенно равных основаниях».

А историк С. М. Соловьев отмечал, что после принятия христианства на Руси возникло также и новое отношение к женщине. Благодаря княгине Ольге они включились в процесс просвещения, ни в чем не уступали мужчинам в «книжности», а также имели «в женском естестве мужскую крепость», иначе говоря, занимались государственными делами – образованием, культурой, строительством, врачеванием, воевали и принимали послов. Примером такого характера была сама княгиня. Самоотверженная, терпеливая и мужественная, она умела не сгибаться в трудные времена, а наоборот – стала духовной опорой для многих людей. Фактически до конца жизни Ольга управляла Русью, потому что Святослав редко бывал в столице, почти все время проводил в походах. Когда в 968 г. князь воевал на Балканах, ей даже пришлось выдержать осаду печенегами Киева.

Предание нарекло Ольгу хитрой, а церковь – святой. Летописец Нестор называл ее звездой, которая предваряет восход солнца над русской землей. Почитание княгини со временем переросло в обожание и обожествление, затем последовало причисление ее к сонму святых. Когда произошла канонизация, мы не знаем, понятно только, что в домонгольские времена, так как день ее памяти (11 июля) встречается в письменных источниках с XIII в. Первые изображения княгини появились в хрониках и летописях, а затем начали воплощаться в иконах, в храмовых фресках и росписях Византии и Руси. Есть предположение, что остатки фресок Софиевского собора в Киеве, возведенного при Ярославе Мудром, изображают именно фрагменты приема русского посольства во главе с Ольгой в Константинополе. А более поздняя иконография, очевидно, берет начало с этих фресок.

Княжение княгини Ольги явилось поворотом в истории Киевской Руси. Страна обрела упорядоченное правление, вошла в политическую систему христианского мира. Благодаря ее мудрости Русь не попала в зависимость ни от Византии, ни от Германии. Уходящие в глубь веков отношения византийцев-греков и русинов получили новое развитие. Через русские земли от Константинополя по Днепру, через Киев и дальше на север, до Новгорода и Балтийского (Варяжского) моря шел знаменитый путь «из варяг в греки». Н. М. Карамзин писал, что Ольга «овладела кормилом государства и мудрым управлением доказала, что слабая жена может иногда равняться с великими мужами».

РОКСОЛАНА

Настоящее имя – Анастасия Гавриловна Лисовская

(род. ок. 1505 г. – ум. 1561 г.)

Любимая жена османского султана Сулеймана I Кануни.

Рассказывать о Роксолане очень непросто. Между нами лежит отрезок времени почти в четыре с половиной столетия, который содержит очень противоречивые сведения разного характера – от исторических хроник до легенд, от сухих цифр до эмоциональных художественных произведений, включая созданный украинскими кинематографистами сериал. Интерес к личности этой своеобразной женщины, жившей в эпоху Ренессанса, не ослабевает до сих пор.

Первая половина XVI в. была временем, когда турки вместе с подвластными им татарами беспощадно грабили территории юго-восточной Европы. «Священная война» мусульман за свою веру имела целью порабощение христиан и оправдывала любые злодеяния. В 1512 г. волна опустошительных набегов докатилась и до современной Западной Украины, которая находилась тогда под властью Речи Посполитой. Историки считают, что в этом нападении

участвовала армия численностью в 25 тыс. человек. Захватчики прошли от низовьев Днепра до Карпат. Разорение и горе, принесенное ими, были так велики, что до сих пор живут в фольклоре зарубками памяти о турецкой неволе и образе лютого врага. Через всю Украину тянулись скорбные дороги невольников – в крымский город Кафу (современная Феодосия), на самый большой рынок рабов, а затем через море в Стамбул. Этот путь проделала в числе других полонянок и девочка 12–14 лет, поповская дочь из городка Рогатин (теперь Ивано-Франковская область) Настя Лисовская.

Многие пишут, что ее продали сначала в Кафе, а затем на «женском» рынке Стамбула – уже как отборный товар. Однако существует версия, что ее передали в дар визирю Рустем-паше в качестве военного трофея. И это очень важный момент, поскольку женщина-товар, т. е. «купленная вещь», по законам шариата не могла стать женой султана или халифа. Только свободная женщина имела право родить наследника престола. При этом всех других младенцев мужского пола, рожденных от правителя, уничтожали.

Значит, Настя была приметной полонянкой, которую сразу же выделили среди прочих по внешним данным. Вдали от родины, среди чужих людей эта девочка не пала духом, а сохранила живость характера и веселость, о чем свидетельствует прозвище Хуррем (веселая, смешливая). Попав во дворец султана, в его гарем, где шла ожесточенная борьба за место… нет, не под солнцем, а подле солнцеподобного правителя, от прихоти которого зависела будущность и сама жизнь наложницы, девочка могла рассчитывать только на себя и на удачу.

Настю назвали просто – Роксоланой, по происхождению из Роксолании (так именовали тогда Украину по названию ираноязычных кочевых племен, населявших Северное Причерноморье со II в. до н. э. по IV в. н. э.). И стали готовить к встрече с султаном, если она заслужит того. Настя проявила ум и терпение, старательно обучалась всему, что полагалось освоить: языку (возможно, и не только турецкому), истории и культуре страны, ее обычаям, религии, а еще музицированию, пению, танцам, придворным порядкам и этикету, наконец, искусству ублажать… За всем этим внимательно следили хозяйка гарема Валиде-султан (мать султана) и главный евнух. Через 2–3 года они сочли возможным представить Роксолану пред ясны очи Сулеймана I, устроив для этого праздник во дворце. С того дня, собственно, и началась ее невероятная судьба.

Роксолане удалось покорить сердце могущественного правителя, более того – сразу стать одалиской (на иерархической лестнице гарема это женщины, с которыми султан проводил ночи и которые получали шанс родить от него), а вскоре и любимой женой (считается, что единственной; те, что были до нее, – не в счет), подарившей Сулейману пятерых детей. Но и этого было мало, чтобы стать достойной спутницей жизни такого человека, каким был султан.

Сулейман I вошел в историю с прозвищем Кануни (Законодатель), так как сумел упорядочить и сделать незыблемыми на века многие законы Оттоманской Порты. Он правил империей с 1520 по 1566 гг. и обеспечил максимальное расширение ее границ и наивысший расцвет. Он был мудрым дипломатом и трезвым политиком, определявшим характер отношений с тем или иным государством. Строки Корана поучали правоверных: кто имеет хоть одного раба-христианина, не может считаться бедным. Удачливый полководец обрел несметные богатства, а с ними и еще один титул – Великолепный.

Многочисленных послов и гостей поражала роскошь султанского дворца Топкапы. Но дивились они еще и множеству талантливых людей, которыми окружал себя правитель. Это были богословы, поэты, зодчие, музыканты, которые составили славу османской культуры. Например, Ходжа Синан возвел мечеть Сулеймана (Сулеймание) в центре Стамбула, которая до сих пор является непревзойденным творением архитектуры. Гордился султан и своими мечетями, и медресе (школами), и больницей, и постоялым двором, и библиотекой, и банями как неотъемлемой частью мусульманской жизни.

Но не меньше удивляла иноземцев и привязанность султана к одной жене – Роксолане, которая царила среди сотен красавиц гарема. По свидетельствам хроник и записок послов, Хуррем-султан не просто сопровождала повелителя. Никогда не выказывая даже равного с ним положения (это было смерти подобно), она тем не менее производила впечатление человека, который во многом превосходил его, – прежде всего обаянием и изысканными манерами, эрудицией в различных областях знаний и осведомленностью. Она владела пятью европейскими языками и поэтому свободно общалась с гостями, а также замечательно пела и танцевала, слагала стихи. Роксолана была другом и помощницей султана в его делах, а когда он уходил в очередной поход, по сути, правила государством.

Такой взлет может показаться невероятным. Но в Турции давно существовал закон, который запрещал правителю связывать себя брачными узами с представительницами знатных родов других стран, чтобы сохранить независимость в принятии политических решений. Поэтому женой могла стать любая рабыня султанского гарема, если она соответствовала физическим и духовным качествам. Настя свой шанс не упустила. В 16 лет она приняла ислам и стала законной женой 25-летнего султана. Через пару лет обликом она не отличалась от восточных женщин. Ей пришлось проявить также восточную мудрость и даже жестокость, чтобы удержаться на престоле и расчистить путь к нему для своего сына, который правил под именем Селим II (Рыжий) в 1566–1574 гг.

Относительно злодеяний Роксоланы мнения расходятся. Возможно, одни исследователи их преувеличивают, а другие чуть ли не канонизируют ее образ. Но отбросить совсем дошедшие до нас предположения, безусловно, нельзя. Есть версия, что Роксолана путем интриг и оговора избавилась от предыдущей жены султана по имени Черкешенка и ее детей, прежде всего Мустафы. Он был законным наследником султанского титула, но, став правителем, уничтожил бы всех детей Роксоланы. Вторым поверженным колоссом стал тот, кто занимал самый высокий пост в империи Сулеймана – Ибрагим-паша (Рустем-паша), от имени султана вершивший важные государственные дела и помогавший Мустафе править в одной из подвластных земель. Этому визирю Роксолана отдала в жены свою 12-летнюю дочь, с ее помощью «нашла» неоспоримые свидетельства заговора против султана и одним ударом уничтожила и визиря, и наследника. Это была борьба не на жизнь, а на смерть. Когда Роксолана выиграла ее, то фактически стала правительницей могущественной империи. Не пощадила она ни сыновей Черкешенки, ни своих собственных, дабы прямым был путь избранного преемника Сулеймана. Правда, этот счастливчик не оправдал надежд матери. Он остался в памяти потомков как Селим-Пьяница. Этим все сказано. С него начался упадок Османской империи.

Говорят, что жестокости Роксоланы ужаснулась даже мать султана, происходившая из рода Гиреев – властителей Крыма и привыкшая к коварству и хладнокровному уничтожению противников в борьбе за власть. Она любила Черкешенку и своих внуков от нее, их утрату не пережила и вскоре скончалась. Жители Топкапы боялись султанши Хуррем, а за стенами дворца люди не осмеливались даже шептаться о том, что там происходило. Сотни неугодных, опасных или неосторожных погибали в умелых руках дильзисов – палачей с вырванными языками. Говорят, что из покоев жены султана вели две двери – одна в казну, а другая в тюрьму, откуда был прямой путь в воды Босфора. Но кто может знать это теперь наверняка?

В то же время известно, что Хуррем-султан всячески способствовала процветанию Стамбула, расширяя контакты с европейскими державами. В частности, она создала торговый клан «купцов двора», которые поставляли товары с Запада, переоборудовала причалы Золотого Рога, чтобы туда входили крупные торговые суда. На месте невольничьего рынка открыла кухню для голодных, школу для молодежи, дом для умственно отсталых и занималась другими видами благотворительности. После нее в городе остались несколько мечетей, построенных на ее собственные деньги.

Даже ознакомившись в общих чертах с биографией Роксоланы, можно представить себе невероятно трудную жизнь в замкнутом мире дворцовых интриг, в постоянном страхе быть сброшенной или уничтоженной. Жизнь вдали от родной земли и близких людей, без всякой надежды когда-либо увидеть их снова, а значит – в невыразимой тоске (такова уж славянская душа). Она, конечно, имела влияние на султана, однако не настолько, чтобы избавить земляков от страданий. За время своего правления Сулейман более 30 раз предпринимал походы на Украину. И это тоже было болью Роксоланы. Ее мучила предельная ясность относительно судьбы своих детей, поскольку право на существование и царствование обретал только один из них. Любила ли она Сулеймана, своего мужа и врага, который продержал ее в плену всю жизнь? Во всяком случае, другого близкого человека в Топкапе у нее не было. И всякий раз она с нетерпением ждала его возвращения из похода, как надлежало жене, опасаясь за его жизнь. А значит, и за свою… Можно только преклоняться перед мужеством этой женщины.

Прожила Роксолана около 55 лет. Сулейман оплакивал свою Хуррем, пережив ее на пять лет. Их восьмигранные гробницы стоят рядом, возле величественной мечети Сулеймана, что уже само по себе является невиданной у османов честью. Ее была удостоена Роксолана, которая правила в «мужской» империи. А Сулейман Великолепный завоевал уважение монархов Европы не в последнюю очередь и тем, что прожил сорок лет в моногамном браке (по сути, пренебрегая одним из законов шариата, ведь Пророк имел четырех жен). И этой избранницей судьбы была наша Роксолана – Анастасия Гавриловна Лисовская. Как написал в предисловии к своему роману «Роксолана» украинский писатель П. Загребельный, ее жизнь – «история борьбы никому не известной девушки и женщины за свою личность, за то, чтобы уберечь и сохранить себя, а затем возвыситься над окружением, возможно, и над целым миром».

ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ

(род. в 1518 г. – ум. в 1589 г.)

Великая французская правительница, супруга Генриха II, игравшая в течение 28 лет одну из главенствующих ролей на «европейской сцене».

Эгоистичная властолюбица, жестокая убийца, честолюбивая лицемерка, хитрая интриганка… Таких эпитетов удостоила история Екатерину Медичи. Но никто не сможет отказать ей в праве быть при этом одной из самых знаменитых правительниц Европы и одной из самых знаменитых женщин. Судьба с детских лет определила ее характер и поведение. Желание выжить любой ценой и царствовать стало смыслом ее жизни.

Екатерина, внучатая племянница папы Льва X, Джулио Медичи, осталась круглой сиротой через 15 дней после своего появления на свет 13 апреля 1518 г. В родовой горячке умерла ее мать, Мадлен де Ла Тур д'Овернь, графиня Булонская, а вслед за ней и отец, Лоренцо II Медичи, герцог Урбинский. Знатное происхождение сделало «красивенькую, пухленькую» крошку заложницей династических и государственных игр. Знаменитый поэт Ариосто сравнил ее с последней веточкой с несколькими листочками, оставшейся от могущественного рода, среди охваченной волнениями Флоренции. Окруженная роскошью и заботой сначала со сто-

роны бабушки, Альфонсины Орсини, а затем дяди, герцога Олбани, богатая наследница в 1525 г. стала заложницей политических интриг против семейства Медичи. Климент VII освободил девочку и, чтобы обезопасить ее жизнь, фактически заточил в монастырской обители бенедиктинцев Мурате (или Замурованных). Монахини сочувственно относились к мягкой и приветливой девочке, но любви близких ей не хватало.

Во время осады Флоренции девятилетнюю герцогиню грозили то поместить в дом терпимости, то обнаженную выставить на крепостную стену под пули. Под видом монахини Екатерину тайно вывезли в Рим. Два года она жила в пышном Дамском дворце. Великолепие, созданное гением не одного поколения художников и архитекторов, сформировало ее утонченный художественный вкус, а богатейшая библиотека Ватикана воспитала интеллект. Медичи рано поняла, что ее чувства и желания никогда и ничего не будут значить: ее взаимная любовь к кузену Ипполиту нарушала «стройную систему» планов Климента VII. На ее руку и сердце претендовали герцоги Мантуи, Урбино, Милана. Победил французский король Франциск I, предоставив кандидатуру своего младшего сына Генриха. Жениху и невесте было только по 13 лет, и свадьбу отложили до совершеннолетия. Но контракт был тщательно разработан и подписан.

Екатерина не сопротивлялась. В течение года она постигала важность официальных церемоний и не пропускала ни одного празднества. Свадебные торжества состоялись в Марселе 23 октября 1533 г. и длились больше месяца. Ватикан и королевский двор Франции состязались в роскоши и богатстве. Угрюмый мальчик, Генрих Орлеанский не разделял влюбленности своей супруги. Он отдал предпочтение блистательной 30-летней красавице Диане де Пуатье, которая занималась его воспитанием, а затем Анне д'Эстамп. Екатерина не устраивала мужу сцен, хотя самолюбие ее страдало. А через четыре года замужества ей пришлось испытать позор удочерения незаконнорожденной дочери дофина, тогда как она никак не могла забеременеть. Десять лет ей пришлось жить в страхе получить развод, хотя на ее сторону стал король, покоренный изяществом и умом невестки.

Жизнерадостность, гибкость и покорность стали лучшей защитой для Екатерины. Она хранила верность своему ветреному супругу, хотя своей точеной фигуркой, живыми глазами, изяществом привлекала взгляды мужчин. В 1536 г. Генрих Орлеанский неожиданно стал наследником в результате скоропостижной смерти брата. В Лувре ходили слухи, что преступление задумано Екатериной и осуществлено верными ей флорентийцами, но доказательств не обнаружили. Будущая королева продолжала веселиться, не забывая молить Бога даровать ей наследника. 19 января 1544 г. она родила первого сына Франциска, а затем еще девять детей: Елизавету, Клод, Карла-Максимилиана (будущий Карл IX), Эдуарда-Александра (Генрих III), Маргариту (знаменитая королева Марго), Франсуа-Эркюля, взявшего имя Франциска (герцог Алансонский и Анжуйский). Еще трое умерли во младенчестве.

Появление наследника ничего не изменило в ее положении Золушки при дворе, которой «разрешалось принимать ласки хозяина и рожать ему детей». Даже после смерти Франциска I (1547 г.) страной вместе с королем-любовником управляла Диана де Пуатье. Личная камеристка королевы была могущественнее ее самой. Иногда обе женщины объединялись, чтобы дать отпор третьей, как в случае с леди Флеминг, родившей от Генриха сына. Пока король развлекался или воевал, Екатерина вникала в государственные дела и придворные интриги, обрастала сторонниками. Она преследовала одну цель: ни в чем не отрекаясь от своих прав, сохранить наследство для своих детей, находящееся на территории двух стран. Это развило в ней ответственность и властность. Она лучше мужа представляла, как трудно будет это сделать в государстве, расколотом враждой на два лагеря – протестантов и католиков.

Суеверная Екатерина всегда верила предсказаниям и приметам и никогда ничего не предпринимала, не посоветовавшись с астрологами. В 1559 г. сбылось пророчество Нострадамуса. Накануне свадьбы старшей дочери Елизаветы с испанским королем Филиппом II состоялся

рыцарский турнир, в котором принял участие король. Копье капитана Монтгомери сломалось о шлем Генриха и вонзилось в глаз. Спасти жизнь королю медикам не удалось. Екатерина до конца своей жизни не снимала траурных одежд в знак глубокой скорби о муже. Никто не знал, насколько было велико ее горе. Но теперь, когда власть фактически оказалась в ее руках, она собиралась ею сполна воспользоваться. И хотя трон занял ее 16-летний сын Франциск II, вдовствующая королева-мать фактически руководила государством.

Главенствующим для Екатерины стало сохранить династию Валуа. «Будь что будет, а я хочу царствовать!» – скорее это было ее девизом, чем выбитые на гербе слова: «Свет и покой». От своих предков Медичи унаследовала все добродетели и пороки и шла к своей цели всеми законными и незаконными способами. Ее жизнь была заполнена страхом за свою судьбу и своих детей. «Волшебное зеркало» повторило Екатерине предсказание Нострадамуса, что на престоле она увидит всех своих сыновей. Франциск II совершил в нем по залу лишь один круг (умер в 1560 г.), Карл IX сделал 14 кругов, Генрих III – 15, «молнией промелькнул и исчез» герцог Гиз и его место занял Генрих Наваррский. Королева пыталась при помощи интриг, умиротворения, сталкивания противников лбами, всевозможных козней, вплоть до ядов, подкупа и убийств неугодных сохранить власть сыновей, а значит, и свою. Все попытки оказались тщетными.

28-летнее царствование лучше всего отражено в эпитафии, приведенной историком Л'Этуаль:

Здесь покоится королева – и дьявол, и ангел,
Достойная порицаний и похвал:
Она поддерживала государство – и оно пало;
Она заключила множество соглашений и устроила немало споров;
Она дала миру трех королей и пять гражданских войн,
Строила замки и разрушала города,
Приняла много хороших законов и плохих эдиктов.
Пожелай ей, Прохожий, Ада и Рая.

Ее сыновьям, а следовательно, и ей, выпало «штормовое» для Франции время правления. Глухая вражда между католиками и гугенотами грозила полностью уничтожить страну. Екатерина почитала себя спасительницей трона, но ее лавирование между двумя партиями, временные уступки только вызывали недовольство и в результате заканчивались резней и религиозными войнами. Государственная казна была полностью истощена, народ голодал, а Екатерина, выводя страну из одного тупика, тут же попадала в другой. Воспитанная при папском дворе, она, конечно, была на стороне католиков, но, боясь влияния могущественного рода де Гизов, часто становилась на сторону протестантов. Ее «миротворческая» политика не устраивала ни одну из сторон. Лавируя и стравливая религиозных врагов, королева пыталась укрепить свою власть. Частично это ей удалось: с ее авторитетом считались и католики и гугеноты. Исполняя обязанности регентши при малолетнем короле Карле IX (1550–1574 гг.) и оставаясь просто королевой-матерью при Генрихе III (1551–1589 гг.), Екатерина фактически самостоятельно строила государственную политику Франции.

В отличие от своих сыновей-королей она была деятельной, энергичной, умела и веселиться и работать. Детей любила, но и любовь ее была властной. За неповиновение она могла и побить. И интересы династии всегда ставила выше их интересов. Династические браки, которые Екатерина устраивала, ни принесли счастья ни одному из рода Валуа. А свадьба Маргариты с ненавистным ей королем Генрихом Наваррским закончилась жуткой Варфоломеевской ночью. О любовных похождениях королевской дочери ходила масса нелицеприятных слухов. Это не особо волновало королеву (ведя добропорядочный образ жизни, она поощряла разврат), пока Маргарита не обратила внимание на Генриха де Гиза. Впустить в свою семью Гизов было

для Медичи равносильно утрате трона. Чтобы не закончить свою жизнь от яда или кинжала, юноша быстренько объявил о своем браке с Екатериной Киевской и покинул Париж.

Конечно, брак с католиком был бы предпочтительней, но Карл X, временно попавший под влияние гугенота Колиньи, встал на сторону протестантов. Одна чаша весов перевесила, и Екатерина задумала сразу после свадьбы Маргариты с католиком Наваррским убить всех дворян-гугенотов, прибывших на торжество и «компактно» разместившихся в Лувре и вокруг него. Бойня началась в 3 часа ночи 24 августа 1572 г., накануне праздника Св. Варфоломея. К 5 часам утра спланированная акция была успешно завершена, но получила неожиданное для королевы продолжение: парижская беднота еще три дня «резала горло» всем подряд, не спрашивая вероисповедания, грабя и бесчинствуя. «Эпидемия» жестокости растеклась по всему королевству: было убито от 20 до 30 тыс. человек.

Не успела Екатерина «восстановить» мир и отправить сына Генриха править Польшей, как истек срок, отведенный «зеркалом» Франциску II. Королева-мать не пожелала отдать трон амбициозному и вечно недовольному герцогу Алансонскому и Анжуйскому. Она сохраняла его для любимого сына Генриха, который, решив править самостоятельно, допускал один просчет за другим. Дошло до войны между родными братьями, не говоря уже о короле Наваррском. Генрих III пытался показать свою власть, Екатерина спешила исправить его ошибки, используя свой авторитет и государственную казну. В течение полутора лет 60-летняя королева колесила по стране в попытках разрешить проблемы и спасти род Валуа. Силы она растрачивала впустую. К 1585 г. в живых оставались только Маргарита Наваррская и Генрих III, ненавидевшие друг друга.

Власть Валуа подтачивали Гизы, они образовали фанатичную Святую Лигу. Постаревшая, страдающая от многочисленных болезней, королева не могла спасти авторитет сына, который то предавался чрезмерным удовольствиям, то впадал в депрессию и крайнюю религиозность. Во время пятой гражданской войны, пришедшейся на время ее правления, Екатерина взвалила на себя обязанности военного интенданта, во время осады Парижа следила за строительством фортификационных сооружений, организовывала разведку. В мае 1588 г. королевское правительство было свергнуто, Генрих III в страхе бежал, оставив мать и свою жену заложницами у Гизов. Королева сумела сохранить свое достоинство во время переговоров. Она с болью пережила отставку правительства, которое сама создавала, позор сына, который хотя и остался на троне, но королем в полном смысле слова не был.

15 декабря 1588 г. Екатерина слегла с сильным воспалением легких. Напоследок сын «порадовал» мать коварным и зверским убийством герцога де Гиза. Она поняла, что династия Валуа лишилась королевства. 5 января 1589 г. королева, которая в течение 28 лет, спасая семью, сумела сохранить и единство нации, скончалась. Бедняки шептались: «У нас больше нет королевы-матери, которая даст нам мир».

Шли годы. «Добрые» короли сменялись на престоле, и личность Екатерины Медичи обрастала зловещими подробностями: отравлениями, колдовством, убийствами неугодных. Многие забыли, что, по свидетельству современников, под ее черными одеждами скрывалась привлекательная жизнелюбивая женщина, с незаурядным характером и веселым темпераментом, с изящными манерами и строгим умом. Она с удовольствием устраивала празднества и строила дворцы (Тюильри, Суассонский отель), разбивала прекрасные парки и много читала, легко разбиралась в чертежах и сметах. Ее личная библиотека насчитывала 4500 томов, а при дворе королевы были «штатные» поэты и художники. Екатерина покровительствовала искусствам, прививала изящество манер придворным, и королевский двор при ней прославился на всю Европу. История ее царствования – это часть истории Франции.

КРИСТИНА АВГУСТА

(род. в 1626 г. – ум. в 1689 г.)

Королева Швеции, покровительница наук, авантюристка.

Власть никогда не была синонимом свободы. Человек, которого судьба наделила этой тяжелой ношей, может развязывать войны и подписывать мирные договоры, может уничтожать одни народы и даровать благоденствие другим, но он не имеет права на обычные человеческие чувства – любовь, страсть, ненависть… Правительница Швеции, королева Кристина вовремя поняла это. Впрочем, за долгую жизнь она успела вдоволь насладиться и свободой, и властью.

8 декабря 1626 г. в покоях супруги шведского короля раздался детский крик. Мария Элеонора Бранденбургская родила наследника престола. По крайней мере, так подумали все придворные, услышав сильный голос ребенка и увидев его крепкое телосложение. Однако оказалось, что царствующее семейство пополнилось дочерью. Девочку назвали Кристиной Августой, но воспитывали ее так, как если бы она была Кристианом. В два года принцесса впервые совершила с отцом поездку по стране. В каждом городе ее приветствовали пушечными залпами. Для любого ребенка ее возраста подобные салюты обернулись бы нервным потрясе-

нием. Но Кристина, на радость отцу, только звонко хлопала в ладошки. «Дочь солдата должна привыкать к стрельбе», – считал король Густав Адольф.

Но если отец души не чаял в этой не слишком красивой девочке, то мать, мечтавшая о сыне, была к ней практически равнодушна. Густав Адольф дома бывал редко – в Европе уже давно полыхала война, и король довольно успешно сражался за протестантскую веру. Так что за Кристиной, как это ни удивительно, присматривать было в общем-то и некому. Казалось бы, с ребенка королевской крови все окружающие должны пылинки сдувать. Не тут-то было! Девочка так часто падала, что на всю жизнь осталась хромой…

Когда Кристине было шесть лет, король погиб на поле боя. После смерти мужа Мария Элеонора отправилась в Германию, не считая своим долгом заботиться о дочери. Густав Адольф, видимо, предвидел это. Уезжая в последнее сражение, он завещал опеку над юной принцессой самым просвещенным своим подданным. А они хорошо запомнили слова, сказанные правителем шесть лет назад: «Если это дитя сумело обмануть нас всех в первую же минуту своего появления на свет, то уж наверняка со временем даст сто очков любому мальчишке, поскольку будет умнее его».

И Кристина получила образование, достойное мужчины, более того, достойное короля. Восьмилетняя девочка в совершенстве знала французский, немецкий, латинский языки. Потом освоила еще пять – голландский, греческий, датский, испанский, итальянский. К десяти годам она уже неплохо разбиралась в европейской политике и даже проявляла некоторый дипломатический талант. Наверняка польский король Иоанн Казимир очень удивлялся, читая ее довольно разумные письма. Еще бы, ведь философию Кристине преподавал сам Рене Декарт! История, древняя и новейшая, астрономия, нумизматика – все эти науки были для нее не пресной пищей для ума, а настоящим увлечением. В те времена девушке подобало долго спать (дабы недосыпание не отразилось на свежем личике), потом очень долго одеваться, делать прическу. Будущая же королева поднималась с постели в пять утра и принималась за чтение. На убранство у нее уходило несколько минут, полы ее платья часто были оборваны, а рукава – выпачканы в чернилах. Она обожала ездить верхом и охотиться, ведь среди ее воспитателей были не только выдающиеся ученые – огромное влияние на девушку оказал Аксель Бауэр, пьяница и сумасброд. В итоге 7 декабря 1644 г., в день совершеннолетия Кристины, на трон взошла не благовоспитанная восемнадцатилетняя девица, а мальчишка-баламут в юбке.

«Моя государыня управляет всеми делами сама, без какого бы то ни было содействия министров, время делит между государственными делами и научными занятиями. Она нисколько не заботится о своем туалете и своем убранстве, она выше женщины и вообще не может называться ею», – так шведский посланник во Франции описывал Кристину вдовствующей королеве Анне Австрийской.

Все двенадцать лет после смерти Густава Адольфа страной управлял регентский совет, во главе которого стоял канцлер Аксель Оксеншерна, мудрый и осторожный политик. Но несмотря на все его усилия, Кристина получила в наследство далеко не благополучное государство. Грандиозные планы Густава Адольфа, желавшего объединить под эгидой Швеции немецкие земли и укрепить тем самым в Европе протестантизм, после его смерти потерпели крах. Крестьяне и бюргеры вынуждены были платить огромные налоги дворянам. «Спор сословий» – так называют историки начавшуюся в это время в Швеции затяжную борьбу между аристократами и простым людом. Со всеми этими проблемами должна была разобраться Кристина. А ведь она была в том возрасте, когда девушка пытается разрешить только одну проблему – как побыстрее и поудачней выйти замуж. Но королева о браке и думать не хотела. В 1647 г. ее руки попросил двоюродный брат Карл Густав. И получил отказ. «Вы шестью годами старше меня, а между тем восторженны, как мальчик, начитавшийся романов», – сказала Кристина жениху.

Но кузен не обиделся. Ведь королева оставляла ему хоть очень иллюзорную, но все же надежду: рассмотреть его предложение года через три. А если свадьба не состоится, то она

обещала, что никогда не пойдет под венец. Чтобы хоть как-то утешить влюбленного, Ее Величество посулила кузену… трон, предложив ему стать официальным престолонаследником. Впрочем, похоже, Карла Густава корона интересовала меньше всего. Он действительно любил Кристину. Правда, королева не была красива: невысокая, с детства кривобокая, смуглая, с крупным орлиным носом, крепким подбородком, она даже не пыталась при помощи известных каждой женщине уловок скрыть недостатки и подчеркнуть то немногое, что делало ее внешность приятной, – красивые голубые глаза.

Три года она с завидным постоянством раздавала отказы: герцогу Бранденбургскому, двум сыновьям датского короля и королю польскому. «Даже самый лучший мужчина не стоит, чтобы ради него жертвовали свободой», – говорила королева.

Когда ей исполнилось двадцать пять, у ее ног снова был Карл Густав, теперь уже генералиссимус шведских войск. Принять его предложение Кристину упрашивал весь сенат. А ведь за ним стоял целая Швеция! Такую «всенародную» заботу легко объяснить: случись что с бездетной королевой – и страна захлебнулась бы в кровавой борьбе за трон. Но Кристина не сделала кузена своим мужем. Она выступила перед сенатом с такой речью: «Вот уже несколько лет, как меня убеждают выйти замуж… Брак налагает обязательства, мне еще неведомые, и я не могу сказать, одолею ли я когда-нибудь питаемое к ним отвращение. Между тем для блага королевства я должна принять меры не столь полезные для меня лично, зато надежные для его блага. Посему я желаю назначить преемника, который будет хранителем подданных моих и попечителем об их счастьи. Все качества такого правителя я нахожу в принце Карле Густаве… и я желала бы, чтобы именно на нем остановился народный выбор».

Убедить сенат было непросто, однако на то и изучала Кристина тонкости дипломатических ходов, чтобы в любой ситуации добиваться своего. Желая припугнуть несогласных с ней дворян, она в «споре сословий» приняла сторону простого люда, пригрозив сделать все земли государственными и тем самым лишить знать собираемых с крестьян податей и налогов. Вопрос о престолонаследии был немедленно решен в пользу Карла Густава. А Кристина тут же забыла о крестьянских бедах…

До того ли ей было! Королева только начала по-настоящему вкушать прелести монаршей жизни. Оказалось, помимо науки и политики есть еще и любовь, веселье, слава, роскошь. Кристина окружила себя фаворитами. Среди них были – французы граф Гарди и придворный лекарь Бурдела, поляк Радзиевский, датчанин гофмейстер Ульфельд, немцы Штейнберг и Шлиппенбах, итальянец Пимонтелли, швед Класс Тотт… Как видим, Кристина любила общаться с мужчинами. Несмотря на этот внушительный список, поговаривали, что королеве противен не столько брак, сколько интимные отношения с мужчиной. Подтверждением этому может служить отрывок из очень нежного письма, написанного Кристиной Эббе Спарре, единственной женщине, попавшей к ней в фавор: «Если ты не забыла то, какую власть ты имела надо мной, то должна помнить и то, что я была во власти твоей любви двенадцать лет; я вся твоя настолько, что ты никогда не посмеешь оставить меня; и только моя смерть остановит мою любовь к тебе». Но чего можно было ожидать от женщины, получившей мужское образование и наделенной мужскими чертами характера? В отношениях со слабым полом Кристина могла оставаться самой собой – умной, сильной, своевольной. Мужчины же во все времена терпеть не могли этих качеств в любимой женщине…

Но не стоит считать Кристину лесбиянкой. Первым ее мужчиной был, видимо, доктор Бурдела, ставший ее наставником после смерти Декарта. Именно Бурдела приучил «коронованную спартанку» к пирам и роскоши. Она окружила себя философами, артистами и учеными, вела переписку с самыми просвещенными европейцами. Некоторых из них она сумела спасти от инквизиции. По-протестантски скромный до этого королевский двор заблистал не хуже французского. Кристина ничего не жалела для своих фаворитов. С легкой руки королевы дворянское сословие Швеции пополнилось восьмью новоиспеченными графами, более

чем двумя десятками баронов. Траты были огромными, но не всегда бесполезными. Именно во время правления Кристины получили немалую поддержку шведские университеты, были открыты многие музеи. Не зря же ее называли «десятой музой», «северной Минервой», «дочерью полубогов». Но по мере того как возрастала популярность Кристины среди представителей королевских дворов Европы, на родине ширилось недовольство ее расточительной политикой. Она отстранила от себя старого канцлера, создав так называемую «молодую партию», которую возглавил граф Гарди. В стране назревал политический и финансовый кризис. Кристину сетью оплетали интриги и заговоры. И в это время королеве вдруг все надоело. Она решила покинуть трон и сменить вероисповедание. Это желание повергло в шок Швецию – еще свежа была память о короле Густаве Адольфе, погибшем в сражении за протестантскую веру. Летом 1654 г. его дочь в торжественной обстановке сняла корону и порфиру, сложила скипетр и державу. В тот же день на трон взошел Карл Густав, а Кристина покинула страну. Для нее начиналась новая жизнь. Свободная жизнь.

Рим ожидал Кристину с нетерпением. Еще бы! Переманить в католицизм саму королеву – о таком успехе при папском дворе даже не мечтали. Она въехала в Вечный город на белом коне, облаченная в костюм амазонки. Только теперь ее величали Александрой. Она приняла это имя в Брюсселе, во время обряда присоединения к католической церкви. Таким образом Кристина отдала дань уважения папе Александру VII. Правда, скоро святые отцы сами были не рады, что пригласили в Рим эту коронованную бестию. Даже на богослужениях она вела себя довольно развязно. Впрочем, в Рим ее привело вовсе не религиозное рвение. Она искала здесь интересное общество. И нашла его. Кристина встречалась с художниками, посещала театры и музеи, собрала богатую библиотеку. О ее эксцентричных выходках говорил весь Рим. Но время шло, римская публика начала привыкать к королевским чудачествам. Да и Кристине в Риме стало скучно. Ее ожидал сверкающий Париж!

«Королева небольшого роста, толстая и жирная; лицо большое, цвет его, несмотря на некоторые следы оспы, довольно свежий; овал правильный, все черты женские, хотя несколько резки… глаза выразительные, полные огня… Что всего страннее, так это ее прическа: мужской, тяжелый парик, спереди высоко взбитый, очень густой на висках, а внизу весьма редкий; верхняя часть головы покрыта волосяной сеткой, тогда как нижняя представляет нечто вроде дамской прически… Платье ее, стянутое сзади складками, походит на наши камзолы, а короткая юбка подвязана небрежно; она носит мужскую обувь, и, если судить по походке, манерам и голосу, то можно биться об заклад, что это женщина… Она знает больше, чем вся наша Академия вместе с Сорбонной, и посвящена в интриги нашего двора не хуже меня», – так описывал прибывшую в столицу Франции Кристину герцог Гиз. Когда ее представили Людовику XVI и герцогу Анжуйскому, она их первым делом спросила о том, есть ли у них любовницы! Путешественница не отличалась изысканными манерами даже в самом высоком обществе. В театре, например, ей ничего не стоило положить ноги на барьер ложи. Вскоре Людовик буквально выдворил ее за пределы Франции. Но причина была вовсе не в дурных манерах шведской королевы. Кристина приказала слугам зарезать своего заподозренного в измене фаворита. Парижский двор мог ей простить все чудачества, но хладнокровное убийство… Мазарини написал ей гневное письмо. Неучтивый ответ шведской гостьи шокировал кардинала. В послании она осмеливалась называть самого влиятельного человека Франции по имени – Жюль… Перед возвращением в Рим Кристина успела посетить самую известную куртизанку всех времен и народов Нинон де Ланкло. Она пробыла у нее два часа и, говорят, была очень довольна этой встречей.

В 1660 г. в далекой Швеции умер король Карл Густав. Вопросов о престолонаследовании не возникало, ведь он имел сына. Но произошло невероятное – в Стокгольм приехала Кристина и потребовала вернуть ей родительский трон. Ей холодно отказали и потребовали вторичного отречения от престола. Глубоко оскорбленная Кристина вернулась в Рим. Но про

идею снова надеть корону не забыла. Когда умер польский король, она предложила полякам свою кандидатуру. Конечно, из этой авантюры ничего не вышло.

Последние двадцать лет жизни Кристина провела в Риме. Она написала несколько довольно любопытных философских трудов. Молва приписывала уже немолодой Кристине любовную связь с кардиналом Аззолини. Доказательств этому факту нет, но именно Аззолини стал после смерти королевы ее официальным наследником. Это случилось 19 апреля 1689 г. Авантюры и любовные похождения королевы еще долго были главной темой досужих разговоров. Как говорила сама Кристина, «ханжи не столько сокрушаются о собственных грехах, сколько об удовольствиях других людей».

ЕКАТЕРИНА II ВЕЛИКАЯ

(род. в 1729 г. – ум. в 1796 г.)

Российская императрица с 1762 по 1796 г. Пришла к власти в результате организованного ею государственного переворота. Проводила политику просвещенного абсолютизма. Оставила большое литературное наследие, состоящее из беллетристических, публицистических, мемуарных и научно-популярных сочинений.

В человеческой истории женщина, обладающая неограниченной государственной властью, явление отнюдь не редкое. Но мало найдется представительниц «слабого» пола, распорядившихся этой властью так, как сделала это российская императрица Екатерина II, в мировой истории по праву заслужившая прозвище Великой. При этом она обладала чисто женским кокетством, неистребимым желанием нравиться и стремлением найти опору в мужчине.

Отец будущей российской императрицы, Христиан Август Анхальт-Цербстский, принадлежал к числу многочисленных германских принцев и не мог претендовать на престол, так как наследственным княжеством семьи управлял его двоюродный брат. Он был вынужден служить: сначала был генерал-майором прусской армии и командовал полком, позже стал фельд-

маршалом и губернатором Штеттина (совр. Щецин, Польша). Здесь 21 апреля (2 мая) 1729 г. и родилась София Августа Фредерика Амалия.

Мать девочки, Иоганна Елизавета, была принцессой Голштинского дома и через многочисленных родственников находилась в родстве со многими королевскими и герцогскими домами Европы. Она была красива, легкомысленна и не единожды давала поводы к подозрениям в супружеской неверности. Впоследствии это породило слухи о том, что настоящим отцом Софии Августы Фредерики Амалии был прусский король Фридрих II, что, однако, не подтверждено серьезными исследователями.

Отца девочка очень любила, а к матери относилась холодно. Взбалмошная Иоганна Елизавета с детьми обращалась очень грубо, часто награждала их пощечинами. Когда дочери исполнилось семь лет, она забрала у нее все игрушки и заставляла целовать край платья у знакомых дам, чтобы подавить в ней гордость. В результате с ранних лет будущая императрица приучилась скрывать свои чувства. Между тем девочка имела живой и независимый характер, была умна и любознательна. Принцесса рано пристрастилась к серьезному чтению и приобрела привычку обдумывать прочитанное. Кроме того, София Августа Фредерика Амалия получила хорошее домашнее образование: овладела французским и немного английским языками, обучалась основам истории, географии, богословия, музыке и т. п.

В 1739 г. вместе с матерью она побывала в Эйтине, куда съехались члены Голштинского дома. Здесь она впервые увидела юного герцога Карла Петера Ульриха, который благодаря кровным связям мог претендовать сразу на две короны – шведскую и российскую. Слабый и хилый родственник не понравился принцессе. Но именно на этого герцога пал выбор русской императрицы Елизаветы, не имевшей собственных детей, когда пришло время позаботиться о наследнике престола. Она вызвала племянника из Голштинии, крестила его в православие под именем Петра Федоровича и сделала наследником российского престола.

Теперь наследника нужно было женить. Среди немецких принцесс кандидаток было множество. Но Фридрих II Прусский особенно рекомендовал принцессу Анхальт-Цербстскую, и Елизавета вняла совету. 17 января 1744 г. вместе с матерью пятнадцатилетняя София Августа Фредерика Амалия отправилась в далекий Петербург.

По всей видимости, сердце юной принцессы в то время не было совершенно свободным. В своих «Записках» императрица сообщает, что в нее был влюблен один из братьев матери. А в некоторых публикациях сообщается, что София состояла в любовной связи с неким графом Б. Это, однако, следует отнести к числу многочисленных вымыслов о любовных похождениях императрицы. Через несколько лет после заключения брака по приказу свекрови, встревоженной отсутствием наследников у молодой четы, бывшая принцесса Анхальт-Цербстская, а теперь перешедшая в православие Екатерина Алексеевна, подверглась медицинскому освидетельствованию. Было установлено, что Екатерина – девственница. Ее инфантильный муж не мог исполнять супружеские обязанности.

С первых же месяцев брака, заключенного в 1745 г., будущая императрица оказалась в достаточно сложном положении. И не только из-за мужа. Елизавета невзлюбила невестку. Она казалась императрице слишком умной, а поэтому опасной. Екатерина жила в атмосфере постоянной слежки и недоброжелательства, хотя не имела недостатка в нарядах и драгоценностях. Ей не дали даже оплакать умершего отца, так как Елизавета заявила, что нечего горевать о человеке, который не был королем.

Однако Екатерина сумела не сломаться, обеспечила себе круг друзей и даже обзавелась любовниками. Но прежде всего она стремилась утвердиться в России. Быстро выучив русский язык, великая княгиня при каждом удобном случае старалась общаться с придворными, удостоивая особым вниманием знатных старушек. В своих записках Екатерина упоминает, что внимательно выслушивала их жалобы на здоровье, интересовалась современными обычаями, старалась быстро запомнить дни их рождения и даже клички мосек. Она всячески подчерки-

вала свою набожность и приверженность православию. Ее собеседники приходили в восторг и быстро распространяли по стране славу об умной, сердечной и доброй великой княгине. Нашла Екатерина друзей и среди молодых придворных. По ночам самые приближенные из них тайно собирались в ее покоях и устраивали веселые пирушки. Иногда Екатерина с предосторожностями покидала дворец и отправлялась к друзьям. Все это оставалось незамеченным.

Но развлечения и наряды, недоступные в родительском доме, быстро ей наскучили. Все больше времени она стала уделять серьезному чтению – книгам Вольтера, Дидро, Монтескье, античных авторов, старалась постигнуть русские обычаи, интересовалась историей страны и бытом простых людей.

Однако отношения с мужем и свекровью продолжали оставаться напряженными. Парадный портрет великокняжеской четы из собрания Государственного Русского музея, написанный г. Х. Гроотом, говорит о многом. С одной стороны – явно нездоровый[1] взгляд Петра и тронутые циничной улыбкой губы. С другой – твердый прямой взгляд Екатерины и плотно сжатые губы, еле сдерживаемое отвращение. Один – воплощение самодовольства и наслаждения от власти над вверенной его заботам женщиной, другая полна скрытой решимости, ума и воли.

После уже известного читателю факта медицинского освидетельствования великой княгини Петру была сделана операция. Теперь он мог выполнять супружеские обязанности. 20 сентября 1754 г. Екатерина родила сына, нареченного Павлом. Однако к этому времени она уже имела любовника – молодого гвардейца Сергея Салтыкова. Это дало повод к возникновению версии о том, что унаследовавший после Екатерины престол император Павел не был сыном Петра III. Вопрос этот и поныне остается без ответа. Тем более что в мемуарах Екатерины есть намеки на то, что ее свели с Салтыковым специально, по приказу Елизаветы, дабы обеспечить рождение наследника трона. В то же время некоторые исследователи считают, что все это придумано Екатериной, чтобы поставить под сомнение права сына на престол.

Как бы то ни было, но Елизавета была рада рождению внука. Она тут же забрала его у невестки и воспитывала сама – к ужасу Екатерины, желавшей для сына совсем другой системы воспитания. Именно это стало в будущем причиной довольно сложных отношений между императрицей и ее наследником. Екатерина боялась, что Павел отстранит ее от трона. Есть предположения, что своим наследником она хотела сделать внука Александра.

Салтыкова спешно отослали из Петербурга, но Екатерина быстро нашла ему замену в лице молодого польского дипломата Станислава Понятовского. Но от Понятовского Елизавета тоже постаралась избавиться. Тогда в жизни Екатерины появился Григорий Орлов – бретер, силач, герой Семилетней войны и один из самых красивых мужчин своего времени. Дело дошло до рождения у них в апреле 1762 г. сына Алексея, отданного на воспитание в чужие руки. Впоследствии он получил титул графа Бобринского, а Павел I признал в нем единоутробного брата.

К моменту смерти Елизаветы, последовавшей 25 декабря 1761 г., отношения между Екатериной и Петром совсем испортились. Великий князь обзавелся любовницей – отличавшейся редкой некрасивостью фрейлиной Елизаветой Воронцовой. Было весьма вероятно, что новый император отошлет жену в монастырь, а императрицей сделает Воронцову. Во всяком случае, он неоднократно заявлял об этом, а однажды даже решил заключить жену в крепость, но придворные отговорили его от этого скандального шага. Екатерине, давно нашедшей сторонников среди придворных и военных, отрицательно относившихся к вечно пьяному императору, сверх меры увлеченному прусскими порядками, не оставалось ничего, кроме переворота.

Безмерно преданный Екатерине, Орлов привлек к заговору своих братьев и других сторонников великой княгини из числа гвардейцев. 28 июня 1762 г. брат Григория, Алексей

[1] По мнению историка В. П. Наумова, «Петр III страдал маниакально-депрессивным психозом в слабой стадии (циклотомией) с неярко выраженной депрессивной фазой».

Орлов, разбудил великую княгиню и отвез ее в казармы Измайловского полка. Там ее провозгласили императрицей. То же повторилось в казармах Семеновского полка. Солдаты и офицеры сбросили введенную Петром III ненавистную им форму прусского образца и надели русские мундиры. Вскоре в Зимнем дворце началась присяга гражданских и военных чинов. А Екатерина в мундире Преображенского полка, бывшем ей чрезвычайно к лицу, верхом во главе войск направилась из Петербурга в Ораниенбаум, чтобы арестовать мужа. После неудачной попытки вступить в переговоры Петр направил жене письмо с отречением. На российский престол взошла новая императрица Екатерина II – после Петра I наиболее яркая и талантливая фигура в истории российского самодержавия.

Первые пять лет на троне дались Екатерине не легко. Она не могла не понимать, что престол ею узурпирован, а в глазах народа она является чужеземкой, поэтому действовала с огромной осторожностью. После свержения Петра III, вопреки обыкновению, никто из его приближенных не был отправлен в Сибирь. Даже его любовница, доставившая новой императрице много тяжелых минут, не пострадала, а ее дочь стала фрейлиной. Так Екатерина уже на первых порах сумела обрести доверие придворных и значительно ослабить опасность нового переворота.

Чтобы закрепиться на троне варварской, в понимании европейцев, страны, императрица решила стать более русской, чем сами русские, и преуспела в этом. Женщина, до конца жизни говорившая по-русски с акцентом, делавшая огромное количество грамматических и орфографических ошибок, действительно сумела стать воплощением «русскости». В отличие от Петра I, она стремилась не к копированию западноевропейских образцов, а культивировала национальное, не вдаваясь в карикатуру, по сей день свойственную многим сторонникам национальной идеи.

Укрепившись на троне, Екатерина предприняла кардинальные шаги в области совершенствования законодательства в стране, необходимость в котором назрела уже давно. С этой целью 14 декабря 1766 г. она издала Манифест о созыве Уложенной комиссии, которая должна была устранить существующие противоречия в законах, а также помочь императрице, по ее собственным словам, узнать «нужды и чувствительные недостатки нашего народа». Для работы в комиссии депутаты избирались тайным голосованием, причем не только от дворянского сословия. Таким образом Екатерина ввела в России своего рода парламент. Увы, как и действующие ныне выборные законодательные органы власти, он был далек от совершенства. В комиссию попадали не те, кто был способен там работать, а люди, стремившиеся урвать кусок лично для себя. Малообразованные и не имеющие политического опыта, члены комиссии думали лишь о своих собственных, а не об общегосударственных интересах. В результате уже в конце 1768 г. Екатерина решила сама составлять законы и распустила комиссию, поняв бесполезность этого начинания. Ведь депутаты так и не смогли понять своих задач, хотя Екатерина сама составила для них Наказ, программу действий комиссии, в скором времени переведенную на все основные европейские языки и получившую широкую известность в Европе.

Текст программы несомненно свидетельствует в пользу того, что императрица стремилась к введению либерального правления. Она отрицательно высказалась по поводу применения пыток, признавала невозможным считать человека виновным до приговора суда. Порицала жестокое обращение с крестьянами, упомянув, что еще в древних Афинах строго наказывали тех, кто «с рабом поступал свирепо». А в случайно сохранившемся черновом наброске к программе, не вошедшем в переданный комиссии текст, писала о необходимости создания законов, которые от «злоупотребления рабства отвращали», давали бы гарантии рабам, то есть крепостным крестьянам, в том, «чтобы рабы в старости и болезнях не были оставлены». Почему последнее не вошло в окончательный вариант текста, можно только предполагать. Но известно, что Екатерина уничтожила более половины написанного, а текст программы давала предвари-

тельно читать многим, намеренно выбирая людей с разными точками зрения. С ее разрешения они могли исключать из документа все, что было им не по нраву.

Многие современники и тем более потомки упрекали Екатерину в том, что она, будучи убежденной противницей крепостного права, не только не освободила крестьян, но закрепостила их в еще большей степени и расширила крепостное право на те земли, где его не было. Последнее произошло в рамках ликвидации автономий Украины, Лифляндии (Литвы) и Эстляндии (Эстонии). Эти автономии императрица считала «глупостью» и стремилась к тому, чтобы они «перестали глядеть, как волки в лесу». Но в данной ситуации следует в первую очередь иметь в виду фактор времени.

Господствующей формой правления для лидирующих европейских стран в XVII в. был абсолютизм, при котором монарху принадлежала неограниченная власть. В этой ситуации любые вольности, а именно их требовала украинская казацкая старшина, для правителя представлялись абсолютно недопустимыми и даже вредными. Созданию такого мнения способствовали и донесения доверенных лиц. К примеру, Григорий Теплов, которому императрица поручила составить записку о положении дел в Украине, утверждал, что произвол старшины приводит к неправедному захвату земель, несправедливому закрепощению казаков и крестьян (это подтверждается позднейшими статистическими данными). Более того, по мнению ряда ученых того времени, «свободный переход крестьян и казаков с одного места на другое приводил к двум негативным последствиям: бедный помещик становился еще беднее, ибо богатый сманивал у него крестьян предоставлением им льгот: свобода перехода не приносила счастья и крестьянину, а также казаку. И тот и другой предавались лености, безнравственности, пьянству, – прожив льготное время у одного богатого помещика, они переходили к другому, где пользовались новыми льготами». В результате в 1760 г. появился гетманский универсал, запрещавший крестьянам перемещаться на новые места без письменного разрешения помещика. Спустя три года Екатерина подтвердила этот универсал, сочтя его вполне справедливым и полезным для государства и своих подданных.

В то же время упразднение украинского гетманства – политической основы самоуправления Украины – напрямую не связано с именем Екатерины. Оно было ликвидировано еще при Петре I и возобновлено при его преемницах, шедших на поводу у своих фаворитов. При Екатерине 10 ноября 1764 г. вместо гетманского правления была создана Малороссийская коллегия, включавшая четырех представителей России и такое же количество представителей от Украины. Это, безусловно, кардинальным образом ограничивало права и свободы украинской старшины и усиливало влияние монарха.

Во внешней политике с первых же лет правления Екатерина особое внимание уделяла сближению с Пруссией. Вместе с прусским королем Фридрихом II она в октябре 1763 г. посадила на польский трон своего бывшего любовника Станислава Августа Понятовского. Во время выборов немаловажное значение сыграла угроза, высказанная императрицей польскому послу в Варшаве: «Населить Сибирь моими врагами и спустить [на польские земли] запорожских казаков».

Требуя уравнять в правах католиков и православных, она вскоре после избрания Понятовского ввела в Речь Посполитую войска. Польский король стал послушной марионеткой в руках российского двора. Даже после того как проблема с урегулированием прав православных была решена, российские войска по-прежнему оставались на польских землях.

Польская шляхта не хотела мириться с создавшимся положением и начала искать союзников среди соседей. Вскоре Австрия потребовала от императрицы немедленного выведения войск с территории Речи Посполитой. Возможно, оба государства еще долго вели бы между собой дипломатическую игру. Но тут казаки напали на пограничное местечко, где жили и поляки, и турки. Турция немедленно объявила войну, которая продлилась 6 лет – с 1768 по 1774 гг.

Русский флот из 15 кораблей под командованием Алексея Орлова был мало подготовлен к операции по уничтожению турецкого флота, но сумел обогнуть Европу, войти в Средиземное море и в знаменитом Чесменском сражении 26 июня 1770 г. уничтожить 15 линейных кораблей, 6 фрегатов и около полусотни мелких турецких кораблей. Не менее удачными были и военные действия на суше. Были взяты Хотин, Яссы, Бухарест, Азов, Таганрог, очищены от османов Валахия и Молдова, заняты Перекоп, Керчь, Ялта.

Европейские страны с тревогой наблюдали за успехами русского оружия. Прусский король и австрийский император решили предложить России раздел Речи Посполитой, чтобы лишить ее возможности контролировать всю Польшу. А Австрия выступила с декларацией о намерениях добиваться возвращения туркам захваченных Россией земель. Екатерине же в борьбе с османами была нужна поддержка Фридриха II и Иосифа II В конце концов пришлось согласиться на прусский вариант. И в сентябре 1772 г. состоялся первый раздел Польши, в результате которого Россия получила восточные белорусские земли.

После этого появилась возможность возобновить военные действия с турками. А после смерти султана Мустафы III османы согласились на мирные условия, предложенные Россией. Мирный договор был заключен 10 июля 1774 г. в деревне Кючук-Кайнарджи. Россия получила право на беспрепятственное плавание российских кораблей по Черному и Мраморному морям, территории между Бугом и Днестром, Керчь, Еникале и Кинбурн, а также 4,5 млн рублей контрибуции. Крым был объявлен независимым. Однако крымские татары поклялись императрице в вечной дружбе, и таким образом полуостров фактически тоже оказался под протекторатом России.

Все действия Екатерины, несомненно, были связаны с ее мировоззрением. В ее жизни особую главу составляют взаимоотношения с европейскими просветителями и попытки реализовать их идеи на практике, что, в конечном итоге, создало ей в Европе репутацию «просвещенной монархини». В то время многие европейские правители разделяли идеи Просвещения. Но наибольшую активность среди них проявляла именно Екатерина, состоявшая в переписке с Вольтером и другими видными авторами этих идей.

Впрочем, в России потомки отнеслись к этой стороне деятельности императрицы отрицательно. Многие, в том числе молодой Пушкин, считали, что слова ее расходились с делом, что в ее письмах не было искренности, а имело место лишь стремление произвести впечатление на философов и использовать их в собственных целях. Примерно такую же оценку «просвещенности» Екатерины дал и Энгельс. Вслед за ним советская историческая наука иначе, как лицемеркой, императрицу не называла.

Однако результатом 34-летнего правления Екатерины стало укрепление законности, а страна приобрела черты просвещенного государства. Недаром даже после пугачевского восстания, о котором за границей хорошо знали, Вольтер не отрекся от своей ученицы и не перестал славить ее на всю Европу, а Пугачева рекомендовал «без промедления» повесить. Идеальная же форма «просвещенного правления», о которой ратовали просветители, не была реализована ни в одной из европейских стран в силу того, что была утопичной. Это понимали даже многие современники просветителей. Например, французский посол в России, граф Сегюр, описывая впечатления от визита Дидро в Петербург, писал: «Она [императрица] восхищалась его умом, но отвергла его теории, заманчивые по своим идеям, но неприложимые к практике».

Обвинители Екатерины в качестве одного из главных примеров ее лицемерия приводят то, что, зная об отрицательном мнении просветителей относительно крепостного права, императрица оставила существующий в России порядок без изменения. При этом забывают о том, что сами просветители не всегда советовали торопиться с этим. А учитывая настроения среди помещиков, Екатерина сохранила крепостное право, боясь протестов среди дворянства.

Будучи кокетливой и обаятельной, императрица все же обладала мужским складом ума. Она не умела вести светские разговоры и знала об этом, утверждая, что в парижском свете

она вряд ли понравилась бы, так как не умела проявлять «тонкость чувств», обязательную для женщин той эпохи. Зато Екатерина блистала в разговорах, касающихся вопросов философии, истории и политики. И все же Н. М. Карамзин, подводя итог ее правлению, писал: «Екатерина – Великий Муж в главных собраниях государственных – является женщиной в подробностях монаршей деятельности». И это вполне справедливо. Прославленная на всю Европу правительница оставалась до мозга костей женщиной, со всеми присущими женской натуре недостатками, в частности резкой сменой настроения. Особенно явно это стало проявляться в преклонных годах, когда Екатерина давала волю истрепанным долгим напряжением нервам и срывалась на приближенных. Потом она просила прощения, старалась быть ласковой. Однако сказанное оставляло тяжелый осадок в душе близких ей людей. Именно это происходило со знаменитым поэтом Гаврилой Романовичем Державиным, бывшим одно время статс-секретарем императрицы. Одним из главных упреков в адрес Екатерины являются ее бесчисленные фавориты, точное количество которых никому не известно. Даже ссылка на то, что фаворитизм был достаточно распространенным явлением при дворах той чувственной и явно распущенной эпохи, не обеляет ее в глазах современников и потомков. Отсюда – огромное количество исторических анекдотов, дешевых фильмов и романов, созданных для развлечения обывателей. Однако при ближайшем рассмотрении и эта сторона жизни русской императрицы оказывается далекой от ординарности.

Кто знает, как сложилась бы судьба Екатерины, если бы в браке она обрела любовь, к которой стремилась всю жизнь. Неудачный брак отложил отпечаток на всю ее жизнь. И вряд ли Екатерину, вопреки мнению многих, следует обвинять в банальном разврате. Ее слова и поступки говорят о стремлении к счастью и, как это ни странно, о чисто материнском отношении к фаворитам. Недаром каждого из них она стремилась поднять до своего духовного уровня, обучить навыкам государственного управления.

К концу жизни императрица стала безобразно толстой. По-видимому, ее одолевали многие болезни. Ножки, когда-то пленявшие современников, сильно отекали и превратились в безобразные тумбы. Готовясь к посещению императрицы, вельможи на лестницах делали специальные пологие скаты. Преодолеть ступеньки ей было не под силу. И все же даже в это время Екатерина сумела сохранить своеобразную красоту, обаяние и, как свидетельствуют современники, держалась «пристойно и грациозно».

Умерла Екатерина внезапно. 5 ноября 1796 г. она потеряла сознание, а утром следующего дня ее не стало. А вместе с ее смертью закончился блистательный период российской истории, который часто называют «золотым веком Екатерины».

ВИКТОРИЯ

(род. в 1819 г. – ум. в 1901 г.)

Королева Великобритании с 1837 года, последняя из Ганноверской династии.

В истории такой традиционно монархической страны, как Великобритания, не так уж много правивших королев: государством обычно управляли мужчины. После казни шотландской королевы Марии Стюарт прошло немало десятилетий, прежде чем на британский престол снова вступила женщина. На этот раз к управлению государством приступила королева Виктория, которой суждено было стать одной из самых значительных и заметных фигур в английской истории. Эта коронованная особа продержалась у власти целых 64 года из 82 прожитых, и в этом ей нет равных. Именно она, Виктория, дала свое имя «викторианской эпохе» – эпохе экономического развития и формирования гражданского общества, эпохе пуританства, семейных ценностей и вечных, безвременных истин. «Викторианство» до сих пор считается в Англии райским, благословенным временем. «Викторианская семья», «викторианская мораль», «викторианская архитектура»… Эти слова и сейчас символизируют мощь и величие английской нации. В период правления Виктории Британия пережила невиданный экономический и поли-

тический взлет. В это время были изобретены и широко распространились фотография (Виктория обожала фотографию), музыкальные шкатулки, игрушки, открытки. Тогда же сложилась городская бытовая цивилизация: уличное освещение, тротуары, водопровод и канализация, метро. Благодаря ученым-инженерам Джорджу и Роберту Стивенсону стали возможны путешествия по железной дороге. Королева совершила свою первую поездку по железной дороге в 1842 г., после чего этот вид транспорта стал традиционным для англичан.

О том, что ей выпала честь быть наследницей британской короны, Виктория узнала лишь в 12-летнем возрасте. Ей никогда бы не удалось занять королевский трон, будь многочисленное потомство Георга III более богато наследниками. Но дочери и сыновья короля либо были бездетны, либо вовсе не вступали в брак, имея незаконнорожденных детей. Несмотря на то что в 1818 г. сразу трое сыновей Георга III срочно женились и попытались обзавестись потомством, «повезло» лишь одному из них – герцогу Эдуарду Кентскому, у которого родилась дочь Виктория, будущая королева Англии. Маленькую принцессу воспитывали в большой строгости: ее никогда не оставляли без присмотра, не разрешали общаться со сверстниками, полностью лишая свободы. С годами надзор матери, немецкой принцессы Виктории-Марии-Луизы, и ее фаворита Джона Конроя (престарелый отец Виктории умер через восемь месяцев после ее рождения) все больше тяготил наследницу. Став государыней, она отдалила эту пару от своего трона. Помимо матери воспитанием Виктории занималась строгая гувернантка Луиза Лецен, которую девочка слушалась во всем и очень любила, несмотря на ее суровый характер. Еще долгое время бывшая воспитательница сохраняла свое влияние у трона, пока законный супруг Виктории Альберт Саксен-Кобург-Готский не удалил ее от молодой королевы.

Впервые принц Альберт, приходившийся Виктории кузеном, прибыл с визитом в Англию в 1839 г. Для 19-летней королевы его появление при дворе было подобно удару молнии. Виктория трогательно и по-девичьи сильно полюбила привлекательного Альберта. Сын герцога Эрнеста Саксен-Кобург-Готского был не только хорош собой, но и обладал множеством других достоинств: страстно любил музыку и живопись, великолепно фехтовал, отличался завидной эрудицией. К тому же принц не был легкомысленным гулякой, лентяем или мотом. Он моментально вытеснил из сердца юной королевы 58-летнего премьер-министра, лорда У. Мельбурна – ее незаменимого наставника в первый год правления. В этом моложавом, импозантном светском льве и удачливом политике Виктория видела доброго друга и была немножко влюблена в него. В своем дневнике она писала: «Я рада, что лорд Мельбурн рядом со мной, ведь он такой честный, добросердечный, хороший человек, и он мой друг – я знаю это». Но с появлением молодого кузена премьер-министр перестал занимать мысли Виктории. Она не стала ждать благосклонности принца Альберта и сама объяснилась с ним. «Я сказала ему, – писала королева в своем дневнике, – что была бы счастлива, если бы он согласился поступить так, как я хочу (жениться на мне); мы обнялись, и он был так добр, так нежен… О! Как я боготворю и люблю его…»

10 февраля 1840 г. с соблюдением всех традиций и правил многовекового британского этикета состоялась пышная церемония венчания Виктории и Альберта. Супруги прожили вместе 21 год, у них родилось 9 детей. На протяжении всей их совместной жизни Виктория обожала своего мужа, радуясь семейному счастью и взаимной любви: «Мой муж ангел, и я его обожаю. Его доброта и любовь ко мне так трогательны. Мне достаточно увидеть его светлое лицо и заглянуть в любимые глаза – и мое сердце переполняется любовью…» Несмотря на то что злые языки предрекали этому союзу неудачу, утверждая, что Альберт женился лишь из холодного расчета, королевский брак оказался идеальным, послужив образцом для всей нации. Представители буржуазии с одобрением взирали на усердие супругов в служении Англии.

За долгие годы правления Виктория полностью изменила привычное мнение общества о монархии. Ее предки, полагавшие, что королям и королевам можно все, не слишком заботились о репутации британской династии. Семейная традиция английского королевского дома

была ужасающей: достаточно сказать, что Виктория стала 57-й внучкой Георга III, но первой из законнорожденных. Благодаря ей британская династия из вертепа превратилась в оплот семейственности, стабильности и незыблемой морали, создав совершенно новый имидж королевской семьи. К своему государству Виктория относилась, как заботливая хозяйка к большому дому, в котором без ее внимания не оставалось ни одной мелочи. Она не отличалась ярким интеллектом или энциклопедическими познаниями, но с завидным умением исполняла свое предназначение – из всех решений выбирала единственно верное, а из многочисленных советов – самый полезный. Все это способствовало процветанию Великобритании, которая именно при Виктории стала могучей империей, имевшей свои земли в Индии, Африке, Латинской Америке. Удачная внутренняя и внешняя политика, победа в Крымской войне, экономический взлет Британии формировали у англичан культ королевы. Не будучи демократкой, она тем не менее смогла стать по-настоящему «народным монархом». Неслучайно ее последний премьер-министр лорд Солсбери говорил, что «Виктория непостижимым образом всегда точно знала, что хочет и что думает народ». В успешном управлении государством королева в немалой степени обязана мужу, который был для нее незаменимым советчиком и лучшим другом.

Альберт, от природы наделенный умом и волей, всячески помогал жене в решении государственных проблем. Хотя поначалу его обязанности были весьма ограниченны, постепенно он получил доступ ко всем государственным бумагам. С его легкой руки в Англии все стремительнее развивались рыночные отношения. «Делать деньги нужно из всего – неважно, какими способами», – учил Альберт королеву. Именно ему принадлежала идея Всемирной выставки машин, промышленных товаров и предметов искусства, которая состоялась в Лондоне в 1851 г. Эта выставка существует и сейчас, ее экспонаты являются основой коллекции замечательного музея Виктории и Альберта. Несмотря на то что в Англии не было и до сих пор нет формулы для определения положения мужа при царствующей особе, Альберт сумел стать «почти королем». Андре Моруа писал о нем: «Некоторые политики находили, что у него слишком много власти. А его идеи относительно королевской власти многие считают несовместимыми с английской конституцией… Он вел Англию к абсолютной монархии». Очень работоспособный, Альберт трудился не покладая рук, но жизнь его была очень недолгой.

В начале декабря 1861 г. «милый ангел», как называла мужа Виктория, заболел брюшным тифом и умер. В 42 года королева стала вдовой. Тяжело переживая смерть любимого, она надолго закрылась в четырех стенах, отказывалась принимать участие в публичных церемониях. Ее положение сильно пошатнулось, многие осуждали бедную вдову: ведь она королева и должна выполнять свой долг, чего бы ей это ни стоило. Как ни безутешно было горе Виктории, все же через какое-то время она сумела приступить к государственным делам. Правда, прежняя энергия уже не вернулась к королеве, и многие события внутренней и международной жизни тех лет прошли мимо нее. Более всего она была озабочена увековечением памяти покойного мужа. По ее распоряжению в Гайд-парке был возведен мемориал со статуей принца, а также концертный зал Альберт-холл неподалеку от Музея Виктории и Альберта. Все в ее жизни было подчинено памяти любимого супруга. Она старалась жить так, как если бы Альберт был жив. По ее приказу в кабинетах принца ежедневно меняли воду в графинах, заводили часы, приносили свежие цветы. Решая сложные государственные проблемы, Виктория продолжала следовать его основной политике. «Я твердо решила, – писала она своему дяде, – бесповоротно решила, что все его пожелания, проекты, мысли будут для меня руководством к действию. И никакие человеческие законы не свернут меня с этого пути». Королеве Виктории удавалось ловко лавировать в сложных политических ситуациях, постепенно она снова возвратилась в «большую политику».

Настоящий расцвет ее правления пришелся на середину 1870-х гг., когда к власти пришел лидер консервативной партии Бенджамин Дизраэли. Этот человек, впервые ставший главой консерваторов еще в 1868 г., занимал особое место в судьбе Виктории. 64-летний

премьер-министр покорил королеву своими почтительными высказываниями о покойном Альберте. Дизраэли увидел в Виктории не только государыню, но и страдающую женщину. Он стал тем человеком, благодаря которому королева смогла прийти в себя после смерти мужа и покончить с затворничеством. Дизраэли информировал ее обо всем, что происходило в кабинете министров, а она, в свою очередь, обеспечивала ему «желанный ореол особой близости к трону». В начале своего второго премьерства (1874–1880 гг.) он добился контроля Великобритании над Суэцким каналом и преподнес государыне это удачное приобретение как личный подарок. При его непосредственном содействии был также принят парламентский билль о присвоении королеве Виктории титула императрицы Индии. Дизраэли, который не мог гордиться знатным происхождением, в знак благодарности получил от нее титул графа.

Помимо него были и другие мужчины, добившиеся особой благосклонности королевы и сыгравшие в ее жизни немалую роль. Отношения королевы с ее слугой и доверенным лицом, шотландцем Джоном Брауном, впрочем, как и вся ее личная жизнь в период вдовства, окутаны тайной. При дворе говорили, что Браун мог без стука входить в спальню королевы и оставаться там в течение многих часов. Не исключали возможности, что Викторию и ее слугу связывали не только любовные отношения, но и узы тайного брака. Были и такие, которые объясняли происходящее тем, что Браун – медиум и с его помощью королева общалась с духом принца Альберта. Когда Джон умер от рожистого воспаления, в память о нем Виктория заказала статую шотландца в национальном костюме.

В 1887 и 1897 гг. в Англии состоялись пышные торжества по случаю золотого и бриллиантового юбилея королевы – пятидесятилетия и шестидесятилетия ее царствования. Авторитет Виктории как конституционного монарха в стране неуклонно возрастал, хотя реальной власти у нее становилось все меньше. Подданные по-прежнему почитали свою государыню, а покушения на ее жизнь вызывали еще большие взрывы народной любви. Первое из них произошло в 1840 г., тогда от выстрела преступника королеву спас принц Альберт, второе – в 1872 г., на этот раз Виктория спаслась благодаря слуге Джону Брауну. Впоследствии в государыню стреляли еще четыре раза, и последнее покушение в марте 1882 г. было особенно опасным. Но тогда на железнодорожном вокзале Виндзора мальчик, ученик Итонского колледжа, успел ударить зонтиком преступника, целившегося в королеву из пистолета.

Виктория старела, в 70-летнем возрасте она начала слепнуть от катаракты, из-за больных ног ей было тяжело самостоятельно передвигаться. Но королева все так же продолжала царствовать в том мире, который всегда безраздельно принадлежал ей – в своей семье. Все ее дети, кроме дочери Луизы, имели наследников. Не без участия Виктории многие ее внуки породнились с представителями королевских домов Европы, в том числе и России (свою любимую внучку Алису она отдала замуж за наследника Российской короны Николая, и та стала последней русской императрицей Александрой Федоровной). Недаром Викторию называли бабушкой европейских монархов.

В последние годы жизни королева продолжала заниматься делами государства, хотя ее силы были уже на исходе. Превозмогая свои немощи, она ездила по стране, выступая перед войсками, принимавшими участие в англо-бурской войне. Но в 1900 г. здоровье королевы ухудшилось, она уже не могла читать бумаги без посторонней помощи. К ее физическим страданиям прибавились душевные, вызванные известием о смерти сына Альфреда и неизлечимой болезни дочери Викки. «Снова и снова удары судьбы и непредвиденные потери заставляют меня рыдать», – записала она в своем дневнике.

Королева Виктория умерла после непродолжительной болезни 22 января 1901 г. Ее кончина не была неожиданностью для народа, но тем не менее миллионам подданных казалось, будто смерть королевы на рубеже столетий влечет за собой мировую катастрофу. Это и неудивительно, ведь для многих англичан Виктория была «вечной» государыней – других за свою долгую жизнь они не знали. «Казалось, что колонна, державшая небосвод, обрушилась», –

писал о тех днях британский поэт Р. Бридже. Согласно завещанию, Викторию хоронили по воинскому обряду. На дне ее гроба лежали алебастровый слепок с руки принца Альберта и его стеганый халат, рядом с ними – фотография слуги Джона Брауна и прядь его волос. Королева уносила в небытие тайны своей личной жизни…

«В Британии и не столь значительно в большей части Ирландии, – писал английский историк Д. Кэннедайн, – Виктория олицетворяла собой образ матери нации, нравственного идеала, возвышающегося над грубой повседневностью; в международном плане она стала имперским матриархом, который с материнской заботой председательствовал над более великой британской семьей, раскинувшейся на двух полушариях». Наследникам английской короны Виктория оставила устойчивый трон, и у тех были все основания благодарить ее за предприимчивость, рачительность и те богатства, которые она подарила царствующему британскому дому. В памяти же своего народа эта государыня навсегда осталась монархом, период правления которого стал одной из ярчайших страниц истории Англии. Королева Виктория по праву принадлежит к числу тех немногих правительниц, кого не только любили и ценили современники, но и кому историки никогда не отказывали в уважении.

МЕИР ГОЛДА

Настоящее имя – Голди Мабовитц-Меерсон

(род. в 1898 г. – ум. в 1978 г.)

Первый израильский посол в Советском Союзе. Премьер-министр Израиля, ставшая «матерью еврейской нации».

Она была дочерью плотника из Киева – и премьером израильского государства. Она закупала оружие и хорошо разбиралась в нем – и сажала деревья в пустыне. Создавая и защищая маленькую страну для своего народа, она стала легендой. Ее звали Голда Меир. Она была одной из первых в мире женщин, достигших положения главы правительства. До нее лишь на Цейлоне и в Индии государство возглавляли женщины – Сиримаво Бандаранаике и Индира Ганди.

Голди родилась 3 мая 1898 г. в Киеве, где ее отец Моше Ицхак Мабовитц работал столяром. В ее детстве «радостных или хотя бы приятных моментов было очень мало». Эпизоды, которые она помнила, были связаны с мучительной нуждой, в которой жила ее семья, бедностью, голодом, холодом и страхом погромов. В 8-летнем возрасте Голди с матерью, Блю-

мой, переехала в США, куда тремя годами раньше уехал отец, чтобы начать новую жизнь. Они обосновались в Милуоки, штат Висконсин, в самом бедном еврейском квартале города. Моше получал нищенскую зарплату, выполняя строительные работы, а Блюма открыла небольшую бакалейную лавку.

Закончив начальную школу в 14 лет, Голди собиралась поступить в среднюю школу и стать учительницей. Но родители хотели поскорее отдать ее замуж. Тогда она уехала к старшей сестре в Денвер, штат Колорадо, квартира которой была чем-то вроде центра для еврейских анархистов, социалистов и сионистов. Здесь девушка впервые услышала о национальном очаге для евреев, который они хотели создать в Палестине. Долгие ночные споры сыграли большую роль в формировании ее убеждений. Но пребывание в Денвере имело и другие последствия. Среди молодых людей, часто бывавших в доме, одним из самых привлекательных был тихий Моррис Меерсон, водивший девушку на лекции по литературе, истории и философии.

Вскоре Голди поссорилась с сестрой и ушла из ее дома. В 16-летнем возрасте она устроилась в магазин, где шили юбки на заказ. Так прошло около года, пока не пришло письмо от отца: «Если тебе дорога жизнь матери, ты должна немедленно вернуться домой». Вернувшись в Милуоки, Голди окончила среднюю школу и поступила в колледж для учителей, где начала изучать педагогику и стала активисткой в различных еврейских организациях. Сионизм наполнял ее жизнь и сознание. Она не сомневалась в том, что ее место в Палестине.

В декабре 1917 г. Голди и Моррис поженились, а весной 1921 г., продав все свое имущество, отправились к берегам «земли обетованной». Добравшись до Тель-Авива, они подали заявление в колхоз (кибуц) с поэтическим названием «Божьи просторы», а Голди даже взяла себе новое имя – Голда («золотая»), подчеркнув этим начало новой жизни. Позднее она вспоминала, как наслаждалась тем, что находилась среди людей, разделявших ее общественно-политические взгляды. Но Моррису было не по себе: ужасный климат, малярия, плохая пища, работа в поле – все это оказалось для него слишком тяжело, и ради мужа Голда согласилась оставить кибуц.

Муж получил плохо оплачиваемую работу бухгалтера в Иерусалиме. Они нашли маленький домик из двух комнат, без электричества, так что готовить приходилось на примусе в сарае. Их первенец Менахем появился на свет в 1924 г., а спустя два года родилась дочка Сарра. Чтобы платить за дом, Голда брала в стирку белье, которое стирала в корыте, нагревая воду во дворе.

Ее стремление к общественной работе нашло выход в 1928 г., когда она возглавила женский отдел Всеобщей федерации трудящихся. Вскоре все увидели, что Голда прекрасный организатор и оратор. К тому же ей пригодилось знание английского языка, на котором она говорила без акцента. В 1932 г. на два года Голда отправилась в США, чтобы подлечить дочь, у которой было обнаружено заболевание почек. Все это время ее муж оставался в Палестине. После возвращения Голда была назначена руководителем политического отдела федерации в Тель-Авиве, а Моррис работал в конторе фирмы «Шелл Ойл» в Хайфе и навещал семью по субботам.

В первой половине 30-х гг. в Палестину, где рынок труда не был готов к принятию огромного количества людей, хлынули еврейские беженцы из Германии. Тогда же была предпринята попытка разрешения этой проблемы на международной конференции, проходившей во Франции. Практические результаты ее были ничтожны, так как каждая из 31 стран-участниц нашла важные причины для того, чтобы не открывать двери иммигрантам. Голда в очередной раз убедилась в том, что ее народу необходимо свое собственное государство.

В ноябре 1947 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла план раздела Палестины на две части, а в мае следующего года на карте мира появилась новая страна – Израиль. Голда была единственной женщиной среди политиков, подписавших Декларацию независимости: «Глаза мои наполнились слезами, руки дрожали. Мы сделали еврейское государство реальностью, и

я дожила до этого дня». Многие ее соратники говорили позднее: «Если Бен-Гурион – отец Израиля, то Голда – его мать».

Через месяц после этого события она была назначена послом в СССР. Так спустя 42 года после того, как Голда покинула Россию, она вернулась туда в качестве представителя еврейского государства. Ей было не интересно заниматься рутинной дипломатической работой, но это продолжалось недолго – всего 7 месяцев. В начале 1949 г. она была заочно избрана в первый кнессет и вернулась, чтобы занять должность министра труда в правительстве Бен-Гуриона.

Новая работа оказалась не из легких. Иммигранты стекались в маленькое, охваченное войной государство и размещались в палатках. Их надо было обеспечить всем необходимым, но продуктов питания, стройматериалов, оборудования, денег хронически не хватало. Министру труда пришлось выехать на сбор средств в США, Европу и Латинскую Америку. На этом посту Голда полностью могла проявить свою заботу о людях. Вспоминая те годы, она признавалась, «что это был наиболее плодотворный период в ее жизни».

С 1956 г. в течение 9 лет Голда исполняла обязанности министра иностранных дел. К этому времени она изменила свою фамилию Меерсон на еврейское имя Меир (в переводе с иврита – «озаряющая»). И к моменту своего избрания четвертым премьер-министром Израиля у нее было более 45 лет политического опыта: «Я поняла, что мне придется принимать решения, от которых будет зависеть жизнь миллионов людей. Однако на размышления времени не было, и раздумья о пути, который довел меня из Киева до кабинета премьера, надо было отложить на потом».

Это был период жестокого, но разумного правления. Соглашение о прекращении огня с арабской стороной было заключено, но на границах часто возникали конфликты. Правительство Израиля поддерживало боеспособность страны, искало пути мирного урегулирования.

В октябре 1973 г. женская интуиция подсказывала Голде – что-то не в порядке. Ее советники и члены кабинета уверяли: «Не беспокойтесь, войны не будет». Позже Меир вспоминала: «Я должна была прислушаться к голосу своего сердца и объявить мобилизацию. Я уже тогда знала, что должна была так поступить, и мне предстоит прожить с этим ужасным знанием всю оставшуюся жизнь». Трагедия унесла 2,5 тыс. жизней, многие из которых могли бы быть спасены, если бы кабинет поверил в силу предвидения Голды.

Во время этой войны ей было далеко за семьдесят, но она никогда не покидала офис более чем на час. На пятый день конфликта, когда израильская армия несла потери и казалось, что разгром близок, она позвонила госсекретарю США Генри Киссинджеру среди ночи, заявив его помощнику: «Меня не заботит, который теперь час. Нам нужна помощь сегодня, потому что завтра может быть слишком поздно». Сила и уверенность Голды сделали свое дело: американский воздушный мост заработал как раз вовремя, чтобы спасти нацию.

Она ушла в отставку 10 апреля 1974 г. после пяти бурных лет работы в должности премьер-министра. В Палестине было 80 тыс. евреев, когда она приехала сюда в 1921 г., и 3 млн, когда она покинула свой кабинет. В своем прощальном заявлении Меир сформулировала концепцию выживания страны с позиций силы и агрессии: «Если Израиль не будет сильным, то не будет мира». Она могла бы сказать: «Если женщина не сильна и не уверена, то она не добьется власти». В этом выразилась бы сущность этой энергичной и властной женщины.

Голда никогда не требовала от народа верности себе лично, призывая лишь сохранять идеалы, в которые верила сама. Она не признавала никаких компромиссов. Мир для нее делился на черное и белое, а любой, кто не принимал ее мировоззрения, становился противником.

В личной жизни она никогда не была одинокой. Меир дружила с блестящим оратором Залманом Шазаром, который был ее наставником и любовником. Они путешествовали по всему миру в 30-е гг., и Шазар обещал развестись с женой и жениться на Голде, но так и не сдержал своего слова. И все же этот динамичный лидер, без сомнения, был тем мужчиной,

который оказал на нее наибольшее влияние. Именно он стал тем президентом Израиля, который привел ее к присяге в качестве премьер-министра в 1969 г. Их отношения были началом большого количества подобных связей, что дало повод завистникам называть ее «Голда-матрац».

Интимные отношения связывали Меир со многими великими мужчинами в сионистском движении. Давид Бен-Гурион, Давид Ремез, Берт Кацнельсон, Залман Аранн и Генри Ментор были самыми выдающимися личностями, с которыми она работала и развлекалась на разных ступеньках своей карьеры. Все они помогли ей в продвижении на вершину.

В действиях Меир не было злого умысла. Просто эта страстная женщина жила естественно, так, как она видела и чувствовала. В ней было столько неудержимой энергии, что некогда было останавливаться, чтобы побеспокоиться о тех, кто уходил. Сама Голда признавала для себя первенство карьеры перед семьей: «Я знаю, что мои дети, когда были маленькими, много страдали по моей вине».

Меир была очень сильной, но простой женщиной. Будучи избранной на высший пост своего государства, она говорила: «Я была ошеломлена. Я никогда не рассчитывала стать премьер-министром. Я вообще никогда ни на что не рассчитывала. Я планировала, что поеду в Палестину, стану активным участником лейбористского движения». Единственным Богом Голды был сионизм, мир, в котором у еврейского народа был бы свой дом. Делом ее жизни стало создание такого дома.

Она умерла 8 декабря 1978 г. и была похоронена в Иерусалиме. Сегодня с уверенностью можно сказать, что нынешний облик Израиля сформирован не в последнюю очередь женщиной по имени Голда…

ЦЫСИ (ЦЫ СИ)

(род. в 1835 г. – ум. в 1908 г.)

Маньчжурская императрица, фактически правившая Китаем на протяжении 47 лет. Бывшая наложница и вторая жена императора Сяньфэна, регентша при малолетнем сыне Тунчжи и племяннике Гуансюе. Беспощадно подавляла народные движения, отличалась консерватизмом, развращенностью, крайней подозрительностью и жестокостью.

Когда приближенные последней китайской императрицы Цыси, прозванной Драконом, собрались в комнате, где она готовилась отправиться в «мир теней», она была уже одета в «одеяние долголетия» и короткий жакет с золотыми вышивками. Соблюдая древние обычаи, ее попросили сказать последнее напутственное слово. Напрягая слабеющие силы, умирающая тихо произнесла: «Никогда не допускайте женщину к верховной власти».

Родилась владычица многомиллионного Китая в ноябре 1835 г. в семье маньчжурского мандарина и с детства готовилась стать наложницей императора. В шестнадцать лет она вошла во дворец правителя Сяньфэна, в котором жили 3 тысячи наложниц и столько же евнухов. Ходили слухи, что спальню императора посещали десять любовниц в день. Девушки распре-

делялись по рангам, и те, которые относились к низшему рангу, могли всю жизнь прожить во дворце, так и не встретившись с Сяньфэном. Когда Цыси переступила порог гарема, она оказалась в пятом, низшем ранге.

Юная девушка была весьма честолюбива, умна и по тому времени достаточно образованна. Она приложила максимум усилий, чтобы жизнь в позолоченной клетке не прошла даром. Цыси расчетливо подружилась с женой Сяньфэна, которая была на 15 лет старше ее и к тому же бесплодна. Когда слабеющий владыка решил, что ему нужен наследник, он попросил жену выбрать достойную наложницу. И та предложила свою подругу. К тому времени девушка прожила во дворце лишь три года, но одну мечту уже осуществила. Теперь она вошла в число приближенных к императору.

В апреле 1856 г. Цыси родила наследника китайского престола Тунчжи. Наложница стала центром внимания и восхваления со стороны придворных, но для нее важнее было внимание, которое ей уделял сам император. Он понял, что эта женщина очень умна и способна, и передавал ей все больше своих полномочий. Это был период, когда Китай начал терять многовековую традицию изолированности от внешнего мира. Французы и англичане приезжали туда как торговцы и привозили новые идеи, которые провоцировали антимонархическое движение в некоторых частях страны. Больше всего бунтовщиков было в городе Тайпын.

В ответ на проникновение иностранцев Цыси перевела двор в горы, окружающие Пекин. Она приказала публично рубить головы всем захваченным мятежникам, организовав кампанию террора против европейских торговцев и христианских миссионеров. Иностранцев запугивали, их лавки сжигали, а если они и после этого не уезжали, то рисковали головой. Цыси была намерена сохранить древние традиции феодального Китая и, конечно же, власть и богатство монархии. Она считала, что присутствие иностранцев угрожает национальной самобытности Китая, и была убеждена в необходимости их изгнания из страны.

Когда в 1861 г. Сяньфэн умер, его вдова и Цыси получили права регентов. Хотя власть должна была в равной степени принадлежать обеим, вдова императора, которую мало интересовала политика, с готовностью предоставила подруге возможность управлять государством. Однако такое положение устраивало далеко не всех. Не обошлось без заговора с целью убийства регентши-наложницы. Цыси ответила на это быстро и жестоко, приказав обезглавить около 500 заговорщиков.

Сын Цыси, который должен был стать императором, как только ему исполнится 17 лет, рос в довольно необычной обстановке. С юных лет Тунчжи пристрастился к разнузданным оргиям в притонах Пекина и познал все сексуальные извращения на практике. Когда молодой человек достиг совершеннолетия, Цыси издала декрет, в котором говорилось, что ее регентство окончено и начинается правление ее сына. У юноши была невеста, но мать относилась к его женитьбе отнюдь не благосклонно, опасаясь соперничества со стороны будущей невестки. Однако он пошел ей наперекор.

Вскоре после издания декрета о передаче власти император Тунчжи внезапно умер от оспы. Ходили слухи, что Цыси убила собственного сына, заставив евнуха после еды обтереть губы императора зараженным полотенцем. Эта версия выглядела весьма правдоподобной.

Конечно, Цыси вновь объявила себя правительницей Китая. Но тут выяснилось, что жена Тунчжи беременна. Это привело свекровь в бешенство. Если бы невестка родила наследника, он имел бы право со временем занять трон. Тогда Цыси приказала евнухам избить молодую вдову, чтобы вызвать выкидыш. Спустя три месяца несчастная покончила с собой. Никто не сомневался в причастности Цыси и к этой трагедии.

Правительница выбрала нового императора сама, что было нарушением древнего закона. Она объявила владыкой Китая своего племянника, которому дали имя Гуансюй – «бриллиантовый наследник». Мальчику в то время было четыре года, и он пока не представлял для нее опасности.

Ребенок рос окруженный любовью и заботой вдовы старого императора, той, что когда-то так полюбила молодую честолюбивую наложницу мужа. Цыси была очень недовольна тем, что мальчик попал под влияние другой женщины. И когда старая госпожа умерла, все при дворе были уверены, что ее отравила Цыси. Наследнику трона тогда было всего лишь 11 лет. Теперь императрица могла наслаждаться абсолютной властью. Тех, кто ранее осмелился выступить против назначения Гуансюя императором, она тут же казнила.

Уничтожая политических противников, Цыси укрепляла свою власть. На все важные должности она поставила своих родственников. Чтобы предотвратить проникновение в правящий клан постороннего человека, объявила о помолвке наследника с его двоюродной сестрой.

В 1889 г. Цыси была вынуждена оставить регентство. Молодому императору исполнилось уже 19 лет, но официальное вступление на трон было отложено до его женитьбы. Цыси занимала резиденцию в окрестностях Пекина. Дворец ее был великолепен – мраморное чудо среди зелени деревьев, окруженное озерами, на глади которых покачивались цветы лотоса. В доме было много украшений из чистого золота. Подобную роскошь могли себе позволить не многие монархи. Утверждали, что Цыси похитила деньги из императорской казны, а сообщником ее был главный евнух Лиляньин, жестокий и грубый человек, некогда развративший ее сына.

Цыси надеялась управлять страной за спиной императора, которого сама выбрала. Но между теткой и племянником образовалась глубокая пропасть. Он был добрым, образованным и прогрессивным человеком, стремился вывести Китай из изоляции, за которую цеплялась Цыси. Ее ужасало количество иностранцев, которым Гуансюй разрешил жить в стране. Всех их она подозревала в намерении превратить Китай в свою колонию. После того как в 1874 г. Япония захватила острова Лиучиу, Китай пригрозил ей войной. С помощью переговоров военное столкновение удалось предотвратить. Но в 1894 г., когда японцы попытались захватить Корею, войны избежать не удалось.

Война с Японией была короткой и стала несчастьем для Китая. В 1898 г., когда страна пыталась прийти в себя после позорного поражения, вокруг Цыси стали группироваться люди, которые тоже ненавидели иностранцев и опасались угрозы с их стороны. В летнем дворце Цыси формировалась оппозиция императору.

Гуансюй отдавал себе отчет в том, что без поддержки тетки ему будет трудно править страной. Но он также понимал, что она никогда не согласится на реформы, которые он хотел бы провести. Император решил арестовать свою тетку, но его замысел был раскрыт. Цыси действовала решительно: она заставила горе-заговорщика отречься от престола и заточила его на одном из островов, где он жил под охраной евнухов бедно и уединенно, так как его личные слуги были уничтожены. Многие придворные были уверены, что Гуансюя ждет судьба Тунчжи и его жены, но Цыси сохранила племяннику жизнь.

Шесть участников императорского заговора были арестованы и казнены. Потом Цыси переключилась на иностранных миссионеров. По всему Китаю ей виделось присутствие коварных пришельцев, готовящих вторжение в страну. В ноябре 1899 г. она издала декрет, который не оставлял никаких сомнений – она не желала терпеть «чужеземных дьяволов». Этот декрет стал знаменем многих китайских консерваторов, боровшихся за сохранение национальных традиций и объединившихся в тайное общество под названием «Кулак во имя справедливости и согласия». Его члены были прозваны «боксерами» за ловкость в военном искусстве.

Когда в 1900 г. разразилось «боксерское восстание», государство поддержало его. Первой жертвой стал британский миссионер. Неприязнь к чужеземцам ощущалась в Китае повсеместно, и восставшие везде находили поддержку. Линии передач были перерезаны, железнодорожные пути взорваны, принадлежавшие западному капиталу фабрики сожжены. Цыси вела хитрую игру. Она делала вид, что защищает иностранных граждан, отправляя войска против восставших, но в то же время обещала армейским командирам большую награду «за уши каждого мертвого иностранца».

Вскоре императрица отказалась от двойной игры. По ее приказу китайские войска присоединились к восставшим. Убивали так много и часто, что порой не успевали убирать трупы. По Пекину стали распространяться инфекционные болезни. Иностранные державы, и прежде всего Великобритания, прислали войска, чтобы спасти своих граждан от жестокой расправы. Цыси была вынуждена бежать. Когда она покидала дворец, к ее ногам кинулась наложница свергнутого императора и умоляла позволить Гуансюю жить во дворце. Цыси приказала евнухам: «Сбросьте эту негодницу в колодец! Пусть она умрет в назидание всем непокорным».

После изгнания из Пекина императрица была вынуждена отказаться от привычной роскоши. Пища ее стала скудной, власть она потеряла. В стране царили беспорядок и насилие. Но вскоре «боксерское восстание» было подавлено союзными войсками, и Цыси разрешили вернуться в столицу после подписания мирных соглашений.

В последние годы жизни Цыси стала свидетельницей реформ, начатых в Китае под влиянием Запада. Она также была вынуждена отдать посмертные почести казненным по ее приказу императорским министрам и даже несчастной наложнице, безжалостно брошенной в колодец.

Летом 1907 г. Цыси перенесла инсульт, и здоровье ее резко пошатнулось. Здоровье императора тоже ухудшалось. Несмотря на то что он не правил страной, Гуансюй сохранил уважение народа и получил право жить во дворце. Утром 14 ноября 1908 г. император умер. При этом очевидны были симптомы отравления. Подозрение пало на Цыси. Вполне вероятно, что она тайно, через евнуха, давала императору небольшие дозы яда в течение долгого периода. Старая императрица, прозванная подданными Драконом, пережила своего племянника всего на сутки.

ГАНДИ ИНДИРА

(род. в 1917 г. – ум. в 1984 г.)

Единственная женщина – премьер-министр в истории Индии, управлявшая страной в течение 15 лет. Дочь Джавахарлала Неру – одного из самых влиятельных индийских лидеров.

Судьба одарила эту женщину редкостным обаянием и твердым характером, что вызывало по отношению к ней и любовь, и ненависть. Должность премьер-министра Индии никогда не была легкой: огромный субконтинент с многочисленным населением изобилует не только замечательными памятниками древней культуры, но и острейшими проблемами – нищетой, болезнями, коррупцией, этническими и религиозными конфликтами…

Индира Ганди понимала, что ее жизни угрожает опасность. За день до гибели она говорила: «Сегодня я жива, а завтра, может быть, и нет… Но каждая капля моей крови принадлежит Индии». На утро 31 октября 1984 г. у нее была запланирована встреча, которую Ганди ожидала с особым удовольствием, – телеинтервью с известным английским писателем и актером Питером Устиновым. Она долго выбирала наряд, остановившись на шафранового цвета платье, которое, по ее мнению, должно было эффектно смотреться на экране. Поколебавшись,

сняла пуленепробиваемый жилет, посчитав, что он ее полнит. Простительное в иной ситуации проявление чисто женского начала на этот раз стало фатальным.

Беант Сингх и Сатвант Сингх стояли на одном из постов, расположенных вдоль дорожки, ведущей из резиденции премьер-министра к ее офису. Именно туда и направлялась в сопровождении охраны Индира. Подойдя к охранникам-сикхам, она приветливо улыбнулась. Выхватив пистолет, Беант трижды выстрелил в премьер-министра. Одновременно Сатвант прошил тело Ганди автоматной очередью. Охрана открыла ответный огонь, но было уже поздно…

…19 ноября 1917 г. в древнеиндийском городе Аллахабаде в семье известных всей стране адвокатов Неру из аристократической касты брахманов родилась девочка, которой дали имя Индира. Через несколько дней в «Обитель радости», как называл свой дом ее дед Мотилал Неру, пришло письмо от известной поэтессы С. Найду, в котором она писала, что «ребенку предстоит стать новой душой Индии». Никто тогда это пророчество всерьез не воспринял. Впереди девочку ожидало одинокое детство, необходимость принятия не по-детски серьезных решений, годы ранних забот и тревог.

В раннем возрасте Индира понимала, что Индия унижена, поэтому все близкие ей люди борются за ее освобождение. Следуя учению Махатмы Ганди, они считали необходимым бойкотировать английские товары и однажды торжественно сожгли во дворе все дорогие иностранные вещи. Такой участи избежала только любимая кукла Индиры, которая через некоторое время тоже была отправлена на костер своей хозяйкой. Решение этой первой в жизни моральной проблемы стоило девочке больших эмоциональных затрат и закончилось приобретением невроза – уже будучи взрослой, Индира не могла слышать звука зажигаемых спичек.

Будучи совсем маленькой, она играла не в обычные детские игры, а в борьбу индийцев против колонизаторов. Девочка собирала всех, кто находился в доме, в одну комнату и произносила перед ними страстные речи. Индира с трудом заставляла себя посещать уроки, так как учебный материал не находил отклика в ее сознании, и предавалась свободному чтению книг. В 8-летнем возрасте она организовала в Аллахабаде детский союз по развитию домашнего ткачества, члены которого собирались в «Обители радости» и часами ткали из грубой пряжи платки и шапочки.

В 1925 г. у матери Индиры был обнаружен туберкулез, и отец решил отвезти ее в Швейцарию на лечение. Так девочка попала в Европу, где стала заниматься домашним хозяйством и одновременно учиться в женевской Интернациональной школе, а затем – в школе неподалеку от санатория в Монтани. Вернувшись домой, родители отдали ее в пансион, по окончании которого Индира поступила в знаменитый народный Университет Тагора.

Весной 1935 г. Индире Неру пришлось прервать учебу и сопровождать мать в Германию, в клинику для легочных больных. Отец в это время находился в тюрьме, куда его посадили за революционную деятельность. Выйдя из заключения, он приехал к жене, однако она вскоре умерла.

В течение шести последующих лет Индира жила и училась вдали от родины. В это время вместе с отцом она совершила незабываемые поездки по многим странам Азии, Африки и Европы. Часто девушка присутствовала при встречах Джавахарлала Неру с видными государственными и общественными деятелями разных стран. Ее кругозор быстро расширялся, она все больше начинала мыслить интернационально и представляла Индию как составную часть сложного международного механизма в тесной взаимосвязи с общими проблемами, стоящими перед всем человечеством.

Окончив учебу в престижном Сомервильском колледже Оксфордского университета, Индира решила вернуться домой, несмотря на опасность путешествия в военное время. Вместе с ней ехал и ее будущий муж, Фероз Ганди, предки которого принадлежали к общине парсов – поклонников огня. Формально союз между молодыми людьми, которые принадлежали к различным религиозным конфессиям, был невозможен. Но в марте 1942 г. свадьба все же

состоялась, благодаря заступничеству Махатмы Ганди – непререкаемого авторитета для религиозных ортодоксов и, к слову, однофамильца, а не родственника избранника Индиры.

Не успели молодожены насладиться медовым месяцем, как Джавахарлал Неру и другие руководители партии Индийский национальный конгресс были вновь арестованы. Молодые супруги продолжили их дело в подполье – они распространяли запрещенную литературу, занимались агитационной работой, выступая на митингах и постоянно рискуя жизнью.

В августе 1944 г. у Индиры родился сын – Раджив Ратна Ганди, который в будущем продолжит дело своей семьи, станет премьер-министром Индии и, подобно матери, падет от руки убийцы-фанатика. Спустя два года на свет появился второй сын – Санджай. Несмотря на свое стремление заниматься политикой, Индира была твердо убеждена в том, что основное предназначение матери – забота о детях, и стремилась совместить выполнение своего гражданского долга с домашними обязанностями.

После провозглашения независимости Индии в 1947 г. она создала и возглавила молодежную организацию по работе с беженцами, помогала отцу работать в правительстве, участвовала в избирательной кампании в парламент страны. Джавахарлал Неру не препятствовал дочери в ее стремлении к политической карьере, но и не поощрял ее действий, опасаясь обвинений в семейственности. Тем не менее в феврале 1959 г. Индира Ганди была избрана председателем Индийского национального конгресса. Так женщина впервые в истории страны оказалась на посту главы правящей партии.

Но домашние дела по-прежнему отнимали много времени. Приходилось разрываться между отцом, изнемогавшим под бременем государственных забот, и мужем, который все чаще жаловался на боли в сердце. В сентябре 1960 г. Фероз в тяжелом состоянии был доставлен в больницу и вскоре скончался. Смерть мужа потрясла Индиру. Полное физическое и нервное истощение заставило ее досрочно оставить пост председателя Конгресса и привело в больничную палату.

В мае 1964 г. ее снова постигла тяжелая утрата – внезапно умер Джавахарлал Неру. Оставшись в полном одиночестве (сыновья в это время находились в Оксфорде), Индира решила продолжить дело, начатое отцом. Заняв пост премьер-министра в конце 60-х гг., она приступила к созданию стабильной национальной экономики за счет усиления роли государства в производственной и банковской сферах, фактически взяв курс на отмену частной собственности.

Однако решению экономических проблем помешал 14-дневный военный конфликт с Пакистаном, разразившийся в конце 1971 г. в поддержку независимости республики Бангладеш, входившей ранее в состав колониальной Индии. Военные действия, экономическая помощь вновь созданному государству, а также продолжавшаяся в течение трех лет засуха поставили страну перед угрозой голода. Вся ответственность за сложившуюся ситуацию была возложена на премьера и ее сторонников.

Летом 1975 г. в стране было введено чрезвычайное положение: начались репрессии против спекулянтов, была введена цензура, ценовое регулирование и другие непопулярные меры экономического характера. В это время Индиру обвиняли в коррупции, злоупотреблении властью, неуважении к религии и традиционным устоям индийской семьи. В результате на выборах 1977 г. она проиграла.

После поражения госпожу Ганди дважды арестовывали и держали в камере вместе с уголовниками. Однако все обвинения ее противников провалились. Популярность дочери Неру стала возрастать, а ее аресты вызвали бурю протестов. После освобождения к ней опять потянулись ходоки со всей Индии.

В результате очередных всеобщих выборов, состоявшихся в 1980 г., Индира вновь стала премьер-министром страны и приступила к реализации своей экономической программы, которую ей не удалось претворить в жизнь в прошлом десятилетии. Под ее руководством

Индия вышла на международную арену, выступив с инициативой обращения к ядерным державам о запрете разработки, испытаний и развертывания оружия массового уничтожения.

В 1984 г. внутренние проблемы в стране осложнились сепаратистскими настроениями среди сикхов, населяющих штат Пенджаб. Главе правительства не раз докладывали, что сикхские экстремисты, требующие отделения от страны этого штата, накапливают оружие и боеприпасы в «Золотом храме» города Амритсар. Боевиков необходимо было разоружить и выгнать из храма как по политическим, так и по религиозным причинам.

В военном отношении эта операция оказалась успешной: экстремистов удалось выбить из храма, но в глазах общественности она потерпела неудачу. Один из биографов Ганди так описывает реакцию местного населения на штурм «Золотого храма»: «Для большинства сикхов военная акция, в результате которой храм сильно пострадал, усугублялась большим количеством человеческих жертв. Сикхские террористы поклялись отомстить. Не проходило дня, чтобы они не угрожали смертью премьер-министру, ее сыну и внукам». Главе правительства не раз предлагали убрать из личной охраны всех сикхов, но эта мера предосторожности, по-видимому, показалась ей излишней…

В историю своей страны Ганди вошла не только как первая женщина, возглавлявшая в течение нескольких лет правительство. Умный и энергичный политик, она много сделала для укрепления международного авторитета государства, ставшего одним из лидеров Движения неприсоединения к военным блокам. И сегодня имя Индиры Ганди с уважением произносится на ее родине и во всем мире.

ТЭТЧЕР МАРГАРЕТ

Полное имя – баронесса Маргарет Хильда Тэтчер

(род. в 1925 г.)

Премьер-министр Великобритании в 1979–1990 гг. Лидер Консервативной партии, министр просвещения и науки.

В 1979 г., когда она впервые стала премьер-министром, Великобритания находилась в ужасном состоянии. Самым ярким символом той эпохи были кучи мусора на улицах крупнейших городов страны, вокруг которых сновали голодные крысы. Приезжим казалось, что они попали в какую-то страну третьего мира: в некоторых крупнейших городах севера Англии уровень безысходности, бедности и убожества окружающих пейзажей был таким, что подобного нельзя было отыскать нигде в Европе. Таков был печальный финал послевоенной эпохи.

Когда страсти и эмоции после ее отставки улеглись, достижения Тэтчер на посту премьера стали очевидными. Пока еще слишком рано утверждать, что «железная леди» предот-

вратила упадок британской нации, но она, несомненно, достигла большего, чем любой другой лидер консерваторов в XX в., не считая, конечно, У. Черчилля.

Маргарет родилась 13 октября 1925 г. в старинном городе Грэнтеме, графство Линкольншир. Это был маленький тихий городок, где порядок держался на энтузиазме группы людей, к числу которых принадлежал и отец девочки, бакалейщик Элфред Робертс. Ее происхождение не было характерным для людей, занимавших посты в партии тори. Но именно отец, основные жизненные принципы которого опирались на трудолюбие, усердие и чувство гражданского долга, сыграл решающую роль в ее вознесении в политике. «Я почти всем обязана моему отцу», – признавалась впоследствии Тэтчер.

Ее мать, Беатрис Стивенсон, была портнихой. О ней говорили как о хорошей хозяйке, круг интересов которой ограничивался домом и церковью. Семья Робертс жила очень скромно – Маргарет и ее старшая сестра Мьюриел, родившаяся четырьмя годами раньше, росли почти в спартанской обстановке. Времена были тяжелые, и родители трудились не покладая рук. Это же требовалось и от дочерей. После школьных занятий и подготовки уроков они помогали родителям в бакалейной лавке.

Мэгги была очень любознательна. Трудно определить, она родилась или стала политиком. По собственному признанию будущего лидера консерваторов, она с самого раннего возраста почувствовала, что политика у нее в крови. Как бы то ни было, но уже в десять лет она принимала участие в избирательной кампании.

Когда в сентябре 1939 г. началась Вторая мировая война, Маргарет было 13 лет. В эти годы она прониклась духом патриотизма, осознав всю важность защиты родины от врага. Как отмечают биографы, война укрепила ее политические взгляды как консерватора. Когда пришло время делать выбор дальнейшего пути, девушка решила стать химиком: «Мы тогда считали, что нет таких проблем, которых не могла бы решить наука». Тем более что образование химика могло в те годы гарантировать ей работу.

Амбициозности девушке было не занимать, и осенью 1943 г. она подала заявление о приеме в Самервилл-колледж, один из старейших женских колледжей Оксфорда. Попав в среду воспитанников дорогих учебных заведений, Маргарет держалась особняком. Она трудно сходилась с людьми и терялась в обществе мужчин, что не раз вызывало насмешки ее сокурсниц. Чувство гражданского долга, привитое ей в родительском доме, пришло здесь на выручку. Участвуя в мероприятиях военного времени, она начала понемногу акклиматизироваться. Маргарет дежурила на сторожевом посту пожарной команды и работала в солдатской столовой.

Почему она хотела учиться непременно в Оксфорде? Главной причиной была близость этого учебного заведения к политике. К тому времени 13 будущих премьер-министров Англии получили образование в оксфордском Крайстчерч-колледже. В Англии издавна повелось, что попасть в ряды элиты было практически невозможно, если человек не учился в Оксфорде или Кембридже. Эти два старейших учебных заведения, известные под общим названием Оксбридж, предоставляли возможность сделать самую лучшую карьеру, особенно в политике.

Именно здесь началась активная политическая деятельность Тэтчер. Она сразу же вступила в университетскую Консервативную ассоциацию и хотела также вступить в Оксфордский союз консерваторов, однако в то время туда не принимали женщин. Ее убеждения ничуть не поколебались и после сокрушительного поражения консерваторов на послевоенных выборах.

Когда закончилась война, Маргарет прошла уже половину обучения. Было очевидно, что занятия наукой увлекают ее меньше, чем политика. Биографы Тэтчер считают, что именно в это время у нее созрело желание баллотироваться в парламент. Но сначала, в 1946 г., Маргарет была избрана президентом Консервативной ассоциации университета, что стало ее первой победой на политическом поприще.

После окончания университета девушка была принята в химическую лабораторию в Эссексе. Работала она упорно. Коллеги отмечали ее трудолюбие, однако считали хотя и не глу-

пым человеком, но мало способным к работе в этой области. Сама Маргарет, видя это, стала усиленно изучать право: «Я должна изучать право. Я нуждаюсь в этом для своей политической деятельности».

Для того чтобы стать адвокатом в маленьком городе и открыть свою контору, требовались немалые деньги, но неожиданно эта проблема оказалась решена. В 1950 г. Мэгги познакомилась с богатым бизнесменом Дэнисом Тэтчером, который был старше ее на 10 лет. Через год она вышла замуж, в 1953 г. стала матерью двух близнецов – дочери Кэрол и сына Марка, а уже через два года снова вернулась в политику.

Неожиданно партия отказалась от ее кандидатуры, заявив, что ей следует заниматься семьей, а не соваться в политику. Но Тэтчер, естественно, не собиралась сдаваться. В 50-е гг. она развернула бурную деятельность, чтобы получить «твердый» избирательный округ, который бы обеспечил ей победу. Это была очень трудная задача. В графстве Кент она потерпела несколько поражений. Члены комиссии не слишком благосклонно были настроены по отношению к матери двоих детей. Но цель все же была достигнута – в 1957 г. Тэтчер избрали кандидатом в округе Финчли. И она начала свое «восхождение в правительство».

Сначала Маргарет заняла место на скамье оппозиции в парламенте и была назначена теневым министром по вопросам жилищного строительства. С 1965 по 1969 г. она каждый год перемещалась с одного поста на другой. Уже в конце 60-х гг. Тэтчер впервые попыталась публично сформулировать свою политическую и экономическую программу, вошедшую в историю под термином «тэтчеризм». Сама она называла свою систему «народным капитализмом» и объясняла: «Я желаю каждому стать капиталистом. Я хочу, чтобы у каждого человека была собственность».

В 1975 г. Маргарет заняла пост министра образования и науки. Прежде всего она стала вести борьбу с реформами школы, начатыми лейбористами. Это не прибавило ей популярности в стране. Действия Тэтчер были настолько категоричными и жесткими, что даже часть консерваторов стала их осуждать. Пресса нападала на нее, родители писали о ее жестокости. В правительстве она находилась в изоляции, а жены министров ее недолюбливали. Рассказывают, что одна из них на завтраке в резиденции премьера демонстративно спросила: «А что, правду говорят, что госпожа Тэтчер женщина?» – имея в виду ее жесткий характер. Маргарет сделала вид, что не слышала.

На очередных выборах в парламент консерваторы потерпели поражение и перешли в оппозицию. Тогда она сумела сформировать свой теневой кабинет. Шаг за шагом Тэтчер укрепляла свою политическую платформу. За четыре года она сумела спаять партию и показать стране, что может успешно возглавить правительство Британии.

Весной 1979 г. в Англии стал назревать правительственный кризис. Лейбористы уже не имели большинства, и либеральная партия стала настаивать на выборах. Тэтчер удачно использовала это. Манифест партии перед выборами написала она сама. Обещания, данные в нем, привлекали большое внимание к партии консерваторов, а ее предвыборная речь заканчивалась словами: «Пусть эта наша земля, которую мы так страстно любим, обретет опять достоинство, величие и мир».

Тэтчер была у власти почти 12 лет. Ее политика способствовала развитию и возрождению Британии. Один из консерваторов так объяснял успехи страны в 80-е гг.: «Англия обладает двумя сокровищами: одно из них нефть, другое – Маргарет Тэтчер».

В конце 1990 г. «железная леди» покинула свой пост при драматических обстоятельствах. Она утратила контроль над своей собственной партией, несмотря на то что побеждала три раза подряд на выборах и не просто пробыла на посту дольше, чем все прочие премьер-министры в новейшей британской истории, но была первой женщиной-премьером и политиком мирового значения, чей престиж намного превышал репутацию любого другого британского лидера со времен Черчилля.

Ее высочайший авторитет базировался на двух солидных основаниях. Прежде всего фигура Тэтчер ассоциировалась с окончанием «холодной войны» и крушением деморализованного Советского Союза, но все же главная причина ее успеха заключалась в принципиальном возрождении собственной страны. Англия к 1991 г. стала богаче, и хотя в ней оставалось огромное множество недостатков, страна продемонстрировала такую способность к самовозрождению, которая удивила и самих британцев.

Покинув Даунинг-стрит, Тэтчер внешне продолжала вести присущий ей активный образ жизни. Она много путешествовала, меняла места жительства, обсуждала вопросы созданного ею фонда и своей будущей книги, решала, оставаться ли в палате общин или занять предлагаемое ей место в палате лордов. Однако ее близкие друзья были обеспокоены. Они замечали у Маргарет признаки депрессии, она была рассеянна и с трудом принимала простые решения.

Состояние шока, в котором находилась бывшая премьер-министр, впервые заметили еще в декабре 1990 г. Перенести его ей помогли муж и возвратившийся в Лондон сын Марк, который находился теперь постоянно рядом с матерью. Между тем о Тэтчер говорили как о возможном генеральном секретаре ООН или НАТО, ей хотели предложить должность президента Всемирного банка. Эти разговоры свидетельствовали об очень высоком авторитете Маргарет за границей, однако она не думала об этом всерьез.

Свободного времени у «железной леди», когда она была премьер-министром, было мало. Ее отпуск, как правило, длился не более одной недели. Она любила проводить его вдвоем с мужем в Швейцарии. В редкие часы отдыха она смотрела телевизор, читала детективные романы, играла на пианино и ходила в оперу. Маргарет всегда считала свою семью сплоченной и любящей. Дочь стала журналисткой, а сын, в одно время увлекшийся автогонками, занялся бизнесом. Сама же Тэтчер призналась однажды, что без поддержки мужа не смогла бы так долго занимать пост премьера.

В одном из интервью Маргарет Тэтчер призналась: «Я ничего не планировала заранее. Мне просто удалось воспользоваться возможностями, которые представились в жизни. Мне повезло, что я могла заниматься тем, что нравилось».

ЕЛИЗАВЕТА II

Полное имя – Елизавета Мария Александра Виндзор

(род. в 1926 г.)

Королева Великобритании и Северной Ирландии с 1952 г.

Несмотря на широкую известность британских королев и терпимость англичан к дамам у кормила власти, женщина на престоле Вильгельма Завоевателя – это все же скорее исключение, чем правило. Из 40 монархов, правивших после Нормандского завоевания Англии 1066 г., лишь пять были женщинами. Тем не менее последние 50 лет английская корона принадлежит все-таки женщине – «Божьей милостью Королеве Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и других ее Царств и Территорий, Главе Содружества, Защитнице Веры, Самодержице Орденов Рыцарства». Именно так звучит ее полный титул.

Принцесса Елизавета родилась 21 апреля 1926 г. в Лондоне в резиденции герцога Йоркского Альберта и его жены Элизабет. На следующий день фотографии новорожденной красовались на первых полосах всех крупных газет, которые единодушно предсказывали: чтобы

сделаться королевой, ей придется выйти замуж за какого-нибудь иноземного монарха. И действительно, у Елизаветы практически не было шансов стать королевой у себя на родине. У ее деда, Георга V, кроме ее отца было еще трое сыновей. Таким образом Елизавету – да и то весьма условно – можно было считать лишь пятой в очереди к престолу. Однако газетчики оказались плохими пророками.

Первое появление Елизаветы на публике произошло на балконе Букингемского дворца. Принцессе тогда был год и два месяца. В 2,5 года она начала учиться верховой езде – на пони, полученном в подарок к Рождеству. И вообще, детство Лилибет, как ее тогда ласково называли домашние, проходило в атмосфере нежности и заботы. Ее одевали исключительно в солнечно-желтые наряды.

Гувернанткой девочки стала молодая выпускница Эдинбургского университета мисс Марион Кроуфорд. Свои обязанности она понимала шире, чем ее наставлял Георг V, заявивший, что будет достаточно, если она выучит его внучку приличному письму. Библия, поэзия, тренировка памяти, самодисциплина – все это имело не меньшее значение, нежели учебные предметы. Родители считали первостепенным для дочери выработку характера, исходя из того, что стабильность натуры существеннее ореола короны. В это время принцесса увлеклась верховой ездой, и она до сих пор остается ее хобби – каждый год королева верхом на лошади принимает парад в честь дня своего рождения.

Очень скоро стало понятно, что у Лилибет совсем не ангельский характер. Когда учительница французского языка сделала ей замечание, она в знак протеста облила свою золотистую кудрявую головку чернилами. Требовательному учителю географии принцесса один раз устроила форменную забастовку и наотрез отказалась продолжать занятия, пока ей не поменяли преподавателя. Даже своих собак породы корги она воспитывала далеко не дуровскими методами, а потому они были прекрасно выдрессированы и знали, кто в доме хозяин.

Тем временем британскую монархию как будто сглазили. За один только 1936 г. в благополучной и стабильной Англии сменилось три короля. Вначале умер любимый дедушка Лилибет – Георг V. Несколько месяцев пробыл на британском троне Эдуард VIII: еще не почувствовав тяжести короны, он отрекся от престола. На трон взошел отец Елизаветы, известный теперь как король Георг VI. По правилам престолонаследия его преемником полагалось быть младшим братьям, но герцог Кентский погиб в авиакатастрофе, а герцог Глостерский отказался от своих прав на корону. Стало ясно, что после Георга VI трон унаследует его старшая дочь.

Подростковые годы Лилибет прошли в период Второй мировой войны. Подобно многим лондонским детям, она провела большую часть войны в сельской местности, чтобы избежать ночных бомбежек. На уговоры Черчилля эвакуироваться королева-мать ответила: «Дети не могут ехать без меня, я не могу оставить короля, а Его Величество никогда никуда не уедет». Георг VI был намерен оставаться на родине для участия в движении Сопротивления, в случае если Англия будет оккупирована фашистами. К концу войны Елизавета стала младшим офицером в армии и познала некоролевскую работу армейского водителя и механика.

Еще в 13-летнем возрасте, накануне войны, Лилибет повстречалась с принцем Филиппом, кадетом Дортмутского военно-морского училища. Через 7 лет принц, теперь уже бывалый морской офицер, участвовавший в военных сражениях, стал ее мужем. После свадьбы супругам были присвоены титулы герцогиня и герцог Эдинбургские, а наследница престола познала радость материнства: в ноябре 1948 г. на свет появился принц Чарльз, затем родились принцесса Анна и принц Эндрю. Значительно позднее Елизавета родила принца Эдварда.

Еще раньше, к совершеннолетию Лилибет, Георг VI попросил парламент дополнить Акт о престолонаследии и произвести принцессу в государственные советники, чтобы она могла приобрести необходимый опыт. Елизавета получила этот пост и начала понемногу приобщаться к деятельности монарха. К моменту смерти отца 6 февраля 1952 г. от рака легкого она уже была достаточно искушена в королевских обязанностях.

Британцы были подготовлены к правлению 26-летней привлекательной наследницы уважаемого суверена, а Елизавета соответствовала своему статусу. Такие ее качества, как умение работать и учиться, делали ее с каждым годом мудрее и компетентнее. Одна из придворных дам отмечала: «Елизавета обладает железной волей, дисциплинированностью и любит порядок. Она избегает проявления эмоций и держит свои чувства под жестким контролем. Иногда вы увидите мускулы, двигающиеся на ее щеках, но не более того. Елизавета полностью идентифицировала себя с ролью королевы».

Коронация состоялась 2 июня 1953 г. Уже за три недели до назначенной церемонии Елизавета, которую все еще называли Лилибет, надела корону и практически не снимала ее даже во время завтрака, прогулок по парку и чтения. Дело в том, что британская корона, сделанная из золота и украшенная 275 драгоценными камнями, весит 3 кг, и к ней требовалось приноровиться. Говорили, что без короны в этой симпатичной женщине не было бы ничего королевского. Если бы, мол, кому-нибудь довелось встретить ее на станции метро в юбке-шотландке и туфлях на низком каблуке – никто не узнал бы в ней своего монарха.

Коронация Елизаветы II была самой демократичной в истории Британии. Лилибет согласилась на телевизионную трансляцию торжества, причем вопреки мнению всех ее советников. Она аргументировала это так: «Люди должны видеть меня, чтобы верить мне». Когда взволнованная охрана сказала, что королева подвергает себя опасности, подпуская толпу слишком близко к месту церемонии, она решительно возразила: «Опасность – часть моей работы». В тот день в рапорте лондонской полиции отмечалось необычайно низкое число карманных краж, хотя улицы были полны народа. Сам Черчилль заявил, что восшествие на престол Елизаветы II было актом национального объединения.

Корону англичане уважают исторически, но за что же ценят именно Елизавету II? Газета «Санди тайме» провела широкомасштабный опрос населения, и вот какие наиболее популярные ответы были получены: королева необходима для процветания страны; королева много и плодотворно работает на благо Англии; королева очень умна. Опрос, проведенный перед золотым юбилеем царствования Елизаветы II, показал, что более 80 % британцев считают монархию подходящим строем для их страны, а более 60 % хотят, чтобы Елизавета II до конца своих дней оставалась на троне.

Королеву именуют «великой труженицей». Никто из британских монархов так часто не бывал за пределами своей страны, совершая протокольные турне, как Елизавета II, причем обычно ее сопровождает супруг принц-консорт Филипп. Во время одной из таких поездок ей было предложено отправиться в глубь страны, чтобы посмотреть живописный ландшафт. Ответ королевы был краток: «Я приехала встречаться с людьми!»

Елизавета II как официальное лицо открывает парламентские сессии. Она получает и анализирует отчеты о заседаниях обеих палат парламента. Королева является верховным главнокомандующим Вооруженными силами и главой Англиканской церкви. Елизавета II жалует дворянские титулы, вручает высокие награды и ордена. Ряд государственных бумаг должна подписывать именно королева, и надо сказать, она никогда не ставит подпись под документом, с которым не согласна или в котором не разобралась. Она присутствует на открытии памятников и больниц, является непременным участником спуска на воду крупных военных кораблей. Еженедельно, по вторникам в 18.30, встречается с премьер-министром страны, причем их беседы всегда строго конфиденциальны.

Каждый день в Букингемский дворец приходят сотни писем, адресованных лично Мадам. По традиции их приносят королеве в нераспечатанном виде, и она наугад выбирает несколько, на которые отвечает собственноручно. Считается, что семья, получившая ответное послание монарха, благословенна до третьего колена.

Говорят, что Елизавета II – одна из самых богатых женщин мира. На начало 90-х гг. личное состояние королевы оценивалось почти в 7 млрд фунтов стерлингов, и скорее всего, данная

сумма значительно приуменьшена. По официальным данным, более 80 % расходов королевы и ее семьи на путешествия и содержание дворцов берут на себя соответствующие министерства Великобритании. Королеве принадлежит более 180 тыс. акров земли в Англии, более 85 тыс. акров в Шотландии, а кроме того, очень дорогие земли в Лондоне, такие, как Риджентс-парк, Пикадилли, Холборн, Кенсингтон и другие, большая часть доходов от которых идет в госбюджет. Она также владеет несколькими старинными замками и роскошной коллекцией произведений искусства. Недавно была опубликована любопытная информация: оказывается, содержание монархии обходится каждому британцу всего в 58 пенсов в год.

За последние годы на долю венценосной семьи выпало немало серьезных испытаний. Особенно тяжелым выдался 1992 г., получивший от королевы название «ужасный год». Именно тогда разгорелся скандал с разводом принца Чарльза и леди Дианы, нанесший серьезный удар по имиджу монархии «туманного Альбиона», а также произошел сильный пожар в Виндзорском замке. Многие граждане страны убеждены, что лишь благодаря спокойной и твердой, хотя и несколько запоздалой, реакции Елизаветы II на эти и последующие события британская монархия смогла сохранить свой престиж и влияние в обществе на должном уровне.

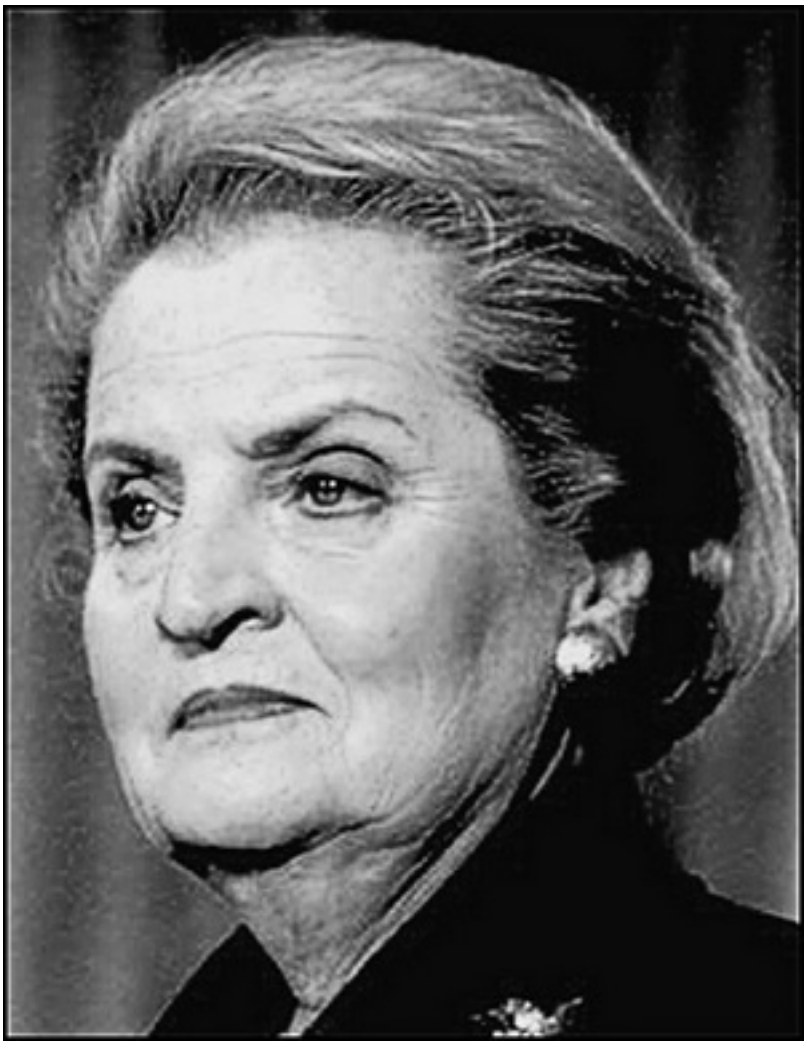
Нелегким для королевы был также и 2002 г., год ее юбилея, когда вначале она потеряла принцессу Маргарет, свою младшую сестру, а затем королеву-мать. Некоторые аналитики считают, что эти печальные события лишь усилили любовь британцев к королеве, которая, несмотря на все перенесенные испытания, поклялась не покидать трон и продолжать трудиться на благо своих подданных.

Однажды герцога Эдинбургского во время визита в США не очень тактично спросили, когда принц Чарльз наследует трон. Герцог ответил в том же духе: «Вы спрашиваете, когда королева Елизавета предполагает умереть?» Ему возразили: «Ну почему умереть? Она ведь может уйти на пенсию?» На такой нелепый вопрос один из членов парламента от консервативной партии заметил: «Мы обезглавливали монархов, свергали их, но никогда не отправляли на пенсию».

ОЛБРАЙТ МАДЛЕН

Полное имя – Мадлен Кербел Олбрайт

(род. в 1937 г.)



Первая в истории Соединенных Штатов Америки женщина-госсекретарь.

В начале 1998 г. она должна была посетить Хельсинки и очень боялась встретиться там со своим бывшим мужем. В тот момент Джо работал в Москве обозревателем, и Мадлен предполагала, что он будет освещать ее визит. Тогда кто-то из друзей сказал: «Что ты волнуешься?! В конце концов, кто стал госсекретарем США – он или ты?»

В детстве мадам Олбрайт звали Мадленка Кербелова. Она родилась в Праге 15 мая 1937 г. в семье чешского дипломата Йозефа Кербела. Дважды ее родители были вынуждены бежать из Чехословакии. В первый раз – в Лондон, когда нацисты захватили страну в 1938 г., а потом в Соединенные Штаты, когда коммунисты пришли к власти 10 лет спустя. Частые пере-

езды имели свои плюсы: с тех пор Мадлен в совершенстве владеет чешским, английским и французским языками.

В Штатах отец отдал ее в Кентскую школу для девочек, самую лучшую частную школу в Колорадо. Но не потому, что семья была хорошо обеспечена и могла себе это позволить. Просто за хорошую учебу Мадленка удостоилась именной стипендии. По воспоминаниям одноклассниц, в ней не было ничего особенного – она отлично училась и славилась прилежанием. И всегда знала, чего хочет в жизни.

С Джо Олбрайтом Мадлен познакомилась летом 1957 г., после окончания второго курса престижного женского колледжа Уэлсли. Поначалу ему не на что было надеяться. Девушка, которая у него на глазах сменила одного блистательного поклонника на другого, относилась к Джо по-приятельски. Ее не особо интересовало, кто он, из какой семьи. А ее мать, не подозревавшая, что новый ухажер богат, настаивала, чтобы дочка не разрешала ему за себя платить. Так что в ресторане студенты платили каждый за себя.

Джо обожал свою подружку и даже дипломную работу снабдил посвящением: «Мадлен, с которой…» В том же году он сделал девушке предложение. Тут и выяснилось, что парень из богатой семьи – его дед по материнской линии был газетным магнатом. До самого своего развода Олбрайт говорила подружкам, что она, как Золушка, вышла замуж за принца. Родители Джо разделяли это мнение: предстоящий брак казался им мезальянсом.

Свадьба состоялась в июне 1959 г., через три дня после вручения выпускницам Уэлсли дипломов. Вскоре в семье родились близнецы, Энн и Элис. Девочки появились на свет недоношенными и нуждались в искусственной вентиляции легких. Они были так слабы, что матери в первое время даже не разрешали к ним прикасаться. Простого «женского счастья» ей было мало. Бездеятельность ее угнетала: «Я читала, смотрела “мыльные оперы”, кормила малышек, ходила с ними гулять и думала: “Я должна что-то делать! Иначе я просто сойду с ума”».

Чтобы чем-то себя занять, она поступила на курсы русского языка, который давно мечтала выучить. В 1966 г. Олбрайт снова забеременела. Беременность проходила с осложнениями. К тому же когда Мадлен была на первых месяцах, старшие дочки перенесли корь. Несмотря на инъекции гамма-глобулина, ребенок родился мертвым. Утешение пришло только в 1967 г., когда родилась младшая дочь, Кэтрин.

Тогда же Мадлен окончила аспирантуру и получила степень магистра политологии за работу «Советская дипломатия: профиль элиты». Она продолжала работать над докторской диссертацией, в полной уверенности, «что у женщины должен быть выбор», очевидно, имея в виду выбор между семейными проблемами и карьерой.

Карьера Олбрайт началась с того, что она вошла в попечительский совет школы, где учились ее двойняшки. Энергичная и образованная, она особенно преуспела в поисках спонсоров. Один из друзей дома, пораженный работоспособностью Мадлен, пригласил ее добровольной помощницей для кампании по сбору средств в поддержку Эдмунда Маски – сенатор решил в 1972 г. баллотироваться в президенты. Маски суждено было остаться на посту сенатора от штата Мэн, президентом он так и не стал. Зато через три года он пригласил Олбрайт в свою команду главным юридическим советником по внешней и оборонной политике.

Мадлен хорошо ладила с коллегами, большинство из которых составляли мужчины. Она не пыталась с ними соревноваться, а скорее была готова уступать. Вела себя очень по-женски, от души смеялась их шуткам, всегда была веселой и дружелюбной, сразу располагала к себе.

Когда в 1976 г. президентом США стал демократ Джимми Картер, ее пригласили на работу в Белый дом. Дело в том, что советником по национальной безопасности был назначен Збигнев Бжезинский, преподаватель Колумбийского университета, у которого в свое время училась Мадлен. Едва получив назначение, Бжезинский тут же предложил своей бывшей студентке, которую очень ценил, должность референта по связям с конгрессом.

В январе 1982 г. ей пришлось провести некоторое время в психиатрической клинике – так Мадлен отреагировала на то, что муж ушел из дома. При разводе ей досталась значительная часть фамильного состояния Олбрайтов, дом в пригороде Вашингтона, а также ферма в штате Вирджиния. Знакомые поговаривали, что, дескать, Джо всегда был бабником и еще в студенческие годы заглядывался на ее подружек. Но большинство сошлось на том, что он разочаровался в браке: когда у него дела шли неважно, Мадлен, не обращая на это внимания, принялась делать собственную карьеру. А не каждый муж согласится терпеть, когда его жена допоздна засиживается на работе.

Эту же версию выбрала для себя и Мадлен. Свою обиду на мужа она и не пыталась скрыть. И часто говорила друзьям, что Джо завидовал ее успеху, не мог смириться с тем, что живет рядом с сильной женщиной. Впрочем, друзья семьи были уверены: вплоть до назначения представителем США при ООН она готова была бросить все, если бы муж согласился вернуться. Но ей пришлось выбрать карьеру.

После развода Олбрайт всерьез задумалась о будущем. Наука, с ее точки зрения, была надежнее, чем политика, и она выбрала преподавательскую работу. Тем более что она уже защитила докторскую диссертацию, была научным сотрудником в вашингтонском Международном центре поддержки ученых Вудро Вильсона и писала работу о роли прессы в становлении движения «Солидарность» в Польше, одновременно изучая польский язык. В 1983 г. она стала преподавателем сравнительной политологии на факультете дипломатической службы при Джорджтаунском университете.

Вскоре у Мадлен появился друг – Барри Картер, преподаватель юридического факультета, в прошлом влиятельный правительственный чиновник. Он всерьез взялся ухаживать за ней и подружился с ее дочками. Ради Картера она начала бороться с собственной полнотой и плавать в бассейне. Счастье длилось недолго: Барри хотелось иметь собственных детей, а Мадлен не была к этому готова. Но теперь госпожа Олбрайт хорошо знала, как бороться с сердечными недугами, – трудотерапия и на этот раз не подвела.

Вскоре она возглавила Центр национальной политики и привлекла в правление организации толстосумов, которые принесли с собой деньги. Ее связи невероятно расширились. И в 1988 г. Майкл Дукакис, кандидат в президенты от Демократической партии, предложил Олбрайт стать его основным советником по международным делам. Однажды, чтобы подготовить Дукакиса к теледебатам, в Вашингтон пригласили губернатора штата Арканзас Билла Клинтона, с которым у Мадлен установились дружеские отношения.

По ее рекомендации Клинтон смог попасть в одну влиятельную американскую общественную организацию и, став президентом, не забыл, кто оказал ему эту услугу. Кроме того, говорили, что Мадлен просто очень нравилась Биллу. Заняв Овальный кабинет, он предложил своей подруге место представителя США при ООН. Прилетев в Нью-Йорк, Мадлен поняла, как изменилась ее жизнь. Она, столько лет проработавшая в Белом доме рядовым сотрудником, теперь стала членом президентской команды.

В декабре 1997 г. Клинтон объявил о назначении Олбрайт госсекретарем США. Сенат проголосовал единогласно, и 23 января следующего года она приняла присягу. Некоторые аналитики критиковали выбор кандидатуры Мадлен, называя ее «подарком на память», «подружкой Хиллари», «безрассудной и взбалмошной дамой». А группы феминисток типа «Национальной организации для женщин» пробовали списать шумиху вокруг ее назначения на свой счет, называя выбор президента «призом по женскому футболу», а не признанием таланта Олбрайт.

Тем временем элитарное политическое сообщество Вашингтона повернулось к ней спиной, возражая во всем, внимательно следя за реакцией и проверяя ее на прочность. Мадлен завоевала их симпатии, будучи новичком и еще недавно аутсайдером в «очень большой политике», и скоро сама стала фигурой не просто легендарной или весомой (а она действительно

немало весит!), но и исторической. Она перестала скрывать свое еврейское происхождение – и ее за это зауважали еще больше: «маленький, подвижный, берущий любые преграды бронетранспортер по имени Мадлен Олбрайт».

После ухода в отставку с поста госсекретаря США в январе 2001 г. Мадлен не осталась за бортом большой политики. Она возглавила негосударственный Национальный демократический институт и в этом качестве весьма удобна для нынешней республиканской администрации. Как ее неофициальный представитель, Олбрайт продолжает разъезжать по миру, встречаясь и давая «ценные указания» политическим руководителям тех стран, которые входят в сферу национальных интересов Америки.

Кроме того, Мадлен решила написать мемуары. Большую часть книги она посвятит восьми годам, в течение которых работала в администрации Клинтона, а также расскажет о своем детстве и юности, о своих близких и отношениях с ними. Правда, публике вряд ли стоит ждать от Олбрайт сенсационных разоблачений – она все еще числится в «номенклатурной обойме» госдепартамента США и не будет прибегать к дешевым трюкам для поддержания собственной популярности.

МАРГРЕТЕ II

Полное имя – Маргрете Александрина Торхильдур Ингрид

(род. в 1940 г.)

Королева Дании с 1972 г.

В некоторых странах по случаю дня рождения главы государства вывешивают национальные флаги на официальных зданиях, но вот чтобы на частных домах – это вряд ли. А в Дании это делают. И без какого-либо принуждения. Так случается каждый год 16 апреля, когда вся страна отмечает день рождения своей королевы Маргрете II.

Популярности королевских семей во многом способствует процесс европейской интеграции. Исчезают границы, приказали долго жить государственные валюты, которые заменило евро. Люди боятся утратить свои национальные особенности. И монархи видятся им чуть ли не единственным спасением в этой ситуации. Поэтому королева Дании, отправляясь на официальную встречу, всегда надевает старинный народный костюм – это льстит чувствам и гордости ее подданных.

После кончины знаменитой Маргрете I, объединившей под своими знаменами Данию, Норвегию и Швецию, женщины в государственных делах если и были как-то значимы, то только находясь в тени коронованных мужчин. Ибо на протяжении почти 600 лет только они могли являться законными наследниками датского трона. Лишь в 1953 г. граждане королевства обеспечили передачу династических прав также и по женской линии, проголосовав на референдуме за изменение в конституции. И уже через 19 лет на престол взошла Маргрете II из династии Глюксбургов.

Маргрете, дочь кронпринца Фредерика и кронпринцессы Ингрид, родилась в Копенгагене 16 апреля 1940 г., ровно через неделю после того, как фашистская Германия оккупировала ее страну. У королевства Дании не было сил сопротивляться, потому оно и сдалось практически без боя. Малышка сразу стала любимицей своих соотечественников, поскольку рождение ребенка в семье наследника престола, когда страна была под пятой оккупантов, стало символом надежды всех датчан на возрождение.

Несмотря на то что Маргрете определили в обычную среднюю школу для девочек, домашние преподаватели восполняли огрехи всеобщего образования, исходя из установки ее родителей: «Дания заслуживает высокообразованного, интеллигентного монарха». После школы последовали годы обучения в университетах Копенгагена, Орхуса, Кембриджа, Парижа и Лондона. Современная королева должна разбираться в экономике, политологии, истории…

Историю Маргрете предпочла изучать не в тиши библиотек, а под палящим солнцем Египта и Судана. В раскопках неподалеку от Рима кронпринцесса работала со своим дедом по материнской линии – шведским королем Густавом VI Адольфом. Он стал первым щедрым на комплименты критиком рисунков внучки, а рисовала она, по ее собственным словам, «сколько себя помнит».

С 1958 по 1964 г. Маргрете объездила пять континентов, преодолев расстояние 140 тыс. км. Однажды в Лондоне она повстречала секретаря французского посольства, блестящего офицера Анри Жана Мари Андре, графа де Лаборд де Монпеза. Через несколько лет, 10 июня 1967 г. кронпринцесса с согласия датского парламента вышла замуж за бывшего французского дипломата. После свадьбы граф де Монпеза получил титул принца и датское имя Хенрик. В следующем году у супругов родился первый сын – кронпринц Фредерик, а в 1969 г. – второй – принц Иоахим.

Маргрете взошла на престол 14 января 1972 г. в возрасте 31 года после смерти 74-летнего отца. В то утро премьер-министр Краг вывел на балкон дворца Кристиансборг молодую женщину в черном платье и объявил смолкнувшей площади: «Король Фредерик IX умер. Да здравствует Королева Маргрете II!» С тех пор она продолжает традиции одной из самых древних европейских монархий, основателями которой в середине X в. были конунг Горм и его жена Тура. С того далекого времени 1000-летняя датская монархия ни разу не переживала превратностей народного гнева в виде всевозможных революций.

Девиз королевы: «Божья помощь, любовь народа, процветание Дании». Не раз она отмечала, что пытается исполнять обязанности главы государства «с горячим сердцем». За это ее и любят, хотя она абсолютно далека от политики. Некоторые, правда, считают, что у королевы есть единственный недостаток – она заядлая курильщица. По этому поводу датчане даже препирались недавно с соседями-шведами. Ведущий стокгольмского телевидения Хагге Гейгерт, например, заявил, что национальному символу не пристало публично курить. В ответ датский писатель Эббе Рейх напомнил, что король Швеции тоже курит, но втихую. А вечерняя газета «Б.Т.» добавила, что делает он это, «как школьник в туалете».

Завоевать симпатии подданных королеве помогли и ее несомненные творческие способности. Вместе со своим супругом она перевела на датский язык несколько романов французской писательницы Симоны де Бовуар. По ее словам, перевод сложного психологического романа «Все люди смертны» помог им «скоротать долгие зимние вечера в королевском

дворце». Критики высоко оценили мастерство переводчика Х. М. Вейерберга, под именем которого до поры до времени скрывалась венценосная чета.

Но больше всего Маргрете II известна как художник: под псевдонимом Ингахильд Гратмер она проиллюстрировала несколько книг. Кроме того, королева выполнила 70 рисунков для датского издания трилогии Дж. Р. Толкиена «Властелин колец», оформляла телеспектакли, балеты, религиозные празднества, а также придумала «рождественские марки», которые датчане наклеивают в придачу к обычным на конверты с новогодними поздравлениями.

Помимо достаточно активной официальной представительской деятельности как главы Дании, Маргрете II энергично занимается культурно-просветительской и благотворительной сферой. Она заметная величина в гуманитарной области не только в своей стране, но и в рамках Северного региона в целом. Королева получает от государства 6,75 млн долларов в год. Эти деньги идут на содержание королевской семьи, весьма скромное состояние которой – 15 млн долларов – помещено в ценные бумаги.

В ходе одного из опросов общественного мнения большинство датчан признали, что монархия в нынешнем ее виде служит гарантом демократии в стране. И дело не только в том, что королевский дом – это прямая связь с историей, на прочных корнях которой произрастает национальная гордость. Сама королева играет здесь ведущую роль. Ее тронные речи и обращения к народу отнюдь не всегда заставляют радостно трепетать сердца. Нередко звучат в них упреки по отношению к тем, кто, упиваясь собственным благополучием, забывает о страждущих соотечественниках. Не обходит она вниманием и негативное отношение к иностранным рабочим в стране. Объектом ее критики может стать даже правительство.

Масштаб и обаяние личности Маргрете II способствовали тому, что и сейчас престиж короны в Дании весьма высок, особенно по сравнению с королевскими дворами своих больших и малых соседей, сотрясаемых разного рода скандалами и сенсациями из разряда светской хроники. В 2002 г. вся Дания широко и торжественно отмечала 30-летие царствования продолжательницы Глюксбургской династии, тесно связанной в прошлом с домом Романовых.

В середине июня 2003 г. Маргрете II намерена посетить Россию с государственным визитом и принять участие в мероприятиях по случаю празднования 300-летия Санкт-Петербурга. Этот визит связан с исторической и благородной миссией умиротворения. Недавно из Москвы в Копенгаген поступило официальное предложение о перезахоронении в императорской усыпальнице Петропавловского собора в Санкт-Петербурге останков датской принцессы Дагмар – матери Николая II, императрицы Марии Федоровны. Она вступила на престол вместе с мужем Александром III в 1881 г., после того как провела 15 лет в России в качестве великой княгини. После революции Мария Федоровна возвратилась в Данию, где и почила в 1928 г., а ее останки покоятся в королевской усыпальнице в соборе в Роскилле. В завещании она попросила похоронить ее в России, когда «наступят подходящие времена». Видимо, эта пора наступила.

Бунтарки и подвижницы

МОРОЗОВА ФЕОДОСИЯ ПРОКОПЬЕВНА

(род. в 1632 г. – ум. в 1675 г.)

Русская боярыня-староверка, ставшая символом раскольнического движения.

«Лепота лица твоего сияла, яко древле во Израили святые вдовы Июдифы, победившия Навходоносорова князя Олеферна… Глаголы же уст твоих, яко камение драгое, удивительны перед Богом и человеки бываху. Персты же рук твоих тонкокостны и действенны… Очи же твои молниеносны, держатся от суеты мира, токмо на нищия и убогия призирают». Вот уже который раз вчитывался в старинный текст В. И. Суриков. Это был психологически тонкий литературный портрет боярыни Морозовой, созданный протопопом Аввакумом. Картина о временах церковного раскола полностью готова. Нет только лица мученицы за веру. Художник чувствовал, что лик ее должен обладать такой мощью, чтобы не затеряться в толпе зевак – сочувствующих, безразличных, ненавидящих. Неистовость духа и отречение от всего земного

нашел Суриков в профиле молодой монастырской начетчицы. Так никому не ведомый образ боярыни приобрел конкретную внешность. Упорство веры, жестокий удел мученичества превратил лицо молодой женщины в горящий лик фанатички-старухи. Глаза пламенеют, как угли, рука двуперстным крестом то ли осеняет, то ли проклинает толпу, и сама она – словно «черная ворона на снегу». Так, благодаря живописи, боярыня Морозова, память о которой в народе перешагнула века, получила памятник, достойный ее преданности вере.

Происходила Феодосия из знатного рода Соковниковых. Жила в холе и достатке. Была хороша собой, так что в девках не засиделась. В 17 лет ее отдали замуж за богатого бездетного вдовца Глеба Ивановича Морозова, чей род по знатности не уступал царскому. Его брат, Борис Морозов, был воспитателем, свояком и ближайшим советником царя, да и Глеб занимал видное место при дворе. А сама молодая боярыня Феодосия Прокопьевна дружила с царицей Марьей Ильиничной из рода Милославских.

Юную Феодосию не спрашивали, люб ли ей 50-летний муж. Дочерью и женой она была послушной. Не минуло года, как родился сын Иван. Жизнь текла размеренно. Какие могут быть заботы у боярыни, в чьих хоромах суетится 300 человек челяди? Мамки-няньки над дитятком хлопочут. Богатство в дом, заботами мужа, льется рекой. Сундуки забиты дорогими нарядами и украшениями. А пожелает боярыня из дому выехать – запрягут в карету, украшенную серебром и мозаикой, шестерку, а то и двенадцать лошадей, и вслед побежит сотня, а при парадном выезде и триста слуг и рабов. Живи, ни о чем не задумываясь.

В 30 лет Феодосия Прокопьевна осталась вдовой. Неформальную опеку над ней и малолетним племянником взял Борис Морозов. Человек он был степенный, женатый вторым браком на сестре царя Анне, и бездетный. Боярин любил вести беседы со своей умной и начитанной для женщин того времени снохой. Время было тревожное, ждали конца мира и Страшного суда. Борис Морозов величал Феодосию «другом духовным, радостью задушевной», а после долгих бесед признавался: «Насладился я паче меда и сота словес твоих душевнополезных». Какие темы затрагивали они, неизвестно, но, по-видимому, боярыня обладала смелостью суждений и глубиной мысли.

Борис Морозов умер бездетным, оставив все имущество своей вдове и единственному племяннику. Морозова теперь не только по знатности, но и по богатству стала ровней царю. Какое было дело боярыне при таком достатке до религиозных споров патриарха Никона и подвластной ему господствующей церкви с протопопом-раскольником Аввакумом, поборником «истинной» веры? До 1664 г. нет никаких явных свидетельств о приверженности Морозовой к старообрядчеству. Есть только предположение, что была неравнодушна одинокая женщина к статному, красивому, независимому Никону. И пошла против «никонианской» церкви из-за оскорбительного пренебрежения патриарха к ее чувствам. И тут-то в мятущуюся душу Морозовой ворвались страстные обличительные речи протопопа Аввакума.

Еще в 1640-х гг. оба служителя церкви принадлежали к кружку ревнителей благочестия и пытались повысить авторитет официальной церкви, поднять грамотность духовенства, исправить ошибки, вкравшиеся в богослужебные книги по вине переписчиков, и сделать церковную службу понятной прихожанам. Только Никон, снискав царское расположение, стал патриархом и властно и единолично крушил старинные обычаи и обряды. Но своим стяжательством он вызвал ненависть придворных и недовольство в народе, для которого старая вера была добрей, чем «латинская». Так началось на Руси движение, известное под названием раскола, или старообрядчества.

Аввакум стал предводителем раскольников, обвиняя поддавшихся Никону еретиков. Мол, книги церковные переписываются на греческий манер, вместо привычного «Исус» пишется «Иисус», «аллилуйя» нужно петь по-старому дважды, как и креститься двумя перстами, а не «щепотью».

Морозова часто встречала гневного старообрядца в доме своего двоюродного брата Ф. М. Ртищева. Слушала его речи, в которых он, ссылаясь на пример Христа, призывал создавать общины, где все – от бояр до нищих – будут равны. Он писал Морозовой: «Аки ты нас тем лутчи, что боярыня? Да единако нам Бог распрстре небо, еще же луна и солнце всем сияет равно, такожде земля, и воды, и всяпрозябающая по велению владычню служат тебе не болше, и мне не менши». Проповеди Аввакума были столь убедительны, что боярыня поддалась им, а следом и сестра ее, княгиня Е. П. Урусова. Они стали яростными, восторженными приверженками его учения.

Аввакум поселился в доме Морозовой и здесь же проповедовал. Боярыня как женщина не могла решать никаких церковных споров, но открыла сердце благочестию и благотворительности. Двери своего богатого дома и закрома она распахнула не только для раскольников. Всем гонимым и отверженным, убогим и юродивым находилась одежда, милостыня и еда. Она выкупала приговоренных к публичной казни за неуплату долгов, помогала страждущим в богадельнях и темницах.

Поступками и речами Морозова вызывала осуждение в своем кругу. За ней установили надзор и доносили царю, что боярыня «святую церковь непристойными словами поносит, и не покоряется, и святых тайн по новоисправленным служебникам которыя священники служат – от них не причащается, и хулы страшные исносит…». На какое-то время царская угроза отобрать у нее лучшие вотчины заставила Морозову ослабить рвение. Но «крепкие» увещевания Аввакума, а затем отлучение по решению собора 1666–1667 гг. всех раскольников от церкви и ссылка единомышленников в Пустоозерск заставили боярыню вновь стать на путь истинного благочестия. Теперь она осознанно сделала выбор между богатством и знатностью, душой и верой.

Аввакум слал из ссылки письма с увещеваниями и поучениями. Тексты пестрели ласковыми словами: «свет мой», «друг мой сердечный», «ластовица моя сладкоглаголивая», «голубка», «ангелам собеседница». Но узнав, что боярыня сошлась и согрешила с юродивым Федором, разгневался как на жену: «Я веть знаю, что меж вами с Федором зделалось. Делала по своему хотению. Да Пресвятая богородица союз тот злой расторгла и разлучила вас окаянных… поганую вашу любовь разорвала. Глупая, безумная, безобразная! Выколи глазища свои. Зделай шапку, чтоб и рожу ты всю закрыла…»

Больше о суете мирской Морозова не помышляла и в 1670 г. под именем Феодоры тайно постриглась в монахини. Она твердо вознамерилась стоять за веру, удалилась от хозяйских дел в своих многочисленных вотчинах и перестала появляться во дворце. Тем временем гонения на раскольников усилились: их вешали, резали языки, рубили руки. Царь долго терпел непокорство Морозовой. Может, в память об умершей жене, чьей лучшей подругой она была, может, надеялся, что блажь бабья пройдет. «Огненная ярость» Алексея Михайловича обрушилась на боярыню за открытое неповиновение царской воле. В январе 1671 г. Феодосия Прокопьевна наотрез отказалась присутствовать на венчании царя с молодой красавицей Натальей Кирилловной Нарышкиной, будущей матерью Петра I. А ведь Морозова в числе первых боярынь должна была «титлу цареву говорить», благоверным его назвать, руку целовать и вместе со всеми принять благословение архиерея по новому обычаю. Государь, прозванный Тишайшим, не простил открытого бунта. Он несколько раз посылал бояр с приказом покориться его воле, но Морозова не отступила. С тех пор для тысяч старообрядцев она стала символом раскольнического движения.

В ночь на 16 ноября 1671 г. архимандрит Чудова монастыря в Кремле Иоаким и дьякон Ларион объявили непокорной царский указ: «Полно же тебе быть на высоте! Сниди долу! Встав, иди отсюду!» Это «иди» означало лишения всех прав и свободы. Вместе с сестрой, княгиней Е. П. Урусовой, и женой стрелецкого полковника, М.Г. Даниловой, боярыню Морозову под стражей доставили в Чудов монастырь. Здесь ей заковали ноги, руки, шею в «железа кон-

ские», а затем на обычных санях, как простолюдинку, повезли через всю Москву на потеху зевакам в далекий Печерский монастырь. Но прежде боярыне прошлось вытерпеть смертные муки и унижения, как и ее единомышленницам. Она висела на дыбе с вывернутыми руками, замерзала обнаженная в снегу, была бита плетьми. Все стерпела – не отступила.

Церковники требовали для Морозовой костра, но воспротивились бояре. Они просили милости для Феодосии Прокопьевны в память о верной службе Глеба и Бориса Морозовых. И царь явил свою «милость». Публичную казнь, которая могла возвысить мученицу и придать ей ореол святости, он заменил земляным острогом в Боровске. Охрана, подкупленная единоверцами, особой жестокости не проявляла. Узницы получали письма, одежду, еду. В этой яме Морозова узнала о скоропостижной смерти единственного сына и о том, что царь роздал все ее имущество и вотчины покорным боярам. Но не о богатстве рыдала и билась о земляные стены узница. Тужила она, что не смогла проститься с сыном, что чужие руки закрыли ему глаза, что причастили умирающего и похоронили по новому обряду.

Вскоре царю донесли о послаблении в содержании староверок. Он велел сменить и ужесточить охрану. В глубокой пятисаженной яме, во тьме и нечистотах, задыхаясь от зловония, умирали голодной смертью три женщины. Первой преставилась княгиня Урусова. В ночь с 1 на 2 ноября 1675 г. скончалась боярыня Морозова. Единственной ее просьбой к тюремщикам было постирать рубаху, чтобы по русскому обычаю встретить смерть в чистом белье. Через месяц скончалась Мария Данилова.

Древнего рода Морозовых больше не существовало. Наказаны были и родные братья опальной боярыни – их казнили в ссылке. Стойкость Феодосии Прокопьевны потрясла современников не только мученичеством, а и тем, что такое поведение для женщины из придворной знати было из ряда вон выходящим: променять знатность и богатство на веру! Да и казнили ее не как безбожницу. Верующие в милосердного Христа казнили православную христианку только за то, что она отстаивала право молиться Богу по-своему!

КОРДЕ ШАРЛОТТА

Полное имя – Мари-Эн Шарлотта де Корде д'Армон

(род. в 1768 г. – ум. в 1793 г.)

Французская дворянка, правнучка поэта и драматурга Пьера Корнеля. Убийца тирана Жана Поля Марата. Гильотинирована по приговору революционного трибунала.

Сцена убийства Марата в ванной комнате парижского дома по улице Кордельеров воссоздана в натуральную величину в подвальном этаже музея восковых фигур Гревена. Долгое время считалось, что здесь она изображена довольно точно. Однако это не так. Левая часть постановки и правда почти не оставляет желать лучшего в смысле точности, но правая – целиком выдумана. Ошибка руководителей музея заключалась в том, что они для усиления эффекта хотели в одной сцене изобразить и убийство Марата, и арест его убийцы. В действительности же Шарлотта Корде была схвачена не в ванной, а в передней, куда она выбежала после убийства. Для эффекта придуман и врывающийся в ванную солдат с пикой. На

самом деле девушку задержал штатский комиссионер Лоран Ба, случайно находившийся в этот момент в квартире и не имевший, разумеется, никакой пики. Полиция явилась позднее.

История знает политические убийства, имевшие еще большие последствия, чем дело Корде. Однако, за исключением убийства Юлия Цезаря, быть может, ни одно другое историческое покушение не поразило так современников и потомков. Для этого было много причин – от личности убитого и убийцы до необычного места преступления.

Шарлотта Корде родилась 27 июля 1768 г. в обедневшей дворянской семье. Она получила воспитание в монастыре, а вернувшись из него, мирно жила с отцом и сестрой в нормандском городке Канне. За свою короткую жизнь Шарлотта успела познать и нужду, и нелегкий сельский труд. Воспитанная на республиканских традициях античности и на идеалах Просвещения, она искренне сочувствовала Великой французской революции и с живым участием следила за происходившими в столице событиями.

Переворот 2 июня 1793 г. болью отозвался в ее благородном сердце. Рушилась, не успев утвердиться, просвещенная республика, а ей на смену шло кровавое господство разнузданной толпы под предводительством честолюбивых демагогов, главным из которых был Марат. С отчаянием взирала девушка на опасности, угрожавшие Родине и свободе, и в душе ее росла решимость во что бы то ни стало спасти Отчизну, пусть даже ценой собственной жизни.

Прибытие в Канн изгнанников – бывшего мэра Парижа Петиона, представителя марсельцев Барбару, других известных всей Франции депутатов и вождей жирондистов, а также выступление молодых волонтеров из Нормандии в поход против парижских узурпаторов еще больше укрепили Шарлотту в ее намерении сберечь жизни этих доблестных людей, убив того, кого она считала виновником разгоравшейся гражданской войны. Существует и другая версия мотивации поступка девушки: по приговору, подписанному Маратом, был расстрелян ее жених. И тогда она, не сказав никому ни слова о своих планах, отправилась в столицу. Так Шарлотта оказалась в доме № 30 на улице Кордельеров, в котором обитал «друг народа» Жан Поль Марат.

В поисках славы 16-летним юношей Марат покинул отчий дом и отправился странствовать по Европе. Чем только ни занимался он в предреволюционные годы, но, увы, золотая птица удачи никак не давалась ему в руки. Он безуспешно пробовал писать романы, антиправительственные памфлеты и философские трактаты, но добился только того, что Вольтер и Дидро его обидно высмеяли, обозвав «чудаком» и «арлекином». Тогда Жан Поль решил заняться естественными науками. Не жалея времени, он постигал премудрости медицины, биологии и физики. На что только не шел он ради признания: анонимно публиковал хвалебные отзывы о собственных «открытиях», клеветал на оппонентов и даже прибегал к откровенному жульничеству.

Ущемленное самолюбие, болезненная реакция на самую мягкую критику, крепнущая год от года убежденность в том, что он окружен «тайными врагами», завидующими его таланту, и вместе с тем непоколебимая вера в собственную гениальность, в свое высочайшее историческое призвание – всего этого было слишком много для простого смертного. Раздираемый неистовыми страстями, Марат едва не сошел в могилу от тяжелейшего нервного недуга, и только начавшаяся революция вернула ему надежду на жизнь.

С бешеной энергией бросился он разрушать старый порядок, при котором не сбылись его честолюбивые мечты. Уже с 1789 г. издававшаяся им газета «Друг народа» не имела себе равных в призывах к уничтожению «врагов свободы». Причем в число последних Жан Поль постепенно включил не только окружение короля, но и большинство крупнейших деятелей революции. Долой осторожные реформы, да здравствует народный бунт, жестокий, кровавый, беспощадный! – вот лейтмотив его брошюр и статей. В конце 1790 г. Марат писал: «Шесть месяцев тому назад 500, 600 голов было бы достаточно… Теперь… возможно, потребуется отрубить 5–6 тысяч голов; но если бы даже пришлось отрубить 20 тысяч, нельзя колебаться

ни одной минуты». Два года спустя ему уже этого мало: «Свобода не восторжествует, пока не отрубят преступные головы 200 тысяч этих злодеев». И слова его не остались пустым звуком. Люмпенизированная толпа, низменные инстинкты и устремления которой он изо дня в день будил своими произведениями, с готовностью откликалась на его призывы.

Ненавидимый и презираемый даже теми политическими союзниками, у кого еще сохранились представления о чести и порядочности, но боготворимый чернью, Жан Поль наконец-то был счастлив: он поймал-таки заветную птицу славы. Правда, она имела страшное обличье гарпии, с ног до головы забрызганной человеческой кровью, но все же это была настоящая, громкая слава, ибо имя Марата гремело теперь на всю Европу.

Помимо славы этот преждевременно постаревший, неизлечимо больной человек жаждал власти. И он ее получил, когда взбунтовавшийся плебс изгнал из Конвента правящую партию жирондистов. Блестящие ораторы и убежденные республиканцы, избранные большинством голосов в своих департаментах, эти представители просвещенной элиты не смогли найти общий язык с чернью столицы, властителем дум которой был Марат. Угроза расправы побудила их бежать в провинцию, чтобы там организовать отпор произволу парижан. Здесь, в нормандском Канне, они нашли своих горячих сторонников, среди которых была и девица Корде…

Когда вечером 13 июля 1793 г. Шарлотта вошла в сумрачную полупустую комнату, Марат сидел в ванне, покрытой грязной простыней. Перед ним на доске белел лист бумаги. «Вы прибыли из Канна? Кто из бежавших депутатов нашел там прибежище?» Корде, медленно приближаясь, назвала имена, Жан Поль записал. (Если бы только она знала, что эти строки приведут их на эшафот!) Тиран зло усмехнулся: «Прекрасно, скоро все они окажутся на гильотине!» Больше он ничего не успел сказать. Девушка выхватила кухонный нож, спрятанный под завязанной высоко на груди муслиновой косынкой и изо всех сил вонзила его в грудь Марата. Тот страшно закричал, но, когда в комнату вбежала его любовница Симон Эврар, «друг народа» был уже мертв…

Шарлотта Корде пережила его всего на четыре дня. Ее еще ожидали гнев разъяренной толпы, жестокие побои, врезавшиеся в кожу веревки, от которых руки покрылись черными кровоподтеками. Она мужественно перенесла многочасовые допросы и судебный процесс, спокойно и с достоинством отвечая следователям и прокурору, почему она совершила это убийство: «Я видела, что гражданская война готова вспыхнуть по всей Франции, и считала Марата главным виновником этой катастрофы… Я никому не говорила о своем замысле. Я считала, что убиваю не человека, а хищного зверя, пожирающего всех французов».

При обыске у девушки нашли написанное ею «Обращение к французам, друзьям законов и мира», где были и такие строки: «О моя родина! Твои несчастья разрывают мне сердце. Я могу отдать тебе только свою жизнь и благодарю Небо за то, что свободна располагать ею».

Жарким, душным вечером 17 июля 1793 г. Шарлотта Корде, облаченная в алое платье «отцеубийцы», взошла на эшафот. До самого конца, как свидетельствуют современники, она сохраняла полное самообладание и лишь на мгновение побледнела при виде гильотины. Когда казнь свершилась, помощник палача показал зрителям отрубленную голову и, желая им угодить, нанес ей пощечину. Но толпа ответила глухим рокотом возмущения…

Трагическая судьба девушки из Нормандии навсегда осталась в памяти людей как образец гражданского мужества и беззаветной любви к родине. Однако последствия ее самоотверженного поступка оказались совершенно иными, чем те, на которые она рассчитывала. Жирондисты, которых она хотела спасти, были обвинены в сообщничестве с нею и казнены, а смерть «друга народа» стала для его последователей предлогом сделать террор государственной политикой. Адское пламя гражданской войны поглотило принесенную ему в жертву жизнь, но не погасло, а взметнулось еще выше.

Шарлотта Корде не дожила до своего 25-летия всего несколько дней…

ВОЛКОНСКАЯ МАРИЯ НИКОЛАЕВНА

(род. в 1807 г. – ум. в 1863 г.)

Княгиня, дочь генерала Н. Раевского, жена декабриста С. Волконского, друг А. Пушкина.

Их было всего одиннадцать женщин – жен и невест декабристов, разделивших тяжелую судьбу своих избранников. Их имена помнят вот уже почти 200 лет. Но все же большинство поэтических произведений, исторических исследований, повестей и романов, театральных спектаклей и фильмов посвящены Марии Волконской – одной из наиболее загадочных и привлекательных женщин России XIX в. Тайну этой женщины, загадку ее характера и судьбы пытаются разгадать уже несколько поколений историков и просто любителей старины. Ее имя стало легендарным. А сама она говорила: «Что ж тут удивительного – пять тысяч женщин каждый год делают добровольно то же самое…» Волконской не нужен был памятник. Она исполнила долг жены, возможно, пожертвовав ради этого своим женским счастьем.

Младшая и любимая дочь боевого генерала эпохи наполеоновских войн Николая Николаевича Раевского и внучки М. Ломоносова, Софии Алексеевны, Мария родилась 1 апреля 1807 г. В доме Раевских царил патриархат. Девочка преклонялась перед чувством долга и бес-

примерным героизмом отца и братьев. В семье не раз звучал рассказ о том, как в предчувствии поражения под Салтановкой генерал приказал 17-летнему сыну Александру взять знамя, схватил за руку 11-летнего Николая и с возгласом: «Солдаты! Я и мои дети откроем вам путь к славе! Вперед за царя и Отечество!» – ринулся под пули. Тяжело раненный в грудь картечью, он видел, как его корпус разгромил троекратно превышающие силы противника. Пылкая и очень впечатлительная девочка только такими видела настоящих мужчин. (Возможно, поэтому к ухаживаниям А. С. Пушкина, посвятившего ей много нежных строк, она отнеслась с достаточной долей иронии и категорически отказалась от брака с польским помещиком графом Г. Ф. Олизаром.)

Машенька получила блестящее домашнее образование, знала несколько иностранных языков. Но страстным увлечением юности стали музыка и пение. Ее дивным голосом можно было заслушаться. Она без устали разучивала арии, романсы и блистательно исполняла их на званых вечерах, аккомпанируя себе на рояле. В 15 лет Мария уже понимала и чувствовала многое. На формирование ее характера оказали влияние старшие братья и сестры. От Софьи она переняла педантичность, обязательность и страсть к чтению; от Елены – мягкость, чувствительность и кротость; от Екатерины – резкость и категоричность суждений; а от Александра – скептицизм и ироничность. Девушка словно чувствовала, что повзрослеть придется рано, и покоряла сердца мужчин уже на первых балах.

Считается, что Мария вышла замуж не по любви, а по настоянию родных. Генерал Раевский хотел для дочери блестящей и безбедной жизни, его прельстил не только титул жениха – князь Сергей Григорьевич Волконский, несмотря на свои 37 лет, уже был ветераном войны, генерал-майором, принадлежал к знатнейшей в России фамилии, имел огромные связи при дворе. Но главное, он был удивительно честный, благородный и справедливый – человек долга и чести, что так ценила Мария в своем отце. Именно эти качества нашли отклик в сердце 17-летней Раевской.

После сватовства Сергея и ошеломленных слов Марии: «Папа, я ведь его совсем не знаю!» – Раевский в тот же вечер написал Волконскому, что она согласна и можно считать их помолвленными. Генерал отлично знал свою дочь. Не чувствуй она к Волконскому сердечного, душевного влечения, ответила бы не тихой растерянностью, сиянием глаз и с трудом сдерживаемой улыбкой, а как-то иначе, более решительно, резко, как и Густаву Олизару. Кстати, Раевскому все было известно об участии будущего зятя в тайном обществе, но он скрыл это от Марии, хотя и не отказал Волконскому.

Официально помолвку отпраздновали большим балом, на котором собралось все семейство Раевских-Волконских. Во время танца с женихом на Марии загорелось платье: танцуя сложную фигуру мазурки, она нечаянно задела краем одежды столик с канделябрами, и одна из свечей опрокинулась. Благо, несчастье удалось предотвратить, но платье пострадало довольно сильно, да и невеста порядком испугалась – ей все это показалось очень дурным предзнаменованием.

В январе 1825 г., на пороге своего 18-летия, Мария вышла замуж. Она вырвалась из-под родительской опеки и воодушевленно обустраивала свой новый дом: выписывала занавеси из Парижа, ковры и хрусталь из Италии, беспокоилась о каретах и конюшне, прислуге и новой мебели. Она жила в предчувствии счастья, но мужа видела мало, он был поглощен какими-то своими делами, появлялся дома поздно, усталый, молчаливый. Через три месяца после свадьбы молодая княгиня вдруг серьезно заболела. Слетевшиеся к постели доктора определили начало беременности и отправили хрупкую будущую мать в Одессу, на морские купания.

Князь Волконский остался при своей дивизии в Умани, а когда изредка приезжал навестить жену, то больше расспрашивал ее, чем говорил сам. Мария писала позднее: «Я пробыла в Одессе все лето и, таким образом, провела с ним только три месяца в первый год нашего супружества; я не имела понятия о существовании тайного общества, которого он был членом.

Он был старше меня лет на двадцать и потому не мог иметь ко мне доверия в столь важном деле».

В конце декабря князь Сергей привез жену в имение Раевских, Болтышку, под Киевом. Ему уже было известно, что полковник П. Пестель арестован, но о событиях 14 декабря 1825 г. он не знал. Об этом поведал зятю генерал Раевский и, предчувствуя, что арест может коснуться и князя, предложил ему эмигрировать. Волконский от этого предложения сразу же отказался, ибо бегство для героя Бородино было бы равносильно смерти.

Роды у Марии были очень тяжелые, без повивальной бабки 2 января 1826 г. она родила сына, которого, по семейной традиции, назвали Николушкой. Сама Мария тогда едва не умерла, родильная горячка продержала ее в жару и бреду несколько суток, и она почти не помнила короткого свидания с мужем, который без разрешения покинул часть, чтобы увидеть жену и сына. А через несколько дней он был арестован и препровожден в Петербург для первых допросов. Но Мария об этом не знала. Болезнь цепко держала ее в своих объятиях несколько месяцев.

События меж тем развивались весьма бурно. Следствие по делу бунтовщиков шло полным ходом. Были арестованы и затем отпущены сыновья Раевского. Старый генерал ездил хлопотать за родственников в Петербург, но только навлек на себя гнев императора. Лишь возвратившись в апреле в Болтышку, Раевский обо всем известил дочь, прибавив, что Волконский «запирается, срамится» и прочее – он не покаялся перед императором и не назвал имен заговорщиков. И конечно, отец сразу же объявил ей, что не осудит ее, если она решит расторгнуть брак с Сергеем.

Можно лишь представить себе, каково было все это услышать молодой женщине, измученной долгой болезнью. Отец рассчитывал на то, что она покорится воле родителей (брат Александр откровенно говорил, что она сделает все, что скажет отец и он), но произошло наоборот. Мария взбунтовалась. Как ее ни отговаривали, она отправилась в Петербург, добилась свидания с мужем в Алексеевском равелине, сблизилась с его родственниками, утешая их и мужественно ожидая приговора.

Но тут внезапно заболел Николушка, и Мария вынуждена была спешно выехать к тетке, графине Браницкой, на попечение которой она оставила своего сына. В имении тетки ее ждало заточение с апреля по август. И все это время она была лишена известий о Сергее. Но эти месяцы не прошли даром. В душевном одиночестве, думая о муже, Мария как бы рождалась заново. Казалось, вся огромная энергетическая сила рода Раевских перелилась в эту хрупкую женщину. Молодой княгине потребовалась огромная духовная работа, чтобы определить свое отношение к поступку Сергея, понять его, прийти к единственному выводу: что бы его ни ожидало, она должна быть рядом с ним. Это решение тем более ценно, что Волконская выстрадала его. Если А. Муравьева, Е. Трубецкая и другие жены декабристов не были скованы столь жесткими домашними оковами, были вольны общаться друг с другом, находили поддержку друзей, родственников, всех, сочувствующих бунту, то Мария была вынуждена в одиночку бороться за свой смелый выбор, отстаивать его и даже пойти на конфликт с самыми близкими, любимыми ею людьми.

В июле 1826 г. подследственным объявили приговор. Князь Волконский был осужден по первому разряду на 20 лет каторги и отправлен в Сибирь. Как только об этом стало известно, Мария с сыном отправилась в Петербург. Остановилась она в доме свекрови на Мойке (в той самой квартире, где через 11 лет умирал Пушкин) и направила прошение государю отпустить ее к мужу. Своему отцу она писала: «Дорогой папа, вы должны удивляться моей смелости писать коронованным особам и министрам; что хотите вы – необходимость, несчастие обнаружило во мне энергию решительности и особенно терпения. Во мне заговорило самолюбие обойтись без помощи другого, я стою на собственных ногах и от этого чувствую себя хорошо». Спустя месяц был получен благожелательный ответ, и уже на следующий день, оставив ребенка

свекрови, она выехала в Москву. Насколько же сильным было неприятие ее поступков родными, что Мария оставила своего первенца малознакомой женщине, пальцем не пошевельнувшей для спасения своего сына! Что ж, она решилась и на это, уверенная в своей правоте: «Мой сын счастлив, мой муж – несчастен, – мое место около мужа». Какой душевной силой и волей надо было обладать, чтобы принять такое решение! (Всего в Сибирь был сослан 121 человек, а добились права приезда к своим мужьям только 11 женщин.)

В Москве Мария на несколько дней остановилась у княгини Зинаиды Волконской, давшей в ее честь знаменитый вечер, на котором были Пушкин, Веневитинов и другие известные люди России. И в канун нового, 1827 г., когда в окрестных домах шли балы, звенели бокалы, молодая женщина покинула Москву. Ей казалось – навсегда. Отцу она сказала, что уезжает на год, ибо он обещал проклясть ее, если она не вернется… Старик как чувствовал, что более не увидит дочь. Маленький Николенька и генерал Раевский умерли буквально друг за другом в течение двух лет.

Волконская неслась в одиночестве через бесконечные метели, жестокие морозы, мужественно перенесла обыски и «всевозможные внушения» чиновников. Обгоняя по дороге измученных каторжан, она понимала, через какие унижения пришлось пройти ее мужу, пострадавшему не за какие-то махинации, а за дело чести. И когда, добившись свидания с Сергеем Григорьевичем, княгиня увидела его истощенного, в цепях, она упала перед ним на колени и поцеловала кандалы, отдавая дань его страданиям. Этот поступок стал хрестоматийным символом полного разделения женой судьбы мужа.

Сибирская жизнь Марии Николаевны только начиналась. Пройдет еще целых тридцать лет, прежде чем придет Указ о помиловании и декабристам разрешат выехать в европейскую часть России. До 1830 г. жены декабристов жили отдельно от мужей-каторжан. Но после перевода их на Петровский завод Волконская вытребовала разрешения поселиться в остроге. В их маленькую тюремную каморку, а через год и в дом вне тюрьмы по вечерам собирались гости, читали, спорили, слушали музыку и пение Марии Николаевны. Присутствие преданных женщин было огромной поддержкой для выброшенных из привычной жизни декабристов. Из 121 ссыльного в живых не осталось и двух десятков. Насколько позволяли средства, декабристки вели благотворительную деятельность, приходили друг другу на помощь в трудные дни, оплакивали умерших и радовались появлению новой жизни. Колония ссыльных сделала немало добрых дел в Иркутской губернии.

Жизнь продолжалась и в далекой Сибири. Здесь у Волконских родилось трое детей. Дочь Софья (1830 г.) скончалась в день рождения – слишком слаба была Мария Николаевна. Но сын Михаил (1832 г.) и дочь Елена (Нелли, 1834 г.) стали настоящим утешением родителей. Они росли под строгим присмотром матери, получили прекрасное домашнее образование. Когда в 1846 г. пришло распоряжение царя отдавать детей в казенные учебные заведения под чужой фамилией, Мария Николаевна первой отказалась от этой «странной» затеи, гордо сказав, что «дети, кто бы они ни были, должны носить имя своего отца». Но Михаила и Елену воспитала как благонамеренных граждан, верных престолу, и сделала все от нее зависящее, чтобы вернуть им положение в обществе. Разделив с мужем судьбу, Мария Николаевна так и осталась далека от идей декабристов.

За годы ссылки супруги очень переменились. Воспоминания современников часто расходятся, когда характеризуют их союз. Одни считают, ссылаясь на письма и архивы, что в сердце Марии царил только «опальный князь». Другие, приводя в пример те же архивные данные, утверждают, что Волконская, оставаясь с мужем, вовсе его не любила, а безропотно несла свой крест, как и положено русской женщине, присягнувшей ему перед Богом. Долгие годы в Марию был тайно влюблен Михаил Лунин. Но чаще называют имя декабриста Александра Викторовича Поджио. Их современник Е. И. Якушкин писал, что, став с годами властной и оставшись такой же решительной, княгиня, решая судьбу дочери, «не хотела никого слушать и сказала

приятелям Волконского, что ежели он не согласится, то она объяснит ему, что он не имеет никакого права запрещать, потому что он не отец ее дочери. Хотя до этого дело не дошло, но старик, наконец, уступил». Дети ощущали внутреннюю отчужденность родителей, они больше любили мать, ее авторитет был намного выше отцовского. Иногда Марии Николаевне приходилось упрашивать их, чтобы «вкладывать несколько слов к папа в письма».

Так уж вышло, что долгие тридцать лет «сибирского плена» и по возвращении из ссылки супруги Волконские оставались вместе, несмотря на сплетни, досужие разговоры, усталость лет, видимую несхожесть характеров и взглядов. В 1863 г., находясь в имении сына, тяжело больной князь Волконский узнал, что его жена скончалась 10 августа. Он страдал оттого, что в последнее время не мог ухаживать за нею и сопровождать на лечение за границу, поскольку сам с трудом передвигался. Его похоронили (1865 г.) в селе Воронки Черниговской губернии рядом с женой, положив согласно завещанию в ногах ее могилы. А в 1873 г., опять же согласно завещанию, рядом с ними упокоился и Александр Поджио, скончавшись на руках Елены Сергеевны Волконской (во втором браке – Кочубей).

После смерти Марии Николаевны остались записки, замечательные по скромности, искренности и простоте. Когда сын Волконской читал их в рукописи Н.А. Некрасову, поэт по нескольку раз за вечер вскакивал и со словами: «Довольно, не могу» бежал к камину, садился к нему, схватясь руками за голову, и плакал, как ребенок. Охватившие его чувства он сумел вложить в свои знаменитые посвященные княгиням Трубецкой и Волконской поэмы. Благодаря Некрасову пафос долга и самоотверженности, которым была полна жизнь Волконской и ее подруг, навсегда запечатлелся в сознании русского общества.

ПЕРОВСКАЯ СОФЬЯ ЛЬВОВНА

(род. в 1853 г. – ум. в 1881 г.)

Революционерка-народница, активный член организации «Народная воля». Первая из женщин-террористок, осужденная по политическому делу и казненная как организатор и участница убийства императора Александра II.

С незапамятных времен известно, что достижение любых целей насильственными методами приводит к ответной жестокости и что агрессия может породить только агрессию. Но даже женщины, изначально признанные более слабыми физически, более духовными и, в общем-то, аполитичными личностями по сравнению с мужчинами, часто убивают, не задумываясь о жертвах и последствиях. Одна из них – Софья Перовская – считала терроризм самым действенным способом влияния на правительство. Она любила повторять, что отказалась бы от террора, если бы видела другой путь. Но в том-то и была беда этой образованнейшей молодой женщины, что навязчивая идея поглотила целиком ее мысли, заставила отказаться от привычного уклада жизни и пойти на преступление, противное христианскому и дворянскому воспитанию.

Софья родилась 13 сентября 1853 г. в Петербурге. Ее отец, Лев Перовский, чиновник высокого ранга, приходился правнуком последнему гетману Украины Кириллу Разумовскому, а мать, Варвара Степановна, была родом из простого семейства псковских дворян. Впоследствии эта разница в происхождении привела к разрыву между родителями. Детские годы Софья провела в играх в провинциальном Пскове, где служил отец. Друзьями ее были старший брат Вася и соседский мальчик Коля Муравьев, который спустя много лет, став прокурором, потребовал для подруги детских лет смертной казни.

Вскоре семья переехала в Петербург, где отец занял пост вице-губернатора столицы. Теперь в их доме все было поставлено на широкую ногу. Соня, как и ее брат, терпеть не могла лживости и снобизма высшего света, которые так бросались в глаза на часто устраиваемых балах и приемах. Больше всего она любила общаться со своей двоюродной сестрой Варей, дочерью декабриста А. В. Поджио. В их семье она слышала споры о судьбе России, о жестокости самодержавной власти, которую уже давно пора свергнуть.

Во время первого и неудачного покушения на Александра II Софье было всего 12 лет, и она еще не могла оценить значимости этого события как политического. Но по привычной жизни Перовских это нанесло сокрушительный удар. Отцу из-за проявленной «непредусмотрительности» пришлось уйти в отставку, и семья постепенно разорилась. Варвара Степановна, оставив мужа, увезла детей в Крым. Старое имение располагалось в глуши. Перовских никто не навещал, и единственным развлечением девушки было чтение. Но и тихой провинциальной жизни вскоре пришел конец. В 1869 г. имение было продано за долги, и Софья возвратилась в Петербург. Той же осенью она поступила на Аларчиские курсы. Ее интересовали все науки, в химии, физике и математике девушка проявила великолепные способности и оказалась в числе немногих учениц, которые были допущены к занятиям в химической лаборатории.

С этого времени жизнь Перовской полностью изменилась. Окружавшие ее подруги отличались передовыми для того времени взглядами. Они читали запрещенную литературу, коротко стригли волосы, курили и – что «самое ужасное» – носили мужскую одежду. В 17 лет Софья решительно порвала с семьей и ушла из дома. Тогда же она вступила в народнический кружок «чайковцев» и сразу же активно включилась в их работу. Каждый день с утра и до поздней ночи Перовская вела тайную пропагандистскую работу среди рабочих. Помимо этого по составленной «чайковцами» программе ей предстояло привлечь к народническому движению крестьян, на которых делалась основная ставка в предстоящей революции. Весной 1872 г. Софья отправилась в Самарскую губернию, чтобы впервые собственными глазами увидеть, как они живут. Однако народникам сразу стало понятно, что крестьянам чужды социалистические и революционные идеи. Возвратившись в Петербург, Перовская продолжила занятия в рабочих кружках.

В то время Софья жила в маленьком домике на окраине города. Согласно легенде, все считали ее женой рабочего, и никто не догадывался, что она дворянка и дочь бывшего вице-губернатора. Изнеженная барынька стирала и стряпала для всех, несмотря на бедность, старалась содержать дом в чистоте. Она привыкала жить в напряжении, в постоянном ожидании обыска и ареста. Вскоре в Петербурге начались массовые аресты народников-пропагандистов, и Софья тоже попала за решетку. Только благодаря старым связям отца через несколько месяцев ее отпустили на поруки. На судебном процессе она как завороженная слушала пламенные речи Петра Алексеева, одного из основателей народнического движения. Каждое его слово падало на благодатную почву, и Софья все больше убеждалась в правильности выбранного ею пути.

После оглашения приговора на свободе остались совсем немногие товарищи из ее организации. Перовская вместе с подругами В. Фигнер и В. Засулич вступили в общество «Земля и воля». Среди молодежи росло желание отомстить правительству за расправу с инакомыслящими. Многие из ее друзей носили оружие, а Вера Засулич в январе 1878 г. пустила его в ход против генерала Трепова. То, что суд присяжных ее оправдал, вдохновило Перовскую на

дальнейшую вооруженную борьбу. Ей казалось, что общество прислушалось к голосу революционеров и солидарно с ними. Но после очередной серии арестов она поняла, что в России никто особо не жаждет революционных перемен, и постепенно пришла к выводу, что старые агитационные методы работы не эффективны. А идея цареубийства уже давно носилась в воздухе: «За российские порядки должен отвечать тот, кто сам не хочет ни с кем делить ответственность – самодержец всероссийский».

Перовская согласилась с таким не характерным для своего воспитания решением политического вопроса в результате множества бесед с друзьями-революционерами и, конечно, после знакомства с А. И. Желябовым, одним из создателей и руководителей «Народной воли». Он возглавлял ее военную, студенческую и рабочую организацию. Этот рослый, мужественный молодой человек, выходец из семьи крепостных крестьян, покорил Софью своим красноречием, убежденностью и запальчивостью. Именно ему удалось склонить Перовскую войти в террористическую группу, готовящую покушение на Александра II. Вслед за Желябовым она стала видеть в убийстве императора единственное средство, которое может всколыхнуть общество и приблизить революционный переворот. Софья выделялась среди других женщин-террористок своей самоуверенной властностью, вдумчивым спокойствием и неутомимой энергией. По мнению друзей, «во всем, касающемся дела, она была требовательна до жестокости, чувство долга было самой выдающейся чертой ее характера».

Первое покушение, в подготовке которого участвовала Перовская, с самого начала преследовали неудачи. Работа по закладке мины на пути следования царского поезда была очень тяжелой и опасной. Софья никогда не расставалась с пистолетом, а в случае обыска должна была взорвать дом, выстрелив в бутыль с нитроглицерином. Взрыв 1 декабря 1879 г., прогремевший на железной дороге под Москвой, снес с путей обычный поезд. Погибли ни в чем не повинные люди. Но террористов это не волновало, они были готовы идти на любые жертвы. Перовскую уговаривали уехать за границу, но она предпочитала быть повешенной в России. И конечно, Софья хотела остаться рядом с любимым человеком, хотя устав организации был строг и суров. Перовская ради дела забыла о родственниках, давно не имела собственного имущества, но ее отношения с гражданским мужем, Андреем Желябовым, были настолько чистыми и глубокими, что знавшие обоих друзья говорили: «На эту пару приятно было взглянуть в те минуты, когда дела идут хорошо, когда особенно охотно забываются неприятности». Но никакая дружба или влюбленность не могла отменить подготовки очередного покушения.

Только чудо спасло царя во время взрыва прямо в Зимнем дворце. Тайная полиция сбилась с ног, разыскивая террористов. Приметы Перовской теперь знал каждый петербургский жандарм. А она тем временем под именем Марии Прохоровой днем торговала в бакалейной лавочке в Одессе, а ночами готовила очередной террористический акт. Однако и он не увенчался успехом. Софья не позволяла себе думать о неудачах и жертвах. Она продолжала заниматься с рабочими, создавала библиотеки и новую подпольную типографию. Кроме того, у нее были самые обычные человеческие заботы: сходить на рынок, приготовить обед. Привыкшая к богатству, Софья научилась ценить деньги, которые ей выделялись из фонда организации. Чтобы сократить расходы общественных средств на личные нужды, она зарабатывала перепиской и переводами.

В начале 1881 г. Желябов разработал новый террористический акт, в котором Перовской отводилась важная роль. Она организовала и лично участвовала в наблюдениях за постоянными маршрутами передвижения царя по столице. Ей удалось установить наиболее удобные места для покушения. На Малой Садовой улице революционеры под именем крестьянской семьи Кобзевых сняли сырную лавку, из подвала которой сделали подкоп, чтобы установить мину под мостовой. Людей не хватало, шли непрекращающиеся аресты. Перовская жила в постоянной тревоге за Желябова. И не напрасно: за несколько дней до покушения он был арестован.

Вся тяжесть организации теракта легла на хрупкие плечи его подруги, жены и помощницы. Конечно, по натуре она была лидером, но совсем не таким сильным, как Желябов. Однако останавливаться на полпути было не в ее правилах. Софья решила действовать при любых обстоятельствах. 1 марта 1889 г. Александр II в сопровождении петербургского полицмейстера Дворжицкого и казацкого конвоя возвращался из Михайловского манежа в Зимний дворец. Царь отказался от проезда по Малой Садовой и свернул на набережную Екатерининского канала. Но это не спасло его. Перовская быстро сориентировалась и расставила в заранее определенных точках метальщиков бомб. Она не покинула места событий, не оставила все на произвол судьбы. Софья взмахнула белым платочком, и Рысаков метнул в царскую карету первую бомбу. Александр II остался невредим. Ранения получили два казака и крестьянский мальчик. Второй террорист, Гриневецкий, воспользовавшись непозволительной задержкой царя на месте происшествия, взорвал бомбу между собой и императором. Тяжело раненный Александр II скончался от потери крови, как и его убийца.

Перовская добилась своего. Думала ли она о невинно погибших или раненых прохожих, об их семьях? Вряд ли. Как говорила впоследствии В. Фигнер: «Они просто брали чужую жизнь, а взамен отдавали свою». Девять дней, проведенных до своего ареста, Софья посвятила неудачным попыткам освободить из тюрьмы Желябова. На допросах Перовская признала свое участие в покушениях под Москвой, в Одессе и в последнем – сенсационном цареубийстве. Она сказала, что сама не бросила бомбу только потому, что это удалось сделать ее товарищам. На суде Софья вела себя спокойно и уверенно, смертный приговор выслушала без внешних эмоций, продемонстрировав веру в свое революционное дело. Она давно готовила себя к подобному исходу.

Ни манифест исполкома «Народной воли», что террористический акт является казнью императора по воле народа, ни ультиматум, выдвинутый революционерами в поддержку политических заключенных, не изменили судьбу пяти приговоренных: Перовской, Кибальчича, Желябова, Михайлова и Рысакова (шестой подсудимой, Гельфман, казнь отсрочили из-за беременности). 3 апреля 1881 г. непосредственные участники подготовки и убийства Александра II были публично повешены на Семеновском плацу. Впервые на эшафот взошла женщина, осужденная по политическому делу. Софья Перовская добилась равноправия с мужчинами хотя бы в этом вопросе.

Показательная казнь не остановила революционный, идеологический, политический и религиозный террор в России. Как и во всем мире, он продолжает свое жестокое существование, хотя давно очевидно, что террор – тупиковый путь борьбы за преобразование общества и избавление его от социальных болезней.

СПИРИДОНОВА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

(род. в 1884 г. – ум. в 1941 г.)

Один из лидеров партии левых эсеров, террористка, участница Октябрьского переворота. Из 57 лет жизни 34 года провела в царских и советских тюрьмах, на каторге и в ссылках.

«Девушка, чистейшее существо, с прекрасной душой – без жалости, с упорной жестокостью зверя всаживает пять пуль в человека!.. Их довели до этого, довела жизнь, с постепенностью, страшною в своей незаметности. Вот оно – движение; мы все живем и действуем не как люди, а как политические единицы без души, и казним, и убиваем, и грабим страну во имя ее блага. Все позволено – цель оправдывает средства». Это слова неизвестного автора статьи «Жертва губернской революции», посвященные женщине-террористке и будущей жертве террора М. Спиридоновой.

Мария родилась 16 октября 1884 г. в Тамбове в состоятельной дворянской семье Александра Александровича и Александры Яковлевны Спиридоновых. Мать вела дом и все внимание уделяла пятерым детям. Отец служил бухгалтером в банке и владел паркетной фабрикой. Маруся была любимицей в семье. Добрая, отзывчивая, щедрая, самостоятельная, не терпевшая

несправедливости, в гимназии она сразу стала лучшей ученицей, хотя и шалуньей слыла редкостной. К тому же открыто протестовала против режима и бездушия, царивших в гимназии, постоянно отстаивая свои человеческие права.

Терпение администрации было не беспредельным. В восьмом классе Марию исключили из гимназии с такой характеристикой, что продолжить обучение она не смогла. Да и отец к тому времени умер, и большая семья быстро обеднела. Девушка устроилась в канцелярию тамбовского дворянского собрания, хорошо зарекомендовала себя и была в добрых отношениях с сослуживцами. Умная, умеющая легко, красиво, доходчиво и сильно излагать мысли, она притягивала к себе людей. Эту способность Спиридоновой использовали товарищи по партии социалистов-революционеров (эсеров), когда направляли ее в рабочие кружки. Она могла увлечь за собой любого.

За участие в революционных демонстрациях 1905 г. Мария впервые попала в тюрьму. В революцию Спиридонова пришла с обостренным чувством несправедливости, с ореолом революционной романтики, с верой, что социалистические преобразования создадут гуманное общество. А ради этого все средства хороши. Даже террор.

16 января 1906 г. Спиридонова привела в исполнение решение тамбовской организации эсеров – смертельно ранила на вокзале в Борисоглебске черносотенца Г. Н. Луженковского, руководившего карательными экспедициями в деревнях на ее родной Тамбовщине. Заплывшего жиром душегуба тщательно охраняли, но никто не обратил внимание на Марию. Крошечное кокетливое создание в гимназической форме, каштановая коса до колен, стреляющие озорными бесиками голубые глазки, модная шляпка и меховая муфточка с браунингом. Пять выстрелов – все в цель. Если бы не ее крик: «Вот она я. Расстреливайте меня!..» – и пистолет у виска, Марию в обстановке всеобщей паники и смятения просто бы не заметили. Но она готовилась к этому поступку сознательно и спасения для себя не видела.

Нажать на курок Мария не успела. Ее били страшно, прикладами, сапогами. Маленькое тело волочили по перрону, по ступеням, размахнувшись, забросили в сани, беспамятное привезли в полицейское управление, раздели донага. В ледяной камере двое охранников Луженковского, Аврамов и Жданов, приступили к пыткам. Били нагайками, сдирали отслаивающуюся кожу, прижигали кровавые раны окурками. Ни единого крика о пощаде. Придя в себя, она созналась, что исполнила смертный приговор. Скрывать о себе Спиридонова ничего не собиралась, но обнаружила, что забыла фамилию, – назвалась ученицей седьмого класса гимназии Марией Александровой. Палачи так усердствовали, что врачи, осматривающие ее после допроса, пришли в ужас. Лицо – кровавая маска, почти все зубы выбиты, левый глаз практически ослеп, легкие отбиты, она оглохла на правое ухо, все тело – сплошная рана. Аврамов, уверенный в своей безнаказанности, перевозя в тамбовскую тюрьму изувеченную, измученную арестантку, надругался над ней.

Выжила Спиридонова, наверное, только молитвами крестьян, которые ставили за ее здравие свечи во всех церквах, когда узнали, что их палач умер, промучавшись 40 дней. 11 апреля был убит Аврамов, 6 мая – Жданов. Ответственность за устранение этих мерзавцев взяла на себя партия эсеров. Это случилось уже после заседания военно-окружного суда, вынесшего Спиридоновой 11 марта 1906 г. приговор – смертная казнь через повешение. Но многочисленные газетные публикации, раскрывшие причины террористического акта, и обнародованная информация о зверствах и издевательствах, чинимых над ней, заставили суд изменить приговор на бессрочное заключение на Нерчинской каторге.

Мария, приготовившаяся к смерти, была настолько потрясена такой «гуманностью», что решила самостоятельно уйти из жизни. Только категорический приказ друзей по партии заставил арестантку изменить свое решение. Способствовал этому и роман по переписке с Владимиром Вольским. Восторженные любовные письма, которые он вначале посылал Марии по рекомендации партии, чуть было не переросли в серьезные чувства двух незнакомых людей. Они

требовали свиданий, а Владимир даже был готов жениться. Тюремное начальство не допустило их сближения, аргументируя отказ тем, что первый брак Вольского не был расторгнут, хотя жена оставила его четыре года назад. Несостоявшиеся супруги встретились лишь в мае 1917 г. Они оказались настолько разными людьми, что даже не нашли общих тем для разговора.

Спиридонова воспрянула духом. «Разве вы не знаете, что я из породы тех, кто смеется на кресте… Будущее не страшит меня: оно для меня неважно, – важнее торжество идеи», – писала она на волю. Ее путь из пересыльной московской тюрьмы в Нерчинск был триумфальным. На каждой стоянке поезд окружали толпы рабочих. Охрана была вынуждена присутствовать на импровизированных митингах. Спиридонова говорила перед людьми просто и мощно, но вернувшись в вагон, валилась без сил и захлебывалась кровью.

Трижды эсеры пытались организовать побег Спиридоновой, но неудачно. Освободила ее Февральская революция. Мария Александровна активно включилась в политическую борьбу. Она стала одним из организаторов партии левых эсеров. Ее избрали заместителем председателя ЦК. При поддержке большевиков Спиридонова занимала пост председателя II и ш съездов Советов крестьянских депутатов, была членом ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Ее партия вместе с большевиками совершила Октябрьский переворот, и по многим важным политическим вопросам она поддерживала их позиции.

Но как только Спиридонова осознала, что Декреты о земле в корне отличаются от программ эсеров, за которыми в революцию пришли крестьяне, она одобрила вооруженное выступление против большевиков, приняла в нем активное участие и взяла на себя организацию очередного громкого террористического акта – убийство посла Германии графа Мирбаха. Восстание было подавлено. Левые эсеры разделили судьбу ранее разгромленных кадетов и правых эсеров. В стране фактически установилась однопартийная система.

Спиридонову арестовали 6 июля 1918 г. на V съезде Советов. С этого дня жизнь для нее стала сплошной чередой заключений, слежек и ссылок. Первые аресты скорее напоминали изоляцию: посадили – постращали – выпустили – слежка. На свободе она не прекращала пропагандистской деятельности против большевиков. Своих мыслей не скрывала: правительство сравнивала с жандармерией, «молодчиков комиссаров» называла душащими народ мерзавцами. Во время очередного ареста в ноябре 1918 г. написала в ЦКП(б) откровенное письмо, осуждающее позиции большевиков. «Ваша политика объективно оказалась каким-то сплошным надувательством трудящихся… Вы или не понимаете принципа власти трудящихся, или не признаете его… Именем рабочего класса творятся неслыханные мерзости над теми же рабочими, крестьянами, матросами и запуганными обывателями. Ваши контрреволюционные заговоры, кому бы они могли быть страшны, если бы вы сами не породнились с контрреволюцией». Ее выступления перед рабочими носили еще более откровенный характер, заставляли их задумываться над сложившейся ситуацией в стране.

За инакомыслие Спиридонову в феврале 1919 г. обвинили в контрреволюционной агитации и клевете на Советскую власть. «Санатории», психиатрические больницы ЧК, куда ее помещали под именем «Онуфриевой», окончательно подорвали здоровье. Эта принудительная изоляция Спиридоновой стала одним из первых прецедентов применения карательной медицины. Мария Александровна была не в состоянии терпеть насилия над своей свободой и личностью. Жизнь превратилась в сплошной кошмар видений насилий, которые она испытала в царских тюрьмах. Три месяца Спиридонова практически не спала, затем отказалась от еды – 14 дней сухой голодовки. Товарищи по партии, Б. Камков и А. Измайлович (подруга по ссылке), с ужасом наблюдали, как она пытается уйти из жизни. Только сильный инстинкт самосохранения вывел ослабленный организм из тьмы небытия.

Но и разбитую туберкулезом, цингой, голодовкой Спиридонову большевики боялись. Несмотря на многочисленные ходатайства, в выезде за границу ей было отказано. Л. Д. Троцкий заявил К. Цеткин, хлопотавшей о здоровье революционерки, что Спиридонова «представ-

ляет опасность для Советской власти». Фактически Мария Александровна «разоружилась». «С 1922 г. я считаю партию левых социалистов-революционеров умершей. В 1923–24 гг. это уже агония. И без надежд на воскрешение, ибо рабочие и крестьянские массы ни на какие лозунги самого обольстительного свойства не поддадутся», – писала она впоследствии. Но так как Спиридонова не умела скрывать своего мнения и всегда открыто говорила о всех недостатках, для Советской власти она стала врагом, но врагом знаменитым – старую революционерку, террористку, боровшуюся с царизмом, трудно было незаметно уничтожить.

С мая 1923 г. Мария Александровна стала политической ссыльной. Жила и работала в Самарканде, но политической деятельностью не занималась. Написала книгу о Нерчинской каторге, которая была напечатана в журнале «Каторга и ссылка» и вышла отдельным изданием. В это время Спиридонова вновь почувствовала себя молодой и энергичной – в ее жизни наконец-то проявилась любовь. Она «обрела друга любимого и мужа». Илья Андреевич Майоров, бывший член ЦК левых эсеров, автор закона о социализации земли, был тоже сослан. Они жили дружно и старались не замечать постоянной слежки. Спиридонова знала, что о каждом ее слове, о каждой встрече становится известно в ЧК.

Доносы скапливались. В сентябре вновь арест, обвинение в связи с заграничными левоэсеровскими группировками и ссылка – теперь уже в Уфу. Здесь Спиридонова работала старшим инспектором кредитно-планового отдела Башкирской конторы Госбанка, крутилась по хозяйству, чтобы обеспечить сносную жизнь мужу, его сыну и престарелому отцу. А еще ухитрялась рассылать скромные посылки бедствующим друзьям, в прошлом своим единомышленникам.

В страшном 1937 г. Спиридонова полной мерой оценила, что значит государственный террор против своего народа, о котором она предупреждала еще в 1918 г. Теперь ей инкриминировали подготовку покушения на К. Е. Ворошилова и всех членов правительства Башкирии, руководство несуществующей «Всесоюзной контрреволюционной организацией», вредительство, разработку террористических актов против руководителей государства, включая И. В. Сталина. По «делу» проходил 31 человек. Многие не выдерживали пыток и давали ложные показания. «Сломался» и муж Спиридоновой.

«Проявите гуманность и убейте сразу», – требовала измученная болезнями женщина. Но следователи продолжали изощренно издеваться, требуя признаний. Допросы продолжались по два-три дня без перерыва, сесть не позволяли. Ноги Спиридоновой превратились в черно-лиловые бревна. Обнаружив, что побои ее страшат меньше, чем личные досмотры, обыскивали по десять раз в день. Нашли самое уязвимое место – еще с первого ареста она с трудом переносила прикосновение чужих рук к телу. Но надзирательница тщательно ощупывала ее полностью.

13 ноября 1937 г., после 9-месячного заключения Спиридонова написала открытое письмо в секретный отдел НКВД (в машинописной копии более 100 листов). Писала не для того, чтобы «увернуться от обуха». Она попыталась с какой-то исповедальной искренностью объяснить, что «дело эсеров» – не что иное, как сфабрикованный «фарс на тему “Укрощения строптивой”», что страдают абсолютно невинные люди, давно отошедшие от политической борьбы. Спиридонова дала понять, что никакие измывательства не заставят ее дать ложные показания. Своего следователя она называла «хорьком, смесью унтера Пришибеева с Хлестаковым, фашистом и белогвардейцем».

Мария Александровна ненавидела ложь и если бы чувствовала за собой вину, то откровенно бы призналась в этом, так как почти полностью признала политику Советской власти, новый государственный строй и сталинскую Конституцию 1936 г. «А между прочим, я больший друг Советской власти, чем десятки миллионов обывателей. И друг страстный и деятельный. Хотя и имеющий смелость иметь собственное мнение. Я считаю, что вы делаете лучше,

чем сделала бы я». Спиридонова осталась все таким же идейным романтиком, каким была в 1906 г.

Столь откровенные признания не изменили ее судьбу. Мыслящие, убежденные люди пугали власть, были «врагами народа». Спиридонову приговорили к 25 годам тюремного заключения. Своего приговора полностью оглохшая женщина не расслышала. Отбывала срок она в орловской тюрьме. 11 сентября 1941 г. М. А. Спиридонова, ее муж И. А. Майоров и 155 узников по очередному обвинению в «злостной пораженческой и изменнической агитации» были расстреляны в Медведевском лесу. Фашистские войска приближались к Орлу, а чекисты аккуратно выкапывали деревья, сваливали в ямы тела и сверху вновь сажали деревья, восстанавливали дерн. Найти место ее захоронения не удалось до сих пор. Лес хранит покой террористки и жертвы террора Марии Спиридоновой. Она жила, боролась и умерла как борец за социальную идею, так и не осознав, что не все идеи требуют жертв.

Носительницы добра и милосердия

НАЙТИНГЕЙЛ ФЛОРЕНС

(род. в 1820 г. – ум. в 1910 г.)

Сестра милосердия, основоположница сестринского дела, общественный деятель Великобритании, автор ряда работ, посвященных медицине («Заметки по уходу за больными», «Заметки о госпиталях» и др.).

Флоренс Найтингейл родилась 12 мая 1820 г. во Флоренции, где путешествовали ее родители, английские аристократы. Будучи достаточно передовым человеком, отец Флоренс позаботился о том, чтобы девочка получила всестороннее образование, которое в то время было доступно лишь мужчинам. Особое внимание было уделено изучению языков – французского, немецкого, греческого. Кроме того, Флоренс были привиты прекрасные манеры и вкус. Как отмечали современники, она была очень талантливым человеком и могла применить свои знания в любой сфере деятельности. Однако свою жизнь Найтингейл посвятила служению людям.

Еще с детства Флоренс глубоко волновали проблемы обездоленных. Проводя лето за городом, она могла наблюдать, как протекала жизнь рабочих ткацких фабрик и кустарных групп. Грубость, драки, ужасающая бедность, вид больных и безнадзорных детей навсегда врезались в память девочки. К 17 годам в ее душе сформировалось непреодолимое желание посвятить себя медицине и хоть как-то облегчить страдания несчастных.

Подобные планы не встретили понимания со стороны близких, которые считали, что молодой аристократке это ни к чему. Страх родных имел основания: больницы в то время были запущенными, грязными, в палатах царил хаос, больные в отрепьях поступали из трущоб и лачуг. Однако уговоры родственников не смогли поколебать уверенности Флоренс в правильности выбранного пути. Путешествуя с семьей по разным странам, она при первой же возможности осматривала лечебные учреждения, знакомясь со спецификой их работы, а на родине пробовала организовать домашний уход за больными и беспомощными.

В 1849 г. Найтингейл отвергла очередное предложение выйти замуж. «Нет больше любви… нет больше замужества», – записала она в своем дневнике. Ни отчаяние родных, ни гнев матери не могли остановить молодую женщину. Она покинула свой дом и отправилась в Германию, где в 1851 г. поступила на работу в лечебное учреждение в Кайзерверте, которое представляло собой несколько палат на 100 коек и школу для детей. Здесь был строгий режим: дьяконисам (служительницам) приходилось вставать в 5 утра и работать до позднего вечера. Но Флоренс, несмотря на постоянную усталость и тяжелый труд, была счастлива: ее мечта исполнилась. Домой она слала восторженные письма: «Я в Кайзерверте. Это жизнь. Я здорова…»

Проработав два года в Германии, она вернулась в Лондон, где открылась Больница комиссии частных благотворителей. Флоренс, полная энтузиазма и искреннего желания помочь людям, столкнулась с безразличием со стороны руководства больницей, которое на первое место ставило прибыль и престиж, а здоровью пациентов мало уделяло внимания.

В марте 1854 г. Англия и Франция вступили в войну с Россией. Близкий знакомый семьи Найтингейл, Сидней Герберт, занимавший в то время пост секретаря по военным делам, официально предложил Флоренс организовать отряд сестер милосердия для отправки на место боевых действий. Она с увлечением принялась за работу и, за короткий срок собрав отряд из 38 монахинь и сестер милосердия, отбыла в Скутари (Турция). Картина, представшая перед глазами Флоренс, была ужасающей: госпиталь представлял собой несколько полуразрушенных бараков, грязных и запущенных, где не было ни белья, ни предметов по уходу за больными, ни надлежащей врачебной помощи. Найтингейл вместе с другими сестрами принялась за титанический труд: они чистили бараки, организовывали горячее питание, ухаживали за больными. Флоренс писала в Лондон гневные письма, в которых рассказывала о катастрофической обстановке в госпиталях, позорной для Англии, о высокой смертности среди раненых, безжалостно клеймила организаторов военно-санитарного дела, боявшихся личной ответственности и не знавших, что следует делать. «Это не джентльмены, не воспитанные, не деловые, не люди чувства», – говорила она о них. Сама же Найтингейл проявляла «стальную выносливость», настойчивость и невиданную работоспособность, природное умение увлечь за собой людей. Среди ее медсестер не было ни одной, которая бы боялась трудностей, а Флоренс называла себя «главной хозяйкой» по уходу за больными и «прислугой для любой (грязной) работы». По воспоминаниям современников, «она каждую ночь обходила бараки, не боясь никакой заразы». Ее называли «Женщина с фонарем, несущая свет и добро».

Из конфликта с военным начальством Флоренс вышла победительницей. О ее деятельности быстро узнали в Лондоне. Был собран специальный фонд в 50 тыс. фунтов стерлингов, который поступил в ее полное распоряжение. Благодаря этому она сумела организовать достойный уход за больными, основанный на принципах санитарии. В результате этого смертность в лазаретах снизилась с 42 % до 2,2 %.

За два года упорной работы Флоренс добилась колоссальных успехов и завоевала заслуженную любовь и уважение соотечественников. Ее именем называли новорожденных девочек, ее портреты выставлялись в витринах магазинов. Возвращение Найтингейл в Англию было ознаменовано торжественным митингом и приемом.

В 1865 г. Найтингейл поручили реорганизовать армейскую медицинскую службу. Правительство выделило средства на проведение в жизнь необходимых реформ, поэтому Флоренс могла в корне изменить ситуацию в госпиталях. И хотя ей часто приходилось сталкиваться с непониманием со стороны консервативно настроенного начальства, она все же добилась, чтобы больницы были оснащены системами вентиляции и канализации, велась более четкая статистика заболеваний, а персонал в обязательном порядке проходил специальную подготовку. Один из журналов того времени писал: «Мисс Найтингейл показала, какой должна быть и была медицинская сестра: строгая и милосердная, смелая и сдержанная перед лицом страдания, одинаково внимательная к больным различных классов общества…»

В 1869 г. Найтингейл организовала школу для обучения медицинских сестер при Лондонской больнице Св. Фомы. Воспитанницы ее получали основательную научную подготовку. Флоренс подчеркивала, что «по своей сути сестринское дело как профессия отличается от врачебной деятельности и требует специальных знаний», что «дело управления больницами должны взять на себя специально обученные сестры». В это время по настоянию Найтингейл в армии велась разъяснительная работа о важности профилактики болезней.

Через год Флоренс выпустила книгу «Заметки по уходу за больными», которая в корне изменила взгляды общественности на суть сестринского дела. Придавая особое значение чистоте, свежести воздуха, тишине, правильному питанию, она характеризовала сестринское дело как «действие по использованию окружающей пациента среды в целях содействия его выздоровлению». Важнейшей задачей сестры, по мнению Найтингейл, было создание для пациента таких условий, при которых сама природа оказывала бы свое целительное действие. Она называла сестринское дело искусством, однако была убеждена в том, что это искусство требует «организации, практической и научной подготовки». Кроме того, в книге раскрывались некоторые психологические особенности больного человека и высказывалась революционная мысль, что залог выздоровления пациента – не удачно проведенная операция, а постоянный грамотный уход после медицинского вмешательства. Флоренс считала, что дело сестер милосердия – спасать раненых не только физически, но и духовно: заботиться о досуге, организовывать читальни, наладить переписку с родными. До сих пор современно звучит ее идея: «Следить надо за здоровыми, чтобы они не стали больными». Флоренс впервые показала влияние факторов окружающей среды на здоровье человека, заложив таким образом основы современной профилактики.

Английское правительство высоко оценило заслуги Найтингейл. У нее появилось много единомышленников среди видных государственных деятелей: Карлейль, Гладстон, Кингсли. Организационная работа Флоренс нашла признание во многих странах мира. Она добилась открытия школ при больницах для подготовки медицинских сестер и сама активно в них преподавала.

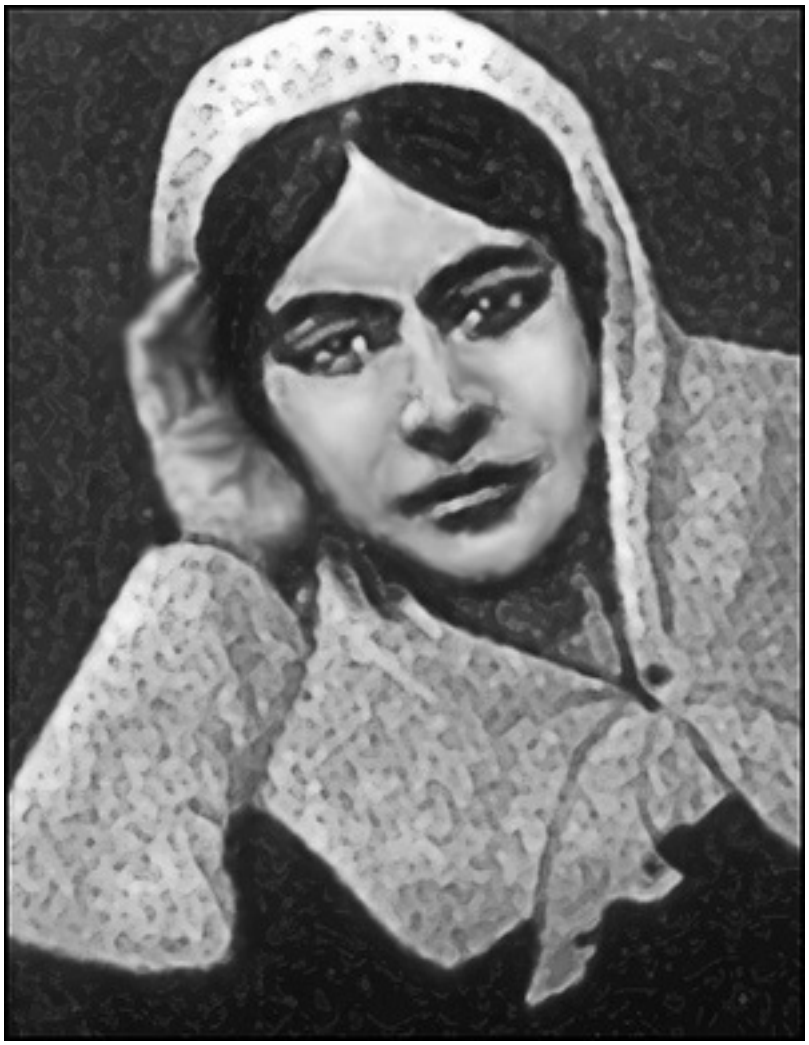
В 1873 г. в Нью-Йорке была открыта школа сестер «Дом Найтингейл». Так высоко оценили современный вклад Флоренс в развитие медицинской помощи. Сама же Найтингейл в 1883 г. была награждена Королевским красным крестом, а в 1907 г. – одним из высших британских орденов «За заслуги».

Последние годы жизни Найтингейл провела в одиночестве, развлекая себя чтением произведений Шекспира, а также древних философов. Она скончалась 13 августа 1910 г. в Лондоне, оставив после себя огромное количество медицинских школ, госпиталей и серию книг, посвященных медицине: «Заметки о госпиталях», «Заметки об уходе за больными», «Армейская санитарная администрация и ее реформа».

День рождения Флоренс – 12 мая – объявлен Всемирным днем медицинских сестер, а 50 самых выдающихся из них Международный комитет Красного креста раз в два года награждает учрежденной в 1912 г. медалью им. Ф. Найтингейл.

ВРЕВСКАЯ ЮЛИЯ ПЕТРОВНА

(род. в 1841 г. – ум. в 1878 г.)



Русская баронесса. Знаменитая сестра милосердия.

О подвиге «русской розы, погибшей на болгарской земле» (В. Гюго) написано множество статей, поэтических произведений и даже снят художественный фильм. Но ни в одном из литературных источников, ни в одном из писем ее современников нет ни слова о том, что же подвигло блистательную светскую даму Юлию Петровну Вревскую сменить бальное платье на скромный наряд медицинской сестры. Она никогда не распространялась на эту тему, и ее поступок окружила аура загадочности. Это о ней и ее многочисленных подругах (но не столь именитых) главноуполномоченный Общества попечения о раненых и больных П. А. Рихтер писал: «Русская женщина в звании сестры милосердия приобрела… почетную славу в минувшую кампанию, стяжала… неотъемлемое, всенародно признанное право на всеобщую признательность и уважение как лучший друг солдата посреди страданий и болезни». Возможно, что окружавшая Вревскую «военная жизнь» наложила отпечаток на ее характер.

Сведений об этом периоде очень мало. Известно, что Юлия была дочерью прославленного генерал-майора Петра Евдокимовича Вариховского и до десяти лет жила с матерью, бра-

тьями и сестрой в Смоленской губернии. Затем вся семья переехала на Кавказ, к месту службы отца. Атмосфера героизма, рассказы о военных событиях и подвигах, страдания искалеченных и раненых – все это не могло не оставить следа в сердце доброй и отзывчивой девушки, взрастило в ней душевную теплоту, которую она стремилась отдать людям.

Несомненно, женское очарование и ум, самоотверженность и доброта, сочетающаяся с пламенным патриотизмом, привлекли внимание к юной Юлии Петровне «одного из образованнейших и умнейших людей своего времени» (по словам декабриста А. П. Беляева) 44-летнего боевого генерала, барона Ипполита Александровича Вревского. Человеком он был незаурядным: в Школе гвардейских прапорщиков и кавалеристских юнкеров учился и дружил с М. Ю. Лермонтовым, поддерживал товарищеские отношения с ним и Р. И. Дороховым (прототип Долохова в «Войне и мире» Л. Н. Толстого). Вревский окончил Академию Генерального штаба, был знаком со многими интересными людьми того времени: братом А. С. Пушкина – Львом Сергеевичем, декабристами М. А. Назимовым, Н. И. Лореном, братьями А. П. и П. П. Беляевыми. С этими людьми общалась и Юлия Петровна, когда в 16 лет стала хозяйкой дома барона. Наверное, она ценила и любила этого человека, если согласилась принять его предложение, зная, что Вревский «женат» на черкешенке (официально брак не был признан) и имеет от нее троих детей. Николай, Павел и Мария считались «воспитанниками» барона и носили фамилию Терских. Впрочем, брак оказался непродолжительным: через год генерал погиб под пулями горцев.

Юлия Петровна вместе с матерью и младшей сестрой переехала в Петербург и как вдова прославленного генерала была ласково встречена в обществе и стала фрейлиной двора императрицы Марии Александровны. «Баронесса… считалась почти в продолжение двадцати лет одной из первых петербургских красавиц. Я во всю свою жизнь не встречал такой пленительной женщины. Пленительной не только своей наружностью, но своей женственностью, грацией, бесконечной приветливостью и бесконечной добротой. Никогда эта женщина не сказала ни о ком ничего дурного и у себя не позволяла злословить, а, напротив, всегда и в каждом старалась выдвинуть его хорошие стороны. Многие мужчины за ней ухаживали, много женщин ей завидовали, но молва никогда не дерзнула укорить ее в чем-нибудь. Всю жизнь свою она пожертвовала для родных, для чужих, для всех…» – так рассказывал о Вревской писатель В. А. Соллогуб, знавший ее еще по Кавказу.

Юлия Петровна спешила делать добро, была щедра и справедлива. Большой заботой и вниманием она окружила детей покойного супруга и приложила массу усилий, чтобы его сыновья и дочь получили имя и титул отца. Доставшееся от мужа имение и состояние Вревская отдала теперь уже законным наследникам Ипполита Александровича.

В течение многих лет баронесса слыла одним из самых блистательных умов Петербурга, и среди ее друзей были писатели Д. В. Григорович, В. А. Соллогуб, поэты Я. П. Полонский, П. В. Шумахер, художники В. В. Верещагин, И. К. Айвазовский. Была она знакома и с Виктором Гюго и Полиной Виардо. Часть времени Вревская посвятила путешествиям по Италии, Египту и Палестине, сопровождая в поездках за границу императрицу.

Но несмотря на постоянный успех, светская жизнь Юлию Петровну не прельщала. При дворе ей было более скучно и неуютно, чем у себя в имении в Мишково (Орловская губ.). В 1873 г. она познакомилась с И. С. Тургеневым и часто общалась с ним в Петербурге. Когда летом 1874 г. Иван Сергеевич заболел, баронесса, пренебрегая светскими условностями, пять дней ухаживала за писателем в его имении Спасском-Лутовинове. Тургенев был откровенно неравнодушен к Вревской и в письмах признавался, что не затруднился бы «отдать яблоко» Париса ей. Только вот Юлия Петровна не согласна была делить «яблоко» с Полиной Виардо, с которой Тургенев фактически состоял в гражданском браке.

Они стали хорошими друзьями и переписывались до последних дней ее жизни. (Сохранились только письма Тургенева.) Вревская оставила «глубокий след» в его душе: «Я чувствую,

что в моей жизни с нынешнего дня одним существом больше, к которому я искренне привязался, дружбой которого я всегда буду дорожить, судьбами которого я всегда буду интересоваться».

Юлия Петровна и Тургенев продолжали встречаться в Петербурге, Париже, Карлсбаде. Он хорошо знал о ее увлечении театром, понимал ее мечты о дальних поездках в Индию, Испанию, Америку; они обменивались впечатлениями о книгах и художественных выставках. «Сербская катастрофа» (1876 г.), которая так огорчила Тургенева, стала для Вревской испытанием духа и характера. После того как Россия 12 апреля 1877 г. объявила войну Турции, Юлия Петровна, неожиданно для всех, вступила в ряды добровольцев, неравнодушных к беде братьев-славян. Она добилась разрешения на свои средства организовать санитарный отряд из 22 врачей и сестер. Больше того, баронесса сама «училась ходить за больными и утешала себя мыслью, что делает дело». Она словно повторяла путь Елены Стаховой, описанный Тургеневым в романе «Накануне».

Незадолго до отъезда Юлии Петровны на Балканы писателю было суждено встретиться с ней на даче Я. П. Полонского. Присутствующий там К. П. Ободовский так описал это событие: «Тургенев прибыл не один. С ним вместе приехала дама в костюме сестры милосердия. Необыкновенно симпатичные, чисто русского типа черты лица ее как-то гармонировали с ее костюмом».

19 июня 1877 г. баронесса Ю. П. Вревская прибыла в румынский город Яссы для работы рядовой сестрой милосердия Свято-Троицкой общины в 45-м военно-временном эвакуационном госпитале. Медицинского персонала катастрофически не хватало: в день приходило от одного до пяти поездов с ранеными. Иногда число людей, нуждающихся во врачебной помощи, превышало 11 тысяч. Вревская писала сестре: «Мы сильно утомились, дела было гибель: до трех тысяч больных в день, и мы иные дни перевязывали до 5 часов утра не покладая рук». Кроме того, сестры по очереди раздавали лекарства, кормили тяжелораненых, заведовали кухней, следили за сменой белья. Баронесса, придворная дама, привыкшая к роскоши и уюту, в своих письмах никогда не жаловалась на военные тяготы.

Особенно трудно Юлии Петровне пришлось в декабре 1877 г. После четырехмесячной напряженной работы ей был назначен отпуск, и она собиралась провести его с сестрой на Кавказе. Но, узнав от уполномоченного Красного Креста князя А. Г. Щербатова, что многие госпитали закрываются из-за отсутствия средств и медсестер, изменила свое решение. Юлия Петровна отправилась в небольшое болгарское местечко Бяла. В посланиях к Тургеневу Вревская писала: «…мету я свою комнату сама, всякая роскошь тут далека, питаюсь консервами и чаем, сплю на носилках раненого и на сене. Всякое утро мне приходиться ходить за три версты в 48-й госпиталь, куда я временно прикомандирована, там лежат раненые в калмыцких кибитках и мазанках. На 400 человек нас 5 сестер, раненые все очень тяжелые. Бывают частые операции, на которых я тоже присутствую…» Скупо рассказывала она о своих лишениях и с болью и гордостью – о русских героях: «Это жалости подобно видеть этих несчастных поистине героев, которые терпят такие страшные лишения без ропота; все это живет в землянках, на морозе, с мышами, на одних сухарях, да, велик Русский солдат!»

Юлию Петровну, великолепно справляющуюся с перевязками, назначили ассистентом при ампутациях. Оказавшись в Бяле, фактически на линии фронта, она приняла участие в сражении у Мечки, вынося под градом пуль из боя раненых и оказывая им первую помощь. А ведь императрица передавала баронессе просьбу вернуться ко двору. Вревская была возмущена до предела словами, переданными ей князем Черкасским: «“Не хватает мне Юлии Петровны. Пора уже ей вернуться в столицу. Подвиг свершен. Она представлена к ордену…”. Как меня злят эти слова. Они думают, что я приехала сюда совершать подвиги. Мы здесь чтобы помогать, а не получать ордена». В высшем обществе поступок Вревской продолжали считать экстравагантной выходкой, а она просто делала «дело», не считая это героизмом.

Условия в Бяле были ужасными. Раненые и персонал размещались в кибитках и сырых мазанках. Силы Вревской были не беспредельны. Когда раненых начал валить сыпной тиф, слабый организм Юлии Петровны не выдержал. «Четыре дня ей было нехорошо, не хотела лечиться… вскоре болезнь сделалась сильна, она впала в беспамятство и была все время без памяти до кончины… очень страдала, умерла от сердца, потому что у нее была болезнь сердца», – писала сестра Вревской со слов очевидцев. Юлия Петровна умерла 5 февраля 1878 г. Раненые сами ухаживали за такой отзывчивой и нежной «сестренкой», сами выкопали могилу в промерзшей земле. Они же несли ее гроб.

Юлия Петровна хотела быть похоронена в Сергиевой пустыне под Петербургом, где покоились ее мать и брат, но судьба распорядилась иначе. Вревскую опустили в землю около православного храма в Бяле. На ней было платье сестры милосердия. М. Павлов писал: «Не принадлежа, в сущности, к Общине сестер, она тем не менее безукоризненно носила красный крест, со всеми безразлично была ласкова и обходительна, никогда не заявляла никаких личных претензий и своим ровным и милым обращением снискала себе общее расположение. Смерть Юлии Петровны произвела на всех нас, оторванных, подобно ей, от всего нам близкого, тяжелое впечатление, и не одна слеза скатилась при погребении тела покойной».

Огорчила эта смерть и Тургенева, откликнувшегося стихотворением в прозе: «Она была молода, красива; высший свет ее знал; об ней осведомлялись даже сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились…. два-три человека тайно и глубоко любили ее. Жизнь ей улыбалась; но бывают улыбки хуже слез.

Нежное кроткое сердце… и такая сила, жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи… она не ведала другого счастья… не ведала – и не изведала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она с этим давно помирилась, – и вся, пылая огнем неугасимой веры, отдалась на служение ближним.

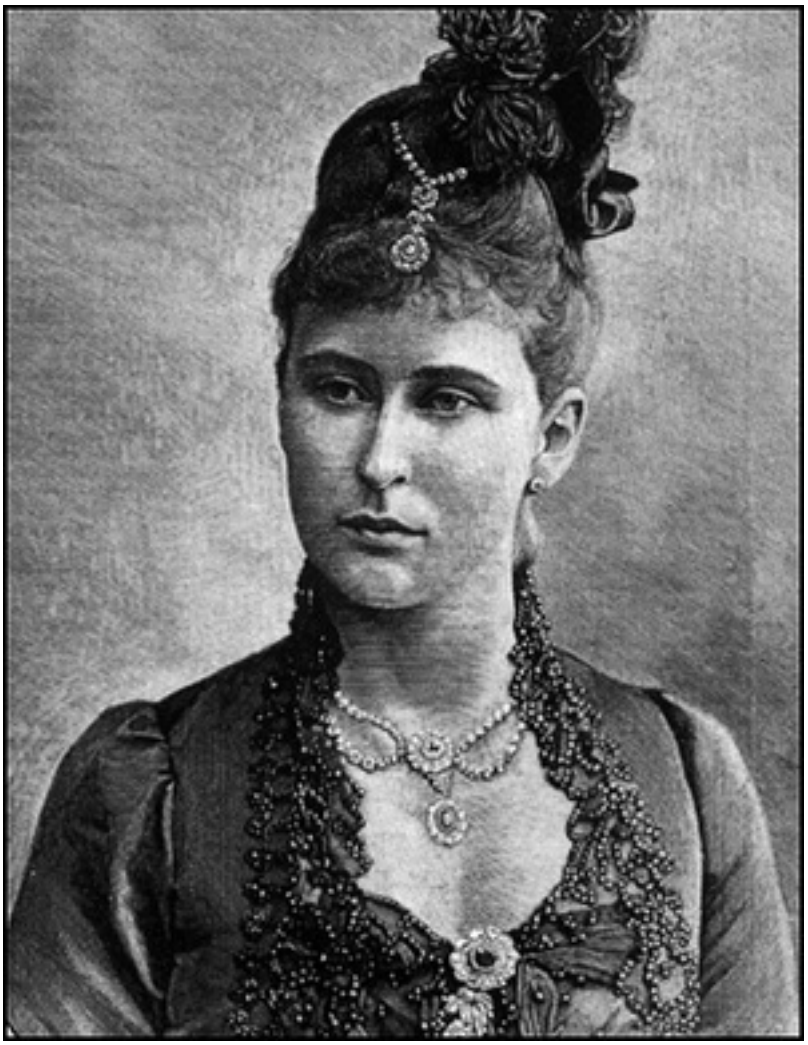
Какие заветные клады схоронила она там, в глубине души, в самом ее тайнике, никто не знал никогда – а теперь, конечно, не узнает.

Да и к чему? Жертва принесена… дело сделано».

Так имя баронессы Ю. П. Вревской вошло в историю как символ морального облика медицинской сестры и человеколюбия.

РОМАНОВА ЕЛИЗАВЕТА ФЕОДОРОВНА

(род. в 1864 г. – ум. в 1918 г.)



Старшая сестра жены императора Николая II. Основательница Марфо-Маршинской обители сестер милосердия. Канонизирована Русской православной церковью.

В ее духовном подвиге мы видим соединение путей святости. Она и благоверная княгиня, и праведница, и преподобная, и мученица. Она следовала словам пророка Исайи, который на вопрос Бога: «Кого мне послать, и кто пойдет для Нас?» – ответил: «Вот я, пошли меня». Ее жизнь – дивное соединение путей святых праведных Марфы и Марии в новое время. Первая из святых жен Руси – святая равноапостольная великая княгиня Ольга до обращения своего к вере Христовой не прощала врагов своих и жестоко отомстила за смерть своего мужа. Почти через 1000 лет святая великая княгиня Елизавета не только простит убийцу мужа, но перед своей мученической кончиной будет молиться о прощении своих палачей.

Святая преподобномученица Елизавета Феодоровна родилась 1 ноября 1864 г. в большой семье великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV и принцессы Алисы Англий-

ской, дочери королевы Виктории, и до принятия православия носила имя Елизавета-Александра-Луиза-Алиса, а близкие называли ее Эллой.

Дети воспитывались в традициях старой Англии, их жизнь проходила по строгому распорядку, установленному матерью. Одежда и еда были самыми простыми. Старшие дочери сами выполняли домашнюю работу: убирали комнаты, постели, топили камин. Впоследствии Елизавета Феодоровна говорила: «В доме меня научили всему». Мать внимательно следила за развитием талантов и наклонностей каждого из семерых детей и старалась воспитать их на твердой основе христианских заповедей.

В 1876 г. в Дармштадте началась эпидемия дифтерита, заболели все дети, кроме Елизаветы. Вскоре умерла маленькая Мария, а вслед за ней заболела и скончалась сама 35-летняя великая герцогиня Алиса. В тот год закончилась для Эллы пора детства. В горе она стала еще чаще и усерднее молиться. Придя к выводу, что жизнь на земле – это крестный путь, она всеми силами старалась облегчить горе отца, поддержать его, утешить, а младшим своим сестрам и брату в какой-то мере заменить мать.

На двадцатом году жизни она вышла замуж за великого князя Сергея Александровича, родного брата российского императора Александра III. По мнению многих современников, это был человек жестокий, деспотичный и консервативный. Не только в аристократических кругах, но и в самых разных слоях русского общества ходили слухи о противоестественном увлечении великого князя Сергея молодыми людьми. Его племянник, великий князь Александр Михайлович, вспоминал: «При всем желании отыскать хотя бы одну положительную черту в его характере я не смогу ее найти… Упрямый, дерзкий, неприятный, он бравировал своими недостатками, точно бросал в лицо всем вызов и давал, таким образом, врагам богатую пищу для клеветы и злословия».

В последнем недостатка не было. Великий князь Сергей вызывал критику даже у консерваторов, которые упрекали его, ярого монархиста, в излишнем либерализме. Что же касается левых – для них он был настоящим символом политического врага. «Трудно было придумать больший контраст, чем между этими двумя супругами! – говорил племянник. – Редкая красота, замечательный ум, тонкий юмор, ангельское терпение, благородное сердце – таковы были благодетели этой удивительной женщины. Было больно, что женщина ее качеств связала свою судьбу с таким человеком, как дядя Сергей».

Элла же считала, что за отталкивающим поведением, снобизмом и буквально написанными на лице великого князя скукой и презрением скрываются гордость и застенчивость. Когда кто-то из близких выразил ей сочувствие по поводу не сложившейся семейной жизни, она была искренне удивлена: «Но меня нечего жалеть. Несмотря на все, что можно обо мне говорить, я счастлива, потому что любима».

Великая княгиня Елизавета была очень молода, когда приехала в Россию, и так красива, что считалась самой ослепительной невестой Европы 80-х гг. XIX века. Однако в свете она появлялась редко, вела жизнь простую и спокойную. Элла много читала, занималась изучением русского языка, музыкой и живописью. С первых дней своего замужества молодая великая княгиня уделяла много времени милосердию и благотворительности. Она посещала детские приюты, дома престарелых, госпитали и тюрьмы. Много позже, во время русско-японской войны, Елизавета организовала несколько санитарных поездов, устроила в Москве госпиталь для приема раненых, а в Кремлевском дворце – швейную мастерскую для нужд фронта.

Большую часть года великая княгиня жила с мужем за городом, в имении Ильинское, на берегу реки. Она любила Москву с ее старинными храмами, монастырями и патриархальным бытом. Православный уклад жизни стал созвучен душевному настрою Елизаветы, и она все чаще задумывалась о переходе в веру своей новой семьи. В 1884 г. вместе с супругом она совершила паломничество в Палестину к святым местам, а спустя семь лет, несмотря на протесты родственников, приняла православие с именем Елизавета Феодоровна.

1905 г. стал переломным в жизни великой княгини. На ее мужа, бывшего в течение долгого времени московским генерал-губернатором, готовилась серия покушений. По просьбе жены он подал в отставку и получил ее, но изменить ход событий было уже невозможно. 4 февраля брошенная Иваном Каляевым бомба разнесла вдребезги карету великого князя. Как отметил находившийся неподалеку агент охранки, «в толпе, сбежавшейся к месту взрыва, не нашлось ни одного человека, который бы снял шапку». Это заметила и сама великая княгиня, которая собирала останки мужа, стремясь укрыть их от глаз любопытной толпы. Еще несколько лет назад такое отношение народа к гибели одного из членов царской семьи было бы немыслимым. Но зимой 1905 г. никто уже не плакал. Больше того, в бесстрастном документе полиции написано черным по белому: «Все ликуют».

В продолжение пяти дней Елизавета не выходила из церкви, пытаясь в молитве найти утешение. Истинное милосердие побудило ее накануне похорон мужа навестить его убийцу в московской тюрьме, простить его, призвать осознать свой грех и раскаяться, а затем подать прошение Николаю II о помиловании Каляева. Впрочем, сам осужденный не желал изменения приговора, считая, что его смерть принесет революционному делу больше пользы, чем факт убийства великого князя.

После долгого траура Елизавета Феодоровна приняла решение посвятить себя страдающим и обездоленным. В знак осуждения насилия великая княгиня отказалась от шефства над полком, расстрелявшим демонстрацию рабочих 9 января 1905 г. на Дворцовой площади. Затем она разделила свое имущество на три части: одну – в казну, вторую – родственникам мужа. На средства, полученные от распродажи третьей, самой значительной части, она приобрела усадьбу с четырьмя домами и садом на Большой Ордынке в Москве. Здесь она основала и возглавила обитель милосердия, назвав ее Марфо-Мариинской в память о сестрах Лазаря, предложивших Христу два вида служения, два рода любви и дружбы – деятельную и созерцательную. Этот принцип материальной помощи и труда духовного удивительным образом сочетался в обители, прославившейся на всю Россию. Это не был монастырь в полном и строгом смысле слова. Полумонахини-полупослушницы вольны были уйти в мир в любое время, хотя сама настоятельница жила по уставу, удивлявшему всех строгостью и мало кому доступным аскетизмом…

Работать и консультировать в обительской больнице почитали за честь лучшие московские врачи. Здесь обеспечивали бесплатным лечением, лекарствами, призрением самых обездоленных. За один только 1913 г. ее амбулаторию посетили около 11 тыс. больных, а в столовой ежедневно питались более 200 стариков и детей.

С началом Первой мировой войны часть сестер отправилась в полевые госпитали, а великая княгиня организовала комитет по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну, который координировал деятельность свыше 4 тыс. мелких благотворительных учреждений и местных отделений. Комитет осуществлял снабжение солдатских семей семенами, продовольствием по заготовительной цене или бесплатно, устраивал дешевые столовые, приюты для детей, ясли.

Русской не по крови, но по духу, любви к народу, состраданию к его бедам стала за годы жизни в России скромная принцесса из маленького немецкого герцогства. За эту любовь она заплатила жизнью. После заключения Брестского мира правительство кайзера добилось согласия советской власти на выезд великой княгини Елизаветы за границу. Когда германский посол Мирбах дважды пытался увидеться с настоятельницей Марфо-Мариинской обители, она не приняла его и категорически отказалась покинуть Москву, охваченную пламенем революции: «Я никому ничего дурного не сделала. Буде воля Господня».

Весной 1918 г. Елизавета Феодоровна и одна из сестер обители, не пожелавшая оставить свою настоятельницу, 35-летняя монахиня Варвара Яковлева были арестованы. Вместе с членами императорской фамилии – великим князем Сергеем Михайловичем, тремя сыновьями

великого князя Константина Константиновича (поэта, писавшего под псевдонимом К.Р.) и 17-летним князем Палеем – они были отправлены в уральский городок Алапаевск.

В ночь на 18 июля 1918 г. алапаевских узников вывезли за город к заброшенным рудникам. Оказавший сопротивление чекистам великий князь Сергей Михайлович был убит выстрелом в голову, а остальные – живыми сброшены в одну из шахт, где приняли мучительную смерть от ран и жажды. Когда спустя три месяца следственная комиссия колчаковской армии подняла тела погибших наверх, то оказалось, что голова одного из юношей была тщательно перевязана косынкой великой княгини. Израненная, умирающая, она нашла в себе силы облегчить страдания ближнего.

Останки настоятельницы Марфо-Мариинской обители и добровольно пошедшей за нею инокини Варвары в 1921 г. были перевезены сначала в Китай, а затем в Иерусалим и установлены под сводами храма святой равноапостольной Марии Магдалины на Елеонской горе в Гефсимании.

Спустя 60 лет Русская зарубежная православная церковь причислила великую княгиню Елизавету к лику святых. Проходивший в апреле 1992 г. в Свято-Даниловом монастыре архиерейский собор Русской православной церкви канонизировал великую княгиню Елизавету Феодоровну и инокиню Варвару, причислив их к новомученикам российским, и установил днем празднования их церковной памяти 5(18) июля.

РЕРИХ ЕЛЕНА ИВАНОВНА

(род. в 1879 г. – ум. в 1955 г.)

Литератор, философ, мистик, путешественница. Автор книг «Основы буддизма», «Криптограммы Востока», «Знамя Преподобного Сергия Радонежского», перевода «Тайной Доктрины» Е. Блаватской, а также избранных писем махатм к Синету («Чаша Востока»).

Выдающийся русский художник и писатель, историк и путешественник Николай Константинович Рерих – явление в истории русской культуры столь исключительное, что его имя давно стало символом, легендой. Но справедливости ради стоит заметить, что символ этот должен звучать во множественном числе – «Рерихи», поскольку великий живописец и его жена Елена Ивановна Рерих (Шапошникова) составляли единое целое и неразделимы в нашем сознании. Сердечный и творческий союз этих двух людей – высокий образец человеческой гармонии. На склоне лет Николай Рерих напишет в своем дневнике о совместно прожитых с Еленой Ивановной годах: «Сорок лет – немалый срок. В таком дальнем плавании могут быть извне встречены многие бури и грозы. Дружно проходили мы все препоны. И препятствия обращались в возможности. Посвящал я книги мои «Елене, жене моей, другине, спутнице,

вдохновительнице». Каждое из этих понятий было испытано в огне жизни. И в Питере, и в Скандинавии, и в Англии, и в Америке, и во всей Азии мы трудились, учились, расширяли сознание. Творили вместе, и недаром сказано, что произведения должны бы носить два имени – женское и мужское».

Елену и Николая Рерихов объединили не только любовь и дружба, но и общее стремление к Высокому, желание служить общему благу. Их жизненный путь, начавшись в России, в Санкт-Петербурге, пролег по странам Европы, Америки, Азии. По существу, Елена Ивановна и Николай Константинович были путниками, странниками, которые в любой стране мира находили общий язык с людьми, оставляя по всему свету «свои магниты» – многочисленные полотна, книги, созданные ими музеи и общества. В полной мере заслужили они свою фамилию «Рерих», которая в переводе на русский язык означает «богатый славой».

Елена Ивановна Шапошникова – правнучка великого полководца М. И. Кутузова и двоюродная племянница композитора М. П. Мусоргского, принадлежала к знатному роду. По последней линии род Шапошниковых, к слову, как и род Рерихов, восходил к Рюрикам. Отец Елены Ивановны, архитектор, умер рано, и девочка жила вдвоем с матерью, Екатериной Васильевной (урожденной Голенищевой-Кутузовой). С юных лет Елену привлекало все прекрасное: она великолепно рисовала, имела музыкальные способности. Почти каждое лето девушка вместе с матерью проводила в имении князя Путятина, в семье которого интересовались искусством. Старый князь, принадлежащий к богатой петербургской знати, был мужем тетки Елены. Именно там, в Бологом, в княжеском имении Елена Шапошникова познакомилась с молодым Николаем Рерихом. Эта судьбоносная для них обоих встреча произошла летом 1899 г. Юная девушка, отличавшаяся необыкновенной красотой, обаянием и тонким душевным складом, произвела на Николая Рериха чрезвычайно сильное впечатление. Елена, для которой мир искусства всегда был желанным, с не меньшим интересом отнеслась к живописцу и его занятиям. Ее чистая, жаждущая красоты и знаний молодая душа раскрылась перед человеком, который принадлежал к этому заветному миру. Еще совсем юной девочкой Елена мечтала о том, что выйдет замуж за человека искусства и будет его источником вдохновения, его Музой. Ее свидания с Николаем Рерихом продолжились в Петербурге, куда влюбленные вернулись осенью. «Сегодня была Е. И. в мастерской. Боюсь за себя – в ней очень много хорошего. Опять мне начинает хотеться видеть ее как можно чаще, бывать там, где она бывает», – писал в те дни Рерих.

В 1900 г. Николай сделал Елене предложение, и она приняла его. Родственники девушки отнеслись к ее помолвке с молодым живописцем без особого энтузиазма, поскольку хотели, чтобы она вышла замуж за единственного наследника волжского пароходовладельца. Но Елена не поддавалась ни на какие уговоры, она верила, что не ошиблась в выборе спутника. Молодые люди решили пожениться, как только завершится зарубежная творческая поездка Рериха. Из взволнованных строчек рериховских писем, которые писал он своей Елене из Парижа, зримо проступает ее образ: «Милая, как приятно сознавать, что есть человек, который несет мне свою душу (очень чистую), и как приятно и себя нести ей всего. Голубушка, как же люблю я Тебя. От нас зависит, сорвем ли туман с далекой зари, и неужели наша любовь так несовершенна, что не даст нам для этого могучей силы? Вихрь труда, скачка без оглядки, широкая жизнь в наилучших ее проявлениях – все это обещает нам дружное, общее наше существование. Я верю, что Ты появилась, чтобы дать мне новые силы… и помочь в жизненной битве… Знаю, что Ты для меня будешь родной в наилучшем значении этого слова, милая, хорошая моя Лада». Долгожданный день бракосочетания наступил осенью 1901 г. Лада, как называл Николай Рерих свою любимую, стала женой, матерью двух талантливых сыновей, другом и соратницей на всю жизнь. В 1902 г. в семье Рерихов родился сын Юрий, а еще через два года – второй сын, Святослав. Воспитанию детей родители уделяли много времени и внимания. В дружной, трудолюбивой семье к мальчикам относились как к равноправным ее членам. Рерихи

неустанно стремились к тому, чтобы ни в их собственных душах, ни в душах их детей не было места раздражению и злости, нетерпимости и лжи. «Раздражение порождает в организме особый яд… поэтому понятно, что все эти мелочи не имеют такой дорогой цены, как наш дух и здоровье нашего тела. Хватит небольшого усилия воли, незначительного напряжения, одной мысли, что мы должны быть выше и сильнее мелких обстоятельств…» – говорила Е. Рерих.

«На путях житейских и духовно-творческих» супруги Рерихи никогда не разлучались. Своей Ведущей называл Рерих жену. Никто бы не мог сказать о Елене Ивановне лучше, чем это сделал он: «Правда, справедливость, постоянный поиск Истины и любовь к творческому труду преображают всю жизнь вокруг молодого, сильного духа. И весь дом, и вся семья – все строится на тех же благодатных началах. Все трудности и препятствия переносятся с тем же стойким упорством. Приобретенные знания и стремление к совершенству дают непобедимое решение задач, что ведет всех окружающих единым светлым путем. Мучительно переживается любое невежество, происходят исцеления, и духовные, и физические. Жизнь ее с раннего утра и до вечера истинно трудовая – все на пользу обществу. Ведется обширная корреспонденция, пишутся книги, переводятся многотомные труды – и все это при удивительной неутомимости духа».

В 1903–1904 гг. супруги Рерихи совершили несколько длительных поездок, посетив более сорока российских городов. Они изучали архитектуру, старинные обычаи, ремесла России, принимали плодотворное участие в археологических раскопках. В эти же годы мысли ученых все больше занимают философские учения Востока. Увлечение восточной культурой, в особенности индийской, издавна было свойственно русской интеллигенции, и потому не являлось исключительным для Рерихов. К тому же на начало XX века пришелся наивысший расцвет русской индологии. Елена Ивановна и Николай Константинович, как и многие их современники, с интересом изучали труды выдающихся индийских мыслителей Вивекананды и Рамакришны, читали «Бхагавадгиту», «Махабхарату» и «Рамаяну», произведения Р. Тагора. Неудивительно, что интерес Рерихов к Индии и Тибету во многом определил их дальнейшие научные поиски и оказал решающее влияние на пройденный ими жизненный путь.

В 1916–1918 гг. Рерихи жили в Карелии, где заболевший тяжелым воспалением легких Николай Рерих проходил лечение. После Октябрьского переворота территория Карелии перешла к Финляндии, и родина стала для них недосягаемой. Но, сохраняя надежду на возвращение, Елена Ивановна и Николай Константинович и на чужбине продолжали упорно и много работать. В это время семья Рерихов начала готовиться к длительной экспедиции на Восток. Там, в средоточии древнейших духовных традиций, они хотели найти подтверждение своим убеждениям о глубинном родстве, преемственности и взаимопроникновении двух культур – западной и восточной. 24 марта 1920 г. в Лондоне состоялось знаменательнейшее для Рерихов событие – встреча с тем, кто навсегда стал для них духовным Учителем, Махатмой, как на восточный лад именовали они великого гималайского мудреца. Именно с этого дня Елена Рерих начала работу над текстами Учения Агни Йоги, или Живой Этики. По утверждению самих Рерихов, это Учение, представляющее собой слияние всех древних и современных философских, религиозных и этических принципов жизни, является «Учением, даруемым Махатмами современному человечеству». Самой большой силой в мире назовет впоследствии Елена Рерих Учение Живой Этики. «Ведь это синтез всех учений, – напишет она, – но в новом осознании всех Основ Бытия и на новом понимании космического значения человека и его страстной ответственности в поддержании равновесия в мире. Как прекрасно осознание Полноты Бытия! Эта мысль красной нитью проходит в Учении, столь щедро проливаемом сейчас на помощь страждущему и смятенному человечеству. Истинно, Новое Откровение, явленное светом учения, станет Учением Ведущим, и книги станут книгами любимыми, настольными».

Рерихи были убеждены, что приобщение к основам Живой Этики способствует духовно-нравственному очищению и внутреннему преображению людей. Нужно отметить, что ни Елена

Ивановна, ни Николай Константинович никогда не считали себя авторами книг Живой Этики, о чем неоднократно заявляли. Они утверждали, что выступают в роли «связующего звена между Махатмами и человечеством», являются проводниками и передатчиками их Учения.

Работа над формированием Живой Этики продолжалась и во время знаменитого трансгималайского путешествия Рерихов. Экспедиция, за время которой супруги побывали в Индии, Монголии и на Тибете, продолжалась пять лет – с 1923 по 1928 гг. Вместе с мужем и старшим сыном Елена Ивановна преодолела 25 тыс. км нелегкого пути. Отважным ученым не могли помешать ни суровые морозы, ни снежные бури, ни нападения кочевников. Их не испугали, казалось бы, непреодолимые водные и горные преграды. Почти шесть месяцев провела экспедиция на высокогорном плато в Тибете, оказавшись в его ледяном плену. Британская разведка, которая считала Рерихов большевистскими агентами, не желала выпускать их оттуда. И все же именно во время экспедиции Елене Ивановне и ее мужу удалось побывать на родине. В 1926 г. вместе со своим старшим сыном они в качестве «специальных представителей Махатм, выполняющих их поручение» приехали в Москву. Встретившись с Крупской, Чичериным, Луначарским, Рерихи передали им послание гималайских Учителей с предложением о политическом и культурном сближении Советского Союза и Востока. Но со стороны руководителей культуры советского государства эта инициатива поддержки не получила.

Завершив свое большое путешествие в 1928 г., семья Рерихов обосновалась в Западных Гималаях, в долине Кулу. Там ученые основали Гималайский институт научных исследований, названный «Урусвати» в честь его почетного президента – Елены Ивановны Рерих. Таким поэтичным именем, означающим «Свет Утренней Зари», Елену Ивановну нарекли на Востоке. Для многих людей эта женщина стала духовным наставником, раскрывая перед ними основные положения Живой Этики. Под руководством своего духовного Учителя Елена Рерих самоотверженно изучала и исследовала неизвестные виды энергии, щедро делясь полученными результатами. Она переписывалась с огромным количеством людей, рассуждая в письмах о психической и духовной энергии, о Космических Законах, о великой роли женщины в обществе и о многом другом. Сравнительно недавно «Письма Елены Рерих» были опубликованы в трех томах.

Долгие годы Елена и Николай Рерихи стремились вернуться на родину, но их мечтам так и не суждено было осуществиться. В самый разгар хлопот о возвращении в Советский Союз, 13 декабря 1947 г. не стало Николая Константиновича. В этот тяжелейший период жизни духовной поддержкой для Елены Ивановны стало письмо Учителя, по ее утверждению, полученное «по беспроволочному (телепатическому) телеграфу»: «Осиротевшая Моя, нужно принять новую ношу. Храните силы. Надо до Родины донести “Чашу”…»

Оставшиеся годы жизни Елена Рерих полностью подчинила этому стремлению: «Донести до Родины “Чашу” – “Чашу огненного синтеза духовных культур Запада и Востока”». Как и ее муж, Елена Ивановна была убеждена, что именно Россия должна стать «оплотом новой цивилизации, идущей на смену прежней». Не случайно первую книгу Живой Этики Елена Ивановна начинает со слова «Россия»: «В Новую Россию Моя первая весть». После смерти мужа, теперь уже вместе со старшим сыном Юрием Николаевичем, ставшим выдающимся востоковедом, а также двумя названными дочками Ираидой и Людмилой, которым Рерихи заменили родителей, она неустанно продолжала хлопотать о возвращении на родину. Но только в 1957 г. Юрий Николаевич и его названные сестры смогли вернуться в СССР (младший сын, известный художник Святослав Николаевич, женатый на индийской актрисе Д. Рани, остался в Индии).

К тому моменту, как детям Елены Ивановны Рерих удалось вернуться на родину, ее самой уже не было в живых. Земной путь этой замечательной женщины завершился 5 октября 1955 г. в Калимпонге. Но, как говорил Джавахарлал Неру, творчество и труды таких людей, как Елена Ивановна Рерих, «имеют мало общего с жизнью и смертью личности. Они выше этого, они

продолжают жить и в действительности являются более долговечными, нежели человеческая жизнь».

КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА (СКОБЦОВА) ЕЛИЗАВЕТА ЮРЬЕВНА (МАТЬ МАРИЯ)

(род. в 1891 г. – ум. в 1945 г.)

Поэт, прозаик, публицист, художник, философ, общественный и религиозный деятель.

В человеческой памяти эта необыкновенная женщина осталась под именем, принятым в монашестве, – мать Мария. Последнее и окончательное имя, перекрывшее те, которыми она звалась прежде. В девичестве – Лиза Пиленко, в замужестве – Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, во втором браке – Скобцова. За каждым именем – новый жизненный этап, множество ярких, прекрасных событий и столько же трагических! «В личности матери Марии были черты, которые так пленяют в русских святых женщинах – обращенность к миру, жажда облегчать страдания, жертвенность, бесстрашие», – говорил о ней философ Николай Бердяев.

Лиза впервые увидела свет 20 декабря 1891 г. в Риге, где отец ее – Юрий Дмитриевич Пиленко – служил в должности товарища прокурора окружного суда. Потомственный дворянин, он был юристом по образованию, а по призванию – увлеченным агрономом-виноградарем.

И когда в 1895 г. два печальных события, последовавших одно за другим (кончина родителей), потребовали его присутствия в анапских поместьях – Хан Чокрак и Джемете, он решил оставить службу и перевез семейство от холодного Балтийского к теплому Черному морю. Юрий Дмитриевич и три его сестры были хорошими виноделами. Став взрослой, этим будет увлекаться и Елизавета Юрьевна, продолжая семейную традицию. После Февральской революции она подарит местным крестьянам усадьбу Хан Чокрак с просьбой устроить там школу для детей; школа была создана и существовала до конца 40-х гг.

В Петербург Лиза впервые попала весной 1894 г. Мать, Софья Борисовна (урожденная Делоне), привезла девочку на дачу к своей тетке Е. А. Яфимович, в прошлом фрейлине при дворе великой княгини Елены Павловны. С той поры и вплоть до 1906 г. Софья Борисовна с Лизой и младшим сыном Дмитрием приезжали к ней почти ежегодно. Весной 1905 г. Ю. Д. Пиленко был назначен директором Императорского Никитского ботанического сада и Никитского училища садоводства и виноделия. Семья переехала в Ялту. Год спустя неожиданно и скоропостижно Юрий Дмитриевич скончался, а вслед за ним в Петербурге умерла крестная мать Елизаветы Е. А. Яфимович. Вдова с детьми наскоро продала часть земель и засобиралась в столицу, поближе к родственникам. Несмотря на более чем скромные средства, Лиза училась в дорогих частных гимназиях, а в 1909 г. поступила на философское отделение историко-филологического факультета Высших женских (Бестужевских) курсов. Здесь она слушала лекции философов С. Л. Франка, Н. О. Лосского, юриста Л. И. Петражицкого. Впрочем, проучилась Елизавета Пиленко на курсах не более полутора лет.

Зимой 1908 г. на одном из вечеров современной поэзии гимназистка Лиза впервые увидела выступающего с эстрады Александра Блока. Можно сказать, что встреча эта определила всю дальнейшую жизнь Елизаветы Юрьевны. Любовь поселилась в сердце девушки и красной нитью прошла по ее судьбе – любовь, которую поэт не счел для себя возможным разделить. В один из февральских дней Елизавета пришла на квартиру Блока, чтобы получить, как писала уже будучи монахиней, ответы на вопросы о смысле жизни, поделиться своими исканиями и сомнениями, показать свои стихи. Позже она вспоминала: «Странное чувство… я оставила часть души там. Это не полудетская влюбленность. На сердце скорее материнская встревоженность и забота. А наряду с этим сердцу легко и радостно…» Вскоре Лиза получила письмо от поэта, в которое было вложено стихотворение «Когда вы стоите на моем пути…»

В конце февраля 1910 г. неожиданно для родных, подруг и для себя она выходит замуж. Супруг – Дмитрий Владимирович Кузьмин-Караваев – юрист и историк, был близок к эстетствующим модернистским литературным кругам, куда ввел и молодую жену. Увлеченная поэзией, она подружилась с Анной Ахматовой, Николаем Гумилевым, другими поэтами «Серебряного века», была участницей «сред» в знаменитой «Башне» Вячеслава Иванова, активным членом «Цеха поэтов», гостила в Коктебеле у М. А. Волошина, посещала собрания Религиозно-философского общества. Скоро Елизавета Юрьевна сама начала печататься: в 1912 г. вышла первая книга стихов «Скифские черепки», а в 1916 г. – поэтический сборник «Руфь», где все больше стали сказываться ее религиозные искания и утверждающееся в душе христианство. К слову сказать, она стала первой женщиной, заочно изучавшей богословие в Петербургской духовной академии и закончившей ее. Отношения с мужем откровенно не ладились: то, что их объединило – увлечение модными поэтическими и философскими течениями, а главным образом стремление к богемному образу жизни, – потеряло для Лизы былую привлекательность. Она явственно начала осознавать, что душа ее попала в капкан «безответственных слов». Ей, как человеку необычайной активности и действия, мир неспешных интеллектуальных бесед и философствований на отвлеченные темы, уводящих от конкретных нужд народа, казался ненужным. К тому же в гимназические годы у Елизаветы перед глазами был яркий пример бескорыстного служения, основанного на христианской вере и любви к ближнему, –

речь идет о ее петербуржских тетушках по отцовской линии, профессионально занимавшихся благотворительной деятельностью, – куда более близкий ее характеру.

Ранней весной 1913 г. Елизавета Юрьевна уехала из Петербурга в Анапу. Пришло время осмысления пережитого в столице. Поселившись в имении Джемете, она продолжала писать стихи, занялась виноделием. Окончательный разрыв с мужем произошел осенью (вскоре после развода он принял католичество, а в 1920 г. эмигрировал, вступил в орден иезуитов и принял священство). А на исходе октября родилась внебрачная дочь Лизы. И было дано ей имя Гайана, что на греческом языке означает «земная», ибо рождена была от земной любви, которой Лиза пыталась заглушить бездонную страсть к Блоку.

Первая мировая война положила конец тихой провинциальной жизни. Ушел на фронт и пропал без вести отец Гайаны. Елизавета Юрьевна, не привыкшая быть в стороне от общественной жизни, осенью 1917 г. вступила в партию эсеров, какое-то время возглавляла городскую мэрию Анапы. С приходом большевиков, не разделяя их мировоззрения, все же согласилась стать комиссаром по здравоохранению и образованию. Позже она оказалась вовлеченной в борьбу эсеров против большевистской власти. Затем была арестована представителями Добровольческой армии, которым ее взгляды показались слишком «левыми», приговорена к расстрелу. Но на защиту поэтессы встали М. Волошин, А. Толстой, Н. Тэффи, Н. Крандиевская, В. Инбер и другие. Елизавету Юрьевну освободили. В следствии по ее делу принимал участие бывший учитель, а в то время член правительства Кубанского края Даниил Ермолаевич Скобцов. Позже они обвенчались. В 1920 г. Лиза с матерью и дочерью эмигрировала из России. С потоком беженцев из Новороссийска она отправилась в Грузию, где в Тифлисе у нее родился сын Юрий, затем на запад – в Константинополь, ставший лишь временным пристанищем. Здесь семья Скобцовых воссоединилась (Даниил Ермолаевич эвакуировался отдельно с кубанским казачьим правительством). Потом – в Белград. В Югославии, накануне переезда в Париж, на свет появилась дочь Анастасия (1922 г.).

Франция встретила беженцев несколько приветливее, чем предыдущие страны, хотя это никак не означало ни конца бедственного положения семьи, ни избавления от изнурительной работы. Елизавета Юрьевна окончательно испортила свои и без того близорукие глаза, выполняя швейные заказы. Когда Даниил Ермолаевич, выдержав экзамен, начал работать шофером такси, казалось, что станет легче… Говорят, Господь особо испытывает тех, кого хочет отметить своей любовью. Да, испытаний Лизе было отмерено сполна. Зимой 1926 г. тяжело заболела Настя. Доктора проглядели менингит в той стадии, когда можно было чем-то помочь. Девочку поместили в знаменитый Пастеровский институт; мать получила особое разрешение находиться при больной, ухаживать за ней, и в течение почти двух месяцев она присутствовала при медленном умирании своей дочери.

16 марта 1932 г. в храме Сергиевского подворья при парижском Православном Богословском институте Елизавета Скобцова приняла монашеский постриг, получив имя Мария в честь святой Марии Египетской. Но она не ушла в монастырь, а осталась работать в миру, поддерживая тех, кто оказался на дне эмигрантской жизни. «…Я знаю, что нет ничего лицемернее, чем отказ от борьбы за сносное матерьяльное существование обездоленных под предлогом, что перед вечностью их матерьяльные беды ничего не значат», – писала она. Для матери Марии любовь к Богу и любовь к людям были неотделимы. Не признавая голого аскетизма, она отстаивала право принявшего постриг быть в гуще жизни: «Сейчас для монаха один монастырь – мир весь». Еще с 20-х гг. она считала социальную работу одной из важнейших. Созданное по ее личной инициативе объединение, названное «Православное дело», стало центром социальной помощи, а также местом встречи многих писателей и ученых. Мать Мария и ее соратники организовали несколько общежитий и дешевых столовых, санаторий для туберкулезных больных, оборудовали две православные домовые церкви. Монахиня Мария сама участвовала в их росписи и вышивала иконы. Физической работы она не боялась: и полы мыла, и перебивала

матрацы, и в то же время писала пламенные речи, выступала на конференциях. Ее перу принадлежит ряд полемических статей со страстной защитой своего понимания монашества как полного самоотречения в пользу служения людям, которое она считала первоочередной задачей – куда выше созерцания и «аскетических упражнений».

Вместе с тем, оказывая помощь больным и безработным, мать Мария никогда не опускалась до снисходительной благотворительности, унижающей и дающего и принимающего. Как-то раз ее спросили: «Почему вы в вашей столовой кормите не бесплатно, а берете один франк?» (в обычной закусочной мало-мальски приличный обед стоил франков восемь). Она ответила: «Я кормлю за франк, и все довольны: какая мать Мария молодчина, что так выкручивается. Если же я стала бы давать даром, каждый сказал бы: даром кормить невозможно; значит, кто-то дает деньги и, возможно, часть остается в ее кармане. А если я вижу, что человеку и франк не по силам, я ему его дам. Но все же он будет относиться к этому обеду более уважительно». Мать Мария не останавливалась даже перед тем, чтобы выписывать фиктивные справки о работе в основанных ею домах, потому что такие справки давали возможность устраиваться на реальную работу. Через несколько лет парижская администрация заподозрила неладное и действительно выявила фиктивность многих справок, выданных матерью Марией, но уважение к ней было настолько велико, что этому делу не дали хода.

В 1936 г. многострадальную женщину постигло новое горе: ее старшая дочь Гайана, вернувшаяся за полтора года до того в Советский Союз, скоропостижно скончалась в Москве, согласно укоренившейся версии – от тифа. Мать Мария приняла эту смерть с христианским смирением. Она вообще мало делилась своими переживаниями с окружающими, внешне держалась с людьми непринужденно: веселая, немного лукавая улыбка часто озаряла ее полное, румяное лицо и оживляла карие глаза. Она охотно общалась с людьми и производила впечатление открытости и прямоты. Интересен тот факт, что еще накануне нападения Германии на СССР Американский Еврейский Рабочий комитет составил список лиц, которых США готовы были принять в качестве беженцев. В том списке была и мать Мария. Надо ли говорить, что проблемы выбора для нее даже не существовало. После оккупации Франции Елизавета Юрьевна наладила контакты с организациями французского Сопротивления. Она спасала евреев, отправляла посылки заключенным, укрывала бежавших советских военнопленных и французских патриотов. Во время массовых арестов евреев в Париже летом 1942 г. она проникла на зимний велодром, где их держали в изоляции, и провела там три дня. Ей удалось организовать побег 4-х детей в мусорных корзинах. В одном из ее общежитий в годы войны провел свои последние дни поэт К. Бальмонт. В другом пансионате ей удалось спасти от уничтожения архив И. Бунина. В феврале 1943 г. мать Мария была арестована, вместе с ней в гестапо попал и сын Юрий (был отправлен в концлагерь Бухенвальд, а затем в Дору на строительство подземных ракетных заводов, где и погиб в феврале 1944 г.).

Даже в нацистском лагере смерти Равенсбрюк, где она провела в качестве узницы последние два года жизни, мать Мария была духовной и моральной опорой своих товарок – заключенных вместе с ней французских коммунисток и участниц Сопротивления. Читала стихи, рассказывала о России, о Блоке, перевела на французский язык «Катюшу», и ее, невзирая на запрет, пели узницы концлагеря. Своей верой, бодростью, участием она поддерживала множество людей. Здесь, в лагере, был предел человеческой беды и муки и страшная возможность духовного отупения и угасания мысли, здесь так легко было дойти до отчаяния. Но мать Мария уже умела осмысливать страдания и самую смерть. Она учила своих подруг по несчастью пересматривать свое отношение к окружающему, находить утешение даже в самых страшных образах лагерного быта. Так, непрерывно дымящие трубы крематория создавали чувство обреченности; даже ночью полыхало зарево печей, но мать Мария, показывая на тяжелый дым, говорила: «Он такой только вначале, около земли, а дальше, выше делается все прозрачнее и чище и, наконец, сливается с небом. Так и в смерти. Так будет с душами»…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.